

А Г А Б Е К О В

чека
за
работой

Г. С. АГАБЕКОВ

быв. начальник Восточного Сектора Иностранного отдела ОГПУ
(1928—1929) и резидент ОГПУ на Ближнем Востоке (1929—1930)

Ч. К.

за работой

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СТРЕЛА“ / 1931

Alle Rechte, insbesondere das der Übersetzung, vorbehalten
Copyright by the author

ПРЕДИСЛОВИЕ

В середине прошлого года я открыто порвал с ГПУ где я работал в течение 10-ти лет непрерывно. Не будучи уверен, что я останусь в живых после того, как о моем намерении станет известно руководителям ГПУ, я составил записки о деятельности ГПУ, во всех странах мира, которые могли быть опубликованы даже после моей смерти. В то время моей основной задачей являлось разрушить, дезорганизовать весь налаженный десятилетием, секретный аппарат ГПУ за границей. Для этого нужно было разоблачить весь людской состав секретных агентур, что я и сделал в своих записках, указав почти всех агентов ГПУ, во всех странах Востока и Запада, которые мне были известны.

Мои «записки» достигли поставленной цели. Часть агентуры ГПУ была арестована правительствами стран, где они вели свою шпионскую деятельность. С другой же частью ГПУ прервало связи, исходя из принципа разведки: «разоблаченный агент теряет всякую ценность». В аппарате иностранного Отдела в Москве, вождам ГПУ также пришлось произвести массовые пертрубации. Разоблаченные резиденты ГПУ уже не могли быть использованы для заграничной ра-

боты. Их нужно было заменить новыми кадрами. Эта же мера диктовалась тем, что многие резиденты были моими личными друзьями и вожди ГПУ боялись, что вырвавшись за границу, они могут примкнуть ко мне и дополнить мои разоблачения.

Таким образом иностранный отдел ГПУ к концу 1930 года, после десятилетней стройки, втечении какового времени сумел раскинуть густую шпионскую сеть по всему миру, оказался у вдребезги разбитого корыта.

Но жизнь не ждет и ГПУ приступило к подготовке новых резидентов, которые должны снова начать прями новую шпионскую сеть, по всем странам.

В связи с этим является своевременным разоблачить другую, не менее важную сторону работы ГПУ — это комплектование работников ГПУ и методы работы чекистов за границей. Я обещал это сделать в своей первой книге, но это мне не удалось по ряду причин и постараюсь сдержать свое обещание выпуском настоящей книги. Читатель, я надеюсь, познакомится не только с методами чекистов, но и с психологией самих чекистов и легко их узнает, встретив на своем жизненном пути.

В этой книге, также как и в первой, я привожу исключительно фактические данные, по которым я готов дать объяснения и нести ответственность перед любым заинтересованным правительством или лицом.

ГЛАВА I

Коммунисты в ЧК.

«Товарищи! Класс помещиков и капиталистов у нас уничтожен. Вместо царской России — теперь РСФСР. Власть находится в руках трудящихся, в руках рабочих и крестьян. Мы победили на фронте военном. Авангард пролетариата, коммунистическая партия, призывает всех трудящихся на новый фронт — фронт трудовой: Для восстановления страны, разрушенной годами империалистической и гражданской войны . . . » монотонно, по складам читал политрук передовицу Екатеринбургской газеты «Уральский рабочий» сидящим вокруг него на нарах красноармейцам.

Это был урок политической грамоты — политчас в казармах 210-го батальона войск ВНУС (Внутренней Службы). Стоял ледяной мороз. Казармы, несмотря на то, что стояли холода, не отапливались. Не было дров. Красноармейцы ежились в своих рваных шинелях и слушали чтение политрука.

Я, 24-хлетний юнец, будучи Военкомом батальона, расхаживал по помещению своего батальона, подходя то к одной, то к другой группе занимающихся, и следил за занятиями. Мне было холодно, как и всем

остальным, и я шагал все чаще и чаще, чтобы отогреть оокоченевшие ноги. Прохаживаясь, я с наслаждением думал о конце политчаса, когда я смогу пойти в канцелярию батальона, погреться у маленькой железной печурки и проглотить горячего кипятку, заменяющего чай. Мечты мои прервал голос батальонного писаря, прибежавшего в одной рубахе с разносной книгой в руке.

«Вам срочный пакет из Губкома, товарищ комиссар, распишитесь», обратился он ко мне, передавая разносную книгу с пакетом.

Расписавшись в книге, я вскрыл пакет.

«Члену РКП/б/Тов. А...

«С получением сего предлагается Вам немедленно явиться в Губком Партии РКП/б/ к Заведующему Учраспредом Тов...» пробежал я письмо.

Зачем это я понадобился в Губкоме? Наверно опять поручат сделать какой-нибудь доклад, а то еще хуже — руководить субботником, — подумал я, пряча отношение в кармане.

Губком помещался недалеко от казарм и я решил сходить туда до конца занятий и узнать, в чем дело. Через десять минут я уже был в Губкоме, дождавшись своей очереди, подошел к Заведующему Учраспредом и протянул ему письмо.

«А! Тов. А..., по постановлению Губкома Вы назначены в распоряжение Губчека, где срочно требуются сотрудники-коммунисты. Списки на вас посланы еще вчера, потому советую Вам завтра же с утра явиться в распоряжение Губчека», сказал Заведующий и вслед за этим повернулся и начал говорить со следующим посетителем. Я медленно отошел от него и, выйдя из Губкома, направился в казарму. За-

нения шли к концу, но они меня уже перестали интересовать. Я даже забыл о предстоявшем горячем кипятке. Я мог думать только о том, что с завтрашнего дня я буду сотрудником ЧК, о котором я так много слышал как о беспощадном органе диктатуры пролетариата, не знающем пощады к врагам революции. ЧК, о котором все население пело частушку:

Ой, яблочко, куда катишься,

В Губчека попадешь, не воротишься . . . »

С завтрашнего дня я буду называться чекистом. Затем мелькнула мысль: а что я там буду делать. Ведь я же в сущности только старый солдат, несмотря на мои 24 года, и ничего кроме войны не знаю. Может быть мне поручат расстреливать приговоренных? Ведь их там, говорят, расстреливают десятками каждую ночь. Нет, я на такое дело не пойду. Да и зачем им брать на такую работу Военкома Батальона? А впрочем завтра увидим!

К 9-ти часам следующего утра я уже подходил к зданию Губчека, помещавшемуся на Пушкинской улице. Широкое двухэтажное деревянное здание. У входа стоит часовой-красноармеец, вооруженный винтовкой, револьвером и шашкой. Я медленно направляюсь ко входу.

«Пропуск, товарищ!» спрашивает часовой у меня. «У меня еще нет пропуска, я только что назначен в ЧК», отвечаю я неуверенным голосом.

«Третья парадная налево, в комендантуру. Там спроси пропуск», указывает мне часовой.

Подхожу к комендантуре. Дверь наверх и рядом ворота во двор. Снова часовые у двери и у ворот. Ниже слышны какие-то смутные голоса. Я посмотрел

вниз и увидел узкие решетки подвальных окон, полузамерзших от мороза. В просветах видны людские головы. Это наверное подвал Губчека, думаю я, и отвернувшись быстро вхожу в комендантуру. Длинная комната, разделенная деревянной перегородкой с маленькими оконцами. Я просунул свой мандат и партийный билет в одно из окошек. Через пару минут высунувшаяся рука возвратила мне бумагу и пропуск. — «2-й этаж, комната 8, к тов. Корякову», — дал мне указание дежурный комендант.

Я возвратился с пропуском к большому зданию. Часовой, осмотрев пропуск, пропустил меня, и я прямо по лестнице поднялся на второй этаж. Перед дверьми стоял второй часовой, уже только с одним револьвером. Он также проверил пропуск и пропустил меня за дверь. Я вошел в узкий корридор, освещенный электрический лампочкой. По бокам корридора двери с номерами. Налево я заметил № 8 и подошел к нужной мне двери. «Уполномоченный по борьбе с контрреволюцией», читаю я на двери. Значит сюда. «Входи», слышу голос на мой стук и, открыв дверь, вхожу. Маленькая, не более 5 кв. метров, комната. У окна письменный стол, в одном углу небольшой несгораемый шкаф, какой-то деревянный шкаф с бумагами и несколько кожаных кресел. На стене висят портреты Ленина и Дзержинского; за письменным столом сидел парень лет 26-ти с папашой на голове, из-под которой выбивались светлые волосы. Полушубок из оленьей кожи и «кольт», висевший на ремне через плечо. Он что-то писал.

«В чем дело, товарищ», спросил он, мельком взглянув на меня и продолжая писать.

Я начал рассказывать о своем назначении в ЧК и

одновременно разглядывал каракули, которые он старательно выводил на бумаге. Вдруг, не дав мне закончить, он внезапно оторвался от бумаги и подскочил к окну.

«Пойди сюда! Смотри!» подозвал он меня. «Видишь того буржуя в черной шубе», спросил он.

Я посмотрел в указанном им направлении и увидел человека, одетого в черное, проходившего по противоположному троттуару.

«Вижу», ответил я.

«Беги за ним и проследи, что он будет делать сегодня до 12-ти часов ночи. Завтра придешь в это время и письменно доложишь о своих наблюдениях», приказал он.

«Да, но я командирован»... начал было я.

«Засохни и брось свои комиссарские привычки заниматься демагогией. Делай, что приказывают, товарищ!» скомандовал он.

Я подумал, что пока я буду спорить, человек на улице уйдет и я его потом не найду. Взяв свой пропуск, я стремительно выбежал из комнаты и бросился вниз.

«Стой, товарищ! Пропуск!» остановил меня часовой, загораживая дорогу штыком.

Я подал ему пропуск. Он, не спеша, внимательно осмотрел бумажку и насадил ее на штык.

«Проходи!» и я стремглав полетел за человеком в черном. Догнал его на углу и, обогнав, заглянул ему в лицо. Это был человек средних лет, с типичным русским лицом. Серые глаза, светлые усы и борода. Одет он был в черного меха шапку и в черную же поповскую шубу с енотовым воротником. Он шел спокойными шагами, не обращая на меня никакого внимания.

Но я вдруг вспомнил кучу прочитанных мною детективных романов, где как правило сыщики следили за своими жертвами незаметно для них, и также, чтобы не быть замеченными своим объектом, несколько отстал от него, а затем даже перешел на противоположную сторону улицы. Так мы шли минут десять. Черное пальто, дойдя до здания коммунального хозяйства, вошло туда. Спустя минуту, я зашел вслед за ним. Я нашел мой объект в коридоре разговаривающим с другими посетителями, которые обращаясь к нему, называли его «товарищ заведующий». Итак, это был Заведующий коммунальным хозяйством, который с утра шел к себе на службу и вероятно он пробудет здесь до конца занятий. Так оно и оказалось. Он направился к себе в кабинет и больше не выходил. Мне ничего не оставалось, как ждать. Я бродил вокруг этого учреждения до 4-х часов дня. В четыре заведующий вышел со службы и пошел к себе домой. Следя за ним, я также пришел к его дому и зашел к Председателю Домкома, где я узнал фамилию моего объекта, его семейное положение и прочие мелочи. Закончив с этим, я опять стал ждать, но так и не дождался выхода моего «буржуя». Он видимо был добрый семьянин и сидел в кругу своей семьи. Я же как проклятый ждал его до 12-ти часов ночи, на морозе, не евши. В полночь я, ооченевший, проклиная свою новую службу, вернулся к себе на квартиру.

На следующий день я опять очутился в Губчека в комнате № 8. Там я застал, кроме вчерашнего субъекта, еще одного. Среднего роста, добродушного вида, с круглым, румяным лицом и опущенными по-крестьянски вниз усами, он сидел по другую сторону письменного стола, в пиджаке, одетом на русскую рубаху.

«А, здорово, товарищ! Ну, как дела?» обратился ко мне мой вчерашний знакомый.

Вместо ответа я подал ему приготовленный рапорт о моих вчерашних наблюдениях. Взяв бумажку, он, не читая, бросил ее на стол и обратился к человеку в пиджаке.

«Вот, товарищ Коряков, Губком прислал нам нового работника. Парень ничего — шустрый.»

Я поздоровался с Коряковым. Это и был уполномоченный по борьбе с контр-революцией. Ознакомившись с моими бумагами, Коряков открыл ящик стола и извлек несколько листов бумаги.

«Вот, товарищ А., заполните эти две анкеты, напишите свою автобиографию и подпишите подписку. Вы будете моим помощником и по секретной агентуре. Садитесь здесь к столу и пишите», сказал Коряков, подавая мне бумаги.

Я взял подписку и начал читать.

«Я, ... сотрудник Екатеринбургского Губчека, обязуюсь выполнять все распоряжения ВЧК и его органов. Обязуюсь сообщать о всем слышанном и замеченном, могущем принести вред Советской Власти, своим ближайшим начальникам. Все мне известное по работе в органах ЧК обязуюсь хранить в строгой тайне. В противном случае я буду подвергнут высшей мере наказания — расстрелу.»

Я написал автобиографию, заполнил анкеты и подписку. Коряков, взяв бумаги, аккуратно вложил их в папку, на котором старательно вывел:

«Личное дело сотрудника ВЧК Агабекова.»

И также аккуратно открыв несгораемый шкаф, положил эту папку на пачку других такого же рода.

Так я был принят в ЧК. Отныне я должен быть чекистом. Должен смотреть, слушать и доносить.

Сегодня коммунист, а завтра чекист. Какая разница. Ведь Ленин сказал, что «каждый коммунист должен быть чекистом».

ГЛАВА II.

Проверка чекистов.

Это был месяц спустя, после того как я был назначен в Губчека. Благодаря моей, сравнительно с другими, грамотности, мне поручались все более крупные дела. Однажды вечером я был срочно вызван Уполномоченным Коряковым.

«Вот что, товарищ А.: Имеется очень опасное и ответственное дело, которое я хочу поручить Вам. Дело в том, что вчера ночью наши агенты задержали подозрительное лицо, которое, по агентурным данным, ехало на какой-то тайный съезд в Екатеринбург. При обыске у него обнаружен клочек бумаги, с адресом одного лица, живущего здесь в Екатеринбурге, и пароль «Сибирь близка Уралу». На допросе он отказался отвечать на вопросы, видимо, чтобы оттянуть время и дать возможность организации замести следы. Поэтому мы решили послать по обнаруженному адресу нашего человека с найденным паролем, дабы скорей выяснить в чем дело. Вы не побойтесь принять эту задачу на себя?» спросил он.

«Нет, конечно», ответил я, «но я бы хотел знать

больше подробностей о задержанном лице, чтобы не попасться впросак».

«Других данных, кроме того, что я сказал, нет. Да! при нем же найден еще железнодорожный билет, из которого видно, что он ехал из Томска. Вот и все. Кстати, имеете ли Вы револьвер?»

«Да, наган всегда при мне», ответил я.

«Так и прекрасно, товарищ! Вот Вам адрес и пароль. Идите туда сейчас же, а завтра доложите мне о результатах.»

Я вышел из ЧК и направился по указанному адресу. Нужная улица находилась где-то у пруда за городом. После долгих поисков я нашел номер дома и остановился перед маленькой калиткой. Предварительно проверив револьвер, я постучал. Дверь открыла пожилая женщина.

«Здесь живёт гражданин П.?» спросил я.

«Да. Пожалуйста, входите», любезно пригласила она.

Я поднялся по лестнице, за женщиной, которая проводила меня в комнату и, попросив подождать, вышла.

В ожидании я разглядывал комнату. Единственное окно во двор. Скромная мебель. Стол, над которым висит большое зеркало. На стенах картины. Среди них я вижу портрет Карла Маркса. Странно, подумал я, зачем у контр-революционера висит Маркс! Наверно, чтобы лучше себя замаскировать, ответил я сам же на свой вопрос.

В это время вошел высокий, здоровенный мужчина с чисто бритым лицом, одетый в сюртук. Войдя, он вопросительно посмотрел на меня. Я также ни слова не говоря, протянул ему написанный на клочке бу-

маги пароль. Рука невольно крепче сжала рукоятку нагана в кармане шинели.

«А, наконец-то Вы приехали. А мы Вас ждали раньше. Что так задержались?» спросил он, держа в руках пароль.

«Трудно было с устройством документов, да и поезда сейчас, сами знаете, как ходят», ответил я.

«Да, да! Ну ладно, давайте выйдем прогуляться и потолкуем на свежем воздухе», предложил он, надевая шубу. Застегнувшись, он повернулся ко мне спиной и что-то шарил в кармане. Я взглянул в зеркало и увидел, что он перекладывает браунинг из кармана брюк в пальто.

Невольная дрожь пробежала по моему телу. Что если он угадал, что я не тот, за кого себя выдаю. Что если он меня пристрелит здесь на окраине города, и концы в воду...

Мы вышли вместе. Мой спутник предложил пройти к чернеющему недалеко лесочку.

«Нет, уединяться опаснее», возразил я, «лучше будем ходить по главным улицам. Меньше подозрений.» А сам думал: на главных улицах он не посмеет стрелять.

Он не возражал. Мы пошли по направлению к городу. На ходу он задавал вопросы о состоянии «нашей организации» в Томске, о настроении членов партии, об отношении к нам населения и т. д. Я ему что-то плел, стараясь не дать ему возможность меня расшифровать. В свою очередь я начал спрашивать о состоянии организации в Екатеринбурге.

«О, у нас здесь, видимо, поставлена работа лучше, чем у Вас. Мы имеем мощную организацию. Много наших членов среди армии и даже в коммунистической

партии. Оружия сколько угодно. Так что если будет постановление съезда, то скоро можно будет начать выступление против Советов. Да, кстати», продолжал он, «Вы приготовили тезисы Вашего доклада на съезде?»

«Нет еще, я вообще боюсь держать у себя что-либо компрометирующее», ответил я, а сам подумал: однако, дело серьезное; собирается какой-то съезд.

«Приготовьте тезисы к съезду и передайте их мне послезавтра вечером, при новой встрече», предложил он мне.

Погуляв еще немного, мы попрощались. Ч. поплутал немного по улицам, дабы убедиться, что за мной нет наблюдения и затем поспешил домой.

На следующее утро я сделал подробный доклад Корякову о своей встрече и беседе.

«Прекрасно, продолжайте», сказал Коряков, потирая руки». Я заготовлю тезисы к завтрашнему дню и Вы их передадите ему».

В назначенный вечер я пришел на место свидания раньше времени. Тезисы доклада лежали у меня в кармане. Я расхаживал по мерзлому снегу, чтобы согреться и не подавать вида прохожим, что я кого-то жду.

В условный час подкатили прекрасные сани, из которых вышел ожидаемый мною человек. На этот раз он был одет в военную форму. На нем прекрасно сшитая кавалерийского образца шинель и буденовка с большой красной звездой. Он быстро подошел ко мне.

«Я очень тороплюсь. Послезавтра состоится съезд всех делегатов. У меня масса работы по организации съезда. Давайте Ваши тезисы. Вам нужно послезавтра в 9 часов вечера быть у Городского Театра. Сперва проедет мотоциклетка, а за ней следом будет идти ав-

томобиль, который остановится около Вас. Вы подойдете к шоферу и скажете пароль: «Светло», на что он ответит: «Но холодно». Тогда спокойно садитесь в машину и Вас доставят на съезд.

Я не успел ничего ответить, как он вскочил в сани и помчался дальше.

Сведения чрезвычайно важные. Я должен их сообщить немедленно, решил я, и несмотря на поздний час направился прямо в Губчека.

Корякова не было. Он где-то на операции, иначе говоря, производил обыск и арест. Я решил пойти к самому Начальнику Секретно-Оперативной Части ЧК Хромцову и доложить обо всем.

«Войдите!» ответил голос на мой стук в дверь. Я вошел. Большая комната. На полу ковры. У стены за громадным письменным столом сидит Хромцов. Лет под 40, с бритым полукруглым лицом, хитро бегающими зеленоватыми глазками. Стриженная голова с лысиной. Перед ним на столе куча бумаг. Настольная лампа, пара револьверов, и колбаса с хлебом. На стене за его спиной висят несколько нагаек. Это и был Хромцов, одно имя которого наводило ужас на арестованных в Губчека.

«В чем дело, товарищ?», обратился он ко мне, одновременно уплетая колбасу.

Настроение у него, как видно, было хорошее. Я ему рассказал подробно о своей встрече и о готовившемся съезде контр-революционеров.

«Хорошо, до завтра времени еще хватит разделаться с этой бандой. Доложите завтра утром Корякову и он примет меры», сказал он, и поднявшись, направился к шкафчику у стены.

Я, считая разговор законченным, повернулся и пошел к дверям.

«Подожди», окрикнул меня Хромцов, открывая шкафчик, «хочешь выпить?», спросил он меня, доставая из шкафа бутылку со спиртом.

Я согласился. Хромцов налил чайный стакан и залпом выпил. Наполнив вторично, он передал мне. Я не пил долгое время, кроме того я не кушал в этот день. Спирт ударил мне в голову; я зашатался.

«Что, слаб ты, я вижу, по этой части?» сказал Хромцов, ухмыляясь. «На, закуси, пройдет». И он мне передал хлеба и колбасы.

Я вышел из ЧК поздно. Лунная, морозная январьская ночь. Снег хрустел мягко под валенками, а выпитый спирт разливал теплоту по всему телу. На душе также хорошо. Я выполнил долг коммуниста-революционера. Я раскрыл контр-революционный заговор.

На следующее утро я пришел на службу с приготовленным подробным рапортом о вчерашних похождениях. Не успел я открыть дверь комнаты № 8, как дружный хохот встретил меня. Не понимая, в чем дело, я обвел взглядом комнату, и о ужас: За столом напротив Корякова сидел мой таинственный «организатор съезда» и усмехался.

«Вот познакомься», продолжая смеяться, обратился ко мне Коряков. «Это мой другой помощник по секретной агентуре. Видишь-ли, мы просто организовали всю эту историю, чтобы посмотреть, как ты будешь держаться и чем вообще дышешь. А теперь, давай примемся взаправду за работу по борьбе с контр-революцией.»

Так проверяли и проверяют преданность молодых чекистов.

ГЛАВА III.

Агентурное дело «Люся».

На окраине города Екатеринбурга, большой участок земли, обнесенный высокой древней стеной. Внутри ограды несколько старых и новых крепких построек и обширная церковь. Двор разбит на дорожки, обсаженные деревьями, выглядевшими такими-же древними и крепкими как и постройки. Эта усадьба до революции была отведена под женский монастырь.

Ныне монашенки в большинстве разбежались, а оставшиеся несколько старушек переселились в маленький флюгелек и промышляют обшиванием золотом знамен Советов.

В главном же здании был размещен кавалерийский полк, а церковь была обращена в клуб для красноармейцев.

Иконы и другая церковная утварь были вынесены на чердак и брошены на произвол судьбы. Стояла зима, не было дров и красноармейцы рубили деревья на дворе монастыря, оголяя аллеи, несмотря на то, что

рядом за оградой начинался лес. Иконы же и другую утварь брали для разжигания сырых дров.

В одном на монастырских флигелей жили люди, не имевшие никакого отношения ни к монастырю, ни к красноармейцам. Это были главным образом мелкие советские служащие, о коих никто не заботился, или же люди, выгнанные реквизицией из своих домов и не нашедшие другого жилья, как эти старая маленькая комнатка, служившая видимо кельями прежним обитательницам.

В этом же флигеле жила молодая девушка, Люся, с маленьким братом. Потерявшая во время гражданской войны родителей, она служила в каком-то советском учреждении и содержала себя и брата.

Не помню, как и где я с ней познакомился, но она мне понравилась своим энергичным, сильным и бойким характером. Я видимо также был для нея не безразличным, поэтому я часто проводил в ее крохотной комнатке свои свободные вечера.

По своей работе в Губчека я имел задание вербовать секретных агентов во всех слоях населения, подходящих для информационной работы. И я решил завербовать Люсю. Я хотел этого не потому, что она могла быть полезна чем-либо, а лишь потому, что я видел ее нужду, доходившую до голода. Ведь она получала $3/4$ фунта хлеба в день на двоих. Устроив же ее в число секретных информаторов, я мог бы выписывать для нее усиленный паек продовольствия из обильных запасов ЧК.

Однако в беседах с ней я не знал, как лучше приступить к этой щекотливой теме и часто сидел в задумчивости.

«Что ты все думаешь?», как-то спросила Люся в один из таких моментов.

«Да так, дела», ответил я уклончиво.

«Я вообще замечаю, что ты в последнее время что-то много думаешь. К чему-то готовишься. Поделись со мной, скажи в чем дело?» продолжала она.

«Ах, что говорить! Все-равно ведь не сможешь помочь!»

«А может-быть и смогу. Я ведь не такая уж дура. Говори, в чем дело. Заговор какой-нибудь, что-ли», спросила она с любопытством.

Тогда я решился раскрыть перед ней карты и предложить работать для ЧК. Но прежде чем я начал свою речь на эту тему, я как-то машинально спросил:

«Скажи, Люся, кого ты больше любишь, белых или красных?»

«Как тебе сказать?», задумчиво ответила она, «к белым я отношусь равнодушно, а красных я ненавижу всей душой».

Я был огорошен искренностью ее ответа. Значит, она должна ненавидеть меня. Хорошо, что она не знает, что я тоже коммунист, тем более — чекист.

Я молчал. Я не мог больше и думать о вербовке ее в информаторы ЧК.

«Скажи, верно-ли я угадала, что ты подготавливаешь возстание. Я ведь тоже могу помочь в этом деле», продолжала она.

«А чем ты могла-бы помочь?» задал я вопрос.

«А что нужно! Я же не знаю. Скажи, что нужно делать?», приставала она.

«Ну что бывает нужно для восстания?» уже равнодушно говорю я. «Конечно, люди, деньги и оружие».

«Я могу помочь теле людьми», — вдруг выпалила она.

«Как, какими людьми?», в тревоге спросил я.

«Видишь-ли», начала она, «здесь в лесах сейчас скрываются очень много красноармейцев-дезертиров. Это в большинстве крестьяне из окрестных деревень. Их мобилизовали в Армию и хотели отправить на польский фронт, а в то же время их хозяйства подвергают всевозможным реквизициям. Узнав об этом, они убежали со службы и скрываются в лесу. Я их часто встречаю, так как их семьи приносят для них хлеб сюда, а я уже передаю им в лес. Ах! если бы ты слышал, что рассказывают они и их семьи о коммунистах! Ты бы их также возненавидел как я», продолжала она. «Их сейчас в лесу около 50 человек. Они хотят подобрать еще человек 50, достать оружие и начать партизанскую войну против большевиков.»

Я сидел ошеломленный и слушал. Оказывается, тут у меня под боком организовывается банда для борьбы с Советской Властью. Я чекист и поэтому должен немедленно доложить об этом в ЧК. Я должен раскрыть и арестовать эту группу. Да, но Люся! Как быть с ней! Что будет с ней, если я донесу? Ведь ее тоже арестуют. Мало того, возможно, что и расстреляют. А ведь она же не знала, кому доверилась! Наконец, она мне нравится, может-быть даже я ее люблю. Что делать?

«Ну, что же ты молчишь?» — оборвала Люся мои мысли. «Хочешь, я познакомлю тебя с ними?»

«Подожди, посмотри, нужно подумать», ответил я. Я больше не мог сидеть в ее комнате. Я должен уйти и в самом деле подумать. Немного спустя, я попрощался и вышел из монастыря на улицу.

Уже ночь. До дома далеко — километра два. Холодный ледяной ветер поднимает снежную пыль и носит ее по пустынным улицам. Я шел, и не чувствуя холода, по привычке кутался в шинель. Шел и обдумывал только что слышанное. Доложить в ЧК или нет? Чувство долга боролось с чувством к женщине, к человеку. Мысли в голове путались. Ах, если бы можно было с кем-нибудь посоветоваться, поделиться. Но с кем? Чем я гарантирован от того, что мои друзья также не работают для ЧК? Даже Люся. Не второе-ли это испытание со стороны ЧК! Я лег спать, не придя к какому-либо решению.

Утром, как обычно, я пришел на службу в ЧК. Поздоровавшись, я занял свое место и раскладывая бумаги, посмотрел в сторону уполномоченного Корякова. Он также смотрел на меня, ласковым, немного смеющимся лицом. Точно он знал о моем вчерашнем приключении. Знал о моем душевном состоянии и подбадривал меня своей улыбкой.

Это был момент, когда я почувствовал, что вопрос для меня решен. Я должен немедленно сообщить ему о дезертирах. Я чувствовал, что я должен принести в жертву не только Люсю и свои чувства к ней, но если потребуется, и самого себя. Ведь на то я коммунист-чекист, призванный защищать революционные завоевания пролетариата.

«Товарищ Коряков, у меня к Вам важное дело», сказал я, подсаживаясь к нему. И я передал ему мой разговор с Люсей, во всех подробностях.

«Хорошо, напиши рапорт и заведи агентурное дело. Приготовь все к 12-ти часам, чтобы я успел доложить Хромцову». Я написал рапорт и подписав его,

вложил в папку, на которой большими буквами вывел: «Агентурное дело, дезертиры, кличка «Люся».

Коряков вернулся с доклада, улыбающийся и довольный.

«Тебе придется разрабатывать это дело дальше. Пусть их соберется побольше. За это время постарайся установить с ними связь и выясни точное место их пребывания, их намерения и, главное, нет-ли у них связи с контр-революционными партиями», приказал Коряков, возвращая дело.

«Слушаю», ответил я.

Вечером я опять у Люси. На этот раз я уже сам навел ее на разговор о дезертирах.

«Да вот двое из них скоро придут сюда. Если ты хочешь, я тебя познакомлю с ними», предложила она.

Я с равнодушным видом согласился.

Спустя короткое время пришли дезертиры. Молодые крестьянские парни, одетые в черные деревенские полушубки и меховые шапки. Только американские ботинки да обмотки напоминали об их пребывании в армии.

Мы сидим за столом; пьем морковный чай без сахара и беседуем. Они мне сразу доверились. Живут они в лесу на заброшенной лесопилке. Жизнь опасная и нелегкая. В свои деревни показаться не смеют. Ненавидят комбеды, которые разорили их хозяйства в деревне. Решили бороться с большевиками.

«Вот только плохо с оружием», говорит один. «У нас всего три винтовки. Добиваемся оружия. Как только пополнимся, так начнем бить большевиков. Может-быть, Вы поможете достать оружие», спросил он меня.

Я ответил, что оружие может быть я сумею до-

быть из воинской части, где я служу. «Но я боюсь, что у Вас может оказаться шпион, который потом меня и выдаст», добавил я.

«Да что Вы. Там все наши ребята. Вот приходите к нам и увидите сами, что за ребята», пригласили они.

И мы тут-же условились, что в следующее воскресенье они опять придут сюда за продуктами и поведут меня в лес показать своих ребят.

Закинув мешки с сухарями за плечи, они ушли.

Уже спускались сумерки, когда в следующее воскресенье я вышел из монастыря в сопровождении знакомых дезертиров. Выйдя за ограду, мы направились к опушке леса. Долго мы шли вдоль опушки, пока наконец свернули в лес и пошли по протоптанной снежной тропинке. Кругом стоял высокий стройный сосновый лес. Тишина. Я шел за быстро идущими спутниками. Прошли навверное около двух верст вглубь леса. Внезапно из темноты раздался голос.

«Кто идет?»

«Свои, братишка», разом ответили мои спутники. Из-за дерева вышел молодой мужик с винтовкой и подошел к нам. Обменявшись с ним несколькими фразами, мы пошли дальше, а часовой опять направился к своему посту.

Еще шагов двести и среди деревьев промелькнул огонек. Наконец открылась широкая поляна, на которой я увидел несколько развалившихся строений. В одном из них светился огонь и слышались голоса. Мы направились на огонь. Это был длинный досчатый сарай. Посередине ярко топилась печка-буржуйка, на которой что-то варилось. Вокруг печи, расположившись прямо на полу, в полушубках и шинелях, чело-

век двадцать грелись и беседовали. Были видны люди, лежавшие и вдали от огня. Сарай освещался толстой вагонной свечей, воткнутой в бутылку, стоявшей на подоконнике. Окна были забиты наглухо досками.

При нашем входе разговоры смолкли. Меня пропустили ближе к печке.

«Так вот, братишка, видишь, как живем», обратился ко мне мужчина лет 35-ти с длинными унтерскими усами, закрученными кверху. «Вот дожили до власти народной, а народ-то, вишь, от своей власти в лесу прячется».

Постепенно все разговорились. Все жаловались и проклинали советскую власть, которая оказалась не лучше царской. Каждый приводил десятки примеров действия властей, которые разорили дочиста хозяйство крестьян.

После двухчасовой беседы я ушел, обещавшись помочь чем могу. До опушки леса меня провожали мои старые друзья.

Через неделю я еще раз пришел к своим «милым братьями» и принес им три берданы, которые было решено на заседании Губчека передать дезертирам, чтобы укрепить их доверие ко мне. Прошло еще дней десять после этого, как однажды Коряков, вернувшись с доклада от Хромцова, сказал:

«Хромцов приказал сегодня ночью ликвидировать банду. Нужно также арестовать девицу, Операция назначена на 12 часов ночи. Ты возьмешь двух комиссаров и покажешь им точно, где живет девица, а с дезертирами мы разделаемся сами».

В 11 часов того же вечера я с двумя комиссарами пошел в монастырь. Пробравшись потихоньку по двору, мы подошли к флигелю и я, оставив своих спутни-

ков дежурить, вошел к Люсе. Она, ничего не подозревая, приготавливала постель. Долго сидеть у нея я не мог. Что-то щемило в душе. Я представлял ее маленькое лицо через час, когда придут за ней комиссары с наганами. В последний раз оглянув комнату и попрощавшись, я поспешно вышел. Недалеко от флигеля прохаживались комиссары, ожидая условного часа.

Мне больше нечего было делать. Я пошел домой и лег в постель. Но я не мог уснуть. Я все время смотрел на часы и представлял себе, что делается в лесу и в монастыре. Сегодня все они будут ночевать в подвале Губчека. Это была моя первая работа. Я не мог заснуть до утра.

Никакие доводы о долге коммуниста, о защите революции не давали успокоения. Перед глазами стояло лицо Люси, с укором взирающее на меня.

ГЛАВА IV.

Суд и расправа в ЧК.

Большая комната в два окна, на которых висят полупущенные шторы. Комната обставлена мебелью обитой коричневой кожей. Два громадных роскошных письменных стола, покрытых малиновым сукном. На одном из них стоят два телефонных аппарата. На стенах висят портреты Маркса, Ленина и Троцкого. Дверь занавешена тяжелой портьерой и обита войлоком и кожей, делающей ее звуконепроницаемой. Это кабинет Председателя Губчека Тунгускова.

Идет заседание Коллегии Губчека. За столом сидит Тунгуксов, напротив него в креслах Начсоч Хромцов и член коллегии Штальберг. Перед каждым из них листы чистой бумаги и список дел подлежащих рассмотрению. За другим столом сидит старший следователь Губчека Рабинович с грудой папок на столе, которые он нервно и торопливо перебирает.

Тунгусков старый матрос, одетый и сейчас в матросскую форму, с впалыми щеками и выбитыми зубами, бритый, с редкими волосами, зачесанными на-

зад. Вертит в руках цветной карандаш и просматривает московские газеты. Хромцов с опухшим от пьянства и бессонных ночей лицом, на котором выделяются маленькие, заплывшие хитрые глаза, развалившись в кресле, о чем-то оживленно спорит с рядом сидящей Штальберг. Это молодая, не более 25-ти лет, женщина с упрямым выражением лица, со светлыми, коротко-стриженными волосами и серыми мертвыми глазами. Это и есть Штальберг, третий член коллегии Губчека, наиболее бессердечный. Она иногда не только приговаривает к расстрелу, но и сама приводит приговор в исполнение.

«Ну товарищи, заседание объявляю открытым. Товарищ Рабинович, начинайте доклад», обратился Тунгусков к следователю, откладывая газеты.

Следователь взял первую сверху папку и вынув из нее лист бумаги с резюме дела, начал вслух читать; заканчивает он обычными словами:

«Принимая во внимание вышеизложенное, полагаю применить высшую меру наказания — расстрелять.»

Члены коллегии слушают следователя вяло, или почти не слушают. Ведь это все уже согласовано до заседания.

«Есть какие-нибудь возражения, вопросы?», спросил Тунгусков. Молчание.

«Утвердить», пробормотал Тунгусков в сторону следователя и поставил цветным карандашом крестик рядом с фамилией, дело которого слушалось.

Следователь также сделал пометку на постановлении и, отложив первую папку, сейчас же начал читать следующее дело. Он торопится. Чем больше дел рассмотрят, тем лучше. Нужно скорей разгрузить подвал с арестованными и дать место новым... врагам

революции. А времени так мало. Всего два часа заседают коллегия.

Наконец заседание кончено. Следователь передал постановления членам тройки на подпись. Все расписавшись, спешно разошлись. У каждого из них накопилось за эти два часа много новых дел.

Собрав бумаги, вышел за ними и следователь. Усталой походкой, пройдя к себе в кабинет, бросил папки на стол и вызвал по телефону коменданта Губчека.

Через несколько минут вошел комендант Попов. Это высокий широкоплечий детина, с рыжими, закрученными кверху усами. Он выглядит еще выше и здоровее рядом с маленьким и щуплым Рабиновичем. Одет он в черный кожаный костюм. Через плечо на ремне висит наган. На груди приколата большая звезда и красный бант.

«Ну как, работы много будет сегодня, тов. Рабинович?», спросил он, войдя в комнату следователя.

«14 человек», ответил Рабинович, передавая список коменданту. Комендант, покручивая усы, просмотрел список, неспеша сложил лист вчетверо и засунул в верхний карман кожаной куртки.

«Остальных шесть человек отправьте сегодня же в Исправдом», добавил следователь.

«Есть», ответил комендант по морскому, поправляя наган на ремне и, повернувшись, ушел через внутреннюю дверь в комендантуру.

Большое полуподвальное помещение, под комендантурой Губчека. Саженой тридцать, не больше. Помещение расгорожено деревянными перегородками на

три части. Никакого оборудования и мебели, если не считать электрических лампочек под потолком каждого отделения, да парашек. Узкие в решетках окна выходят на улицу. Кое-где в окнах стекла выбиты и двери затянuty тряпьем или старой валенкой. Деревянный пол, отопление никакого. Да оно и не нужно; и без того душно. Две двери ведут: одна во двор, а другая прямо в комендантуру. За закрытыми дверями стоят часовые и смотрят через просверленный глазок внутрь помещения. Это и есть знаменитый подвал Губчека.

Глубокая ночь. При свете электричества вповалку на полу, на своих мешках, шубах, а то и просто, подложив под голову шапку, спят тревожным сном около 120-ти человек. Это арестованные. Тела покрывают все пространство. Негде ступить ногой. Душный, смрадный воздух стоит в подвале неподвижно. Тишину нарушает лишь тяжелые вздохи и бормотание во сне спящих. Изредка кто-нибудь, проснувшись, шагая через тела, подходит к параше, стоящей у двери и возвращается на место.

Вдруг послышался лязг отпираемого замка и скрип двери. Все в подвале немедленно вскакивают, точно и не спали. Каждый про себя думает, не за ним ли идут. Но нет, это привели новых арестованных, — новую партию контр-революционеров. Красноармейцы пропускают в подвал новый десяток людей. Входят несколько бородатых, неуклюжих крестьян с мешками на плечах. Какой-то интеллигентного вида чековек с чемоданчиком в руке: не то чиновник, не то коммивояжер, и, наконец, старый деревенский поп, одетый в такой же дряхлый, как и он сам, тулуп.

Новоприбывшие вошли и боязливо высматривают,

куда бы приткнуться. Старые обитатели придвигаются плотней, подбирают ноги и освобождают место для пришедших.

Какой-то шутник поздравляет прибывших с новосельем.

Прошло несколько минут. Уже мешки нашли себе место и прибывшие, вытащив кисеты с деревенской махоркой, заворачивают собачьи ножки и предлагают табак соседям.

Кто-то задает вопрос: откуда, земляки? Щадринские, Камышловские, слышны ответы. Находятся земляки, и разговор принимает оживленный характер.

— А кто его знает, за что посадили. За контру эту самую. А какая контра и сам не знаю. Одно известно, весь хлеб отобрали в чистую. Семья нынче сидит голодом, а весной сеять будет нечего, — отвечают устало — безнадежным голосом один из прибывших.

Докурили цыгарки и вновь укладываются спать. Воздух стал еще тяжелее от зловонного дыма махорки.

Начинает рассветать. Приходит дежурый комендант. За ним два красноармейца несут большой ящик с хлебом, нарезанным ломтями. Каждый подходит и по списку получает дневную порцию — полфунта черного хлеба. Другие красноармейцы вносят бак с кипятком, и начинается чаепитие.

После завтрака арестованные сядутся группами и, закулив, делятся своими мыслями. Каждый рассказывает, за что его арестовали, и старается доказать, что за ним нет никакой вины, точно от убеждения собеседников зависит его освобождение. Так продолжается до сумерек.

Вновь открывается дверь и опять появляется де-

журный комендант с листом бумаги в руках. За ним видны красноармейцы.

— Иванов, Петров, Сидоров... выходите с вещами на допрос. — Вызванные, наружно радуясь и улыбаясь, собирают мешки и идут к выходу. На самом же деле в душе у них тяжелые сомнения. Почему на допрос и с вещами? Не ведут-ли их расстрелять? Думают и улыбаются. Что же делать?

Дверь захлопнулась за ушедшими. Оставшиеся с напряжением ждут. Что будет с ушедшими? Если в течение двух часов они пройдут мимо окон подвала, это значит, что их или освободили или же перевели в Исправительный Дом. Если же нет, то... то значит, их повели в конюшню.

Но вот проходит час. Слышен шумный топот под окнами. Проходят арестованные под конвоем. Их ведут в Исправдом, в тюрьму. Какие счастливы: они будут сидеть в тюрьме. Они останутся живы и может-быть даже выйдут на свободу. А здесь, в подвале... горе оставшимся здесь.

Уже поздно. Наверное не меньше 10-ти часов вечера. В подвале старики, подложив под головы мешки с сухарями, спят. Поп также заснул, сидя у стены и опершись к ней спиной. Наиболее молодые молча сидят и, уныло глядя в сторону, курят. Вдруг слышится топот ног за дверьми и звук отодвигаемого засова. Входит дежурный комендант.

— Иванов, Петров, Сидоров... на допрос к следователю —, кричит он, делая веселое лицо.

— С вещами или без вещей — спрашивают неуверенным голосом некоторые коменданта.

— Лучше с вещами. Может, после допроса сразу освободят, не ворочаться же, — бурчит комендант, отводя лицо в сторону.

Начинаются сборы. Дежурный потарапливает. Ведь следователь ждет.

— Ну прощайте, братишки, может и не увидимся больше, не поминайте лихом, — прощаются уходящие. Некоторые на прощание целуются с остающимися. Поп, проснувшись от шума, смотрит удивленными, непонимающими глазами на эту сцену и часто крестится.

Ушли. Дверь захлопнулась. Все опять сидят на своих местах, но никто больше не спит. Сон пропал. Каждый думает о своей участи. Вот увели этих на казнь. Когда придут за ним. Может-быть, сегодня-же.

Во дворе Губчека, в дальнем углу, у самой стены находилась конюшня. Это был длинный, темный сарай, где в одном углу были привязаны обслуживавшие Чека лошади, а в другом, ближе к выходу, навалена огромная куча навоза.

Вот ведут из комендантуры по двору двух крестьян. Руки их крепко связаны назад веревками. За каждым из них идет комиссар, в кожаной куртке, брюки галифэ и в правой руке наган. Несмотря на снег и стужу, крестьяне полураздетые и без шапок. Зачем им одежда, что им холод. Их ведут на казнь. Через несколько минут их не будет в живых. Дошли до дверей конюшни. Один покорно входит, а другой вдруг остановился на минутку у дверей и неожиданно для комиссара рванулся от двери и стал кричать. Точно он только что понял, что это его последний час. Он кричит или вернее воет и плачет и хочет вырваться

куда-то. Но комиссар уже крепко держит его сзади за веревку и толкает к дверям конюшни. Они уже внутри у самой двери конюшни. Следом раздаются выстрелы в глубине. И все смолкло. Выходят, пряча револьверы в кобуры, палачи. Дрожащими руками закуривают папирасы «Зефир» и спешат в комендантуру за новыми жертвами.

В подвале арестованные не могут слышать криков и выстрелов, в конюшне. Их слышит конюх из арестованных, спящий тут-же в конюшне. Он только приподнимает голову на минутку и смотрит на дверь широко раскрытыми глазами полными ужаса и затем внезапно прячется глубже в полушубок и лежит неподвижно до утра.

Слышны эти крики и наверху в Губчека. Хромцов, услышав вопли, на минутку замирает, а затем, вскочив, подбегает к шкафчику и, вытащив бутылку со спиртом, жадно тянет прямо из горлышка. Председатель Тунгусков торопливо закуривает новую папиросу, а Штальберг спокойно пудрит лицо реквизированной пудрой «Леда».

Красноармейцы поспешно бросают тела убитых на дровни, присматриваясь к валенкам, которые получше. Дежурный комендант торопит их, так как нужно до рассвета вывезти трупы за город и закопать в заранее приготовленных ямах.

На утро комиссары идут домой отдыхать, после ночной работы. Под мышками у них узелки. Это все, что они нашли ценного у убитых крестьян.

Контр-революция уничтожена. Да здравствует власть рабочих и крестьян!

ГЛАВА V.

Сонька «Незолотая Ручка».

Я в Бухаре. Официально я устроился на службу Начальником Разведки в Штаб Бухарской Армии, фактически же я Начальник Агентуры Нелегального Чека в Бухаре.

Повсюду на территории Бухарской Народной Республики свирепствует восстание против Бухарского Правительства. Перед нами стоит задача выяснить причины этого движения, а главное же источники, которые поддерживают восставших.

Я проживал одновременно на двух квартирах. В Старой Бухаре я занимал две комнаты в казенном здании недалеко от Штаба Армии, а в Новой Бухаре (Кагане), расположенной в 12-ти верстах от Старой, я занимал номер в единственной еще функционирующей гостинице «Европа». Это была небольшая комната с двумя дверьми, выходящими одна в корридор, а другая в смежный номер. Последняя была заставлена платяным шкафом.

Соседний номер занимал нелегальный резидент

ВЧК — Окотов, проживавший по документам делопроизводителя какого-то учреждения и носивший фамилию Петров. Я, как и многие другие, был подчинен ему.

Я сидел поздно вечером в своем номере и составлял сводку сведений, полученных за день. Раздался троекратный стук в шкаф у смежной двери. Я встал, повернул ключ и открыл дверь шкафа. Оттуда вышел Окотов и сел на свободный стул. Это был высокий худощавый мужчина с бритым продолговатым лицом и вдумчивыми, умными глазами. При людях мы никогда не встречались и делали вид, что незнакомы. Только по ночам он открывал смежную со мной дверь и через шкаф, задняя стенка которого была разобрана, проходил ко мне.

— Ну что у тебя новенького? — спросил он, устало скользя взглядом по бумагам на столе.

— Ничего особенного, вот сводку для тебя составляю, — ответил я, откладывая бумаги в сторону.

— Ты помнишь, я как-то развивал теорию, что на Востоке при помощи хорошенькой, неглупой женщины можно многое сделать. Так вот, я тебе скажу, сегодня утром я встретил такую женщину, которая точно создана для нашей работы. — Тут у Окотова, против обыкновения, оживилось лицо. — Да, совершенно случайно я встретил то, что нам нужно.

— Кто же это такая? — спросил я. — Уж не завлекла-ли она тебя в свои сети, — смеялся я, ибо знал, что Окотов не из того теста сделан, чтобы увлекаться женщинами.

— Да нет! В том и дело, что я и сам не знаю, кто она и даже не мог выяснить ее адреса. Да вот я лучше

расскажу тебе по порядку. Сегодня утром, когда я сел в поезд, чтобы ехать в Старую Бухару, по обыкновению все места были заняты, и пришлось торчать на переполненной площадке вагона. Я стоял у самого выхода и смотрел на проходившие перед глазами декханские поля. Ты ведь знаешь, что я бывший эс-эр и не могу равнодушно смотреть на вспаханную землю. А тут еще эта живописная картина. Бухарцы в ярких, пестрых халатах с подобранными полами, босиком, топчутся в грязи, и в то же время на головах белые как снег тюрбаны. Работают как во времена фараонов, примитивным способом засевая на своих маленьких клочках земли табак, хлопок, рис. Поневоле я смотрел на эту картину и думал: какой чорт нас сюда занес устраивать мировую революцию. Не лучше ли оставить их в покое Эх! Как только покончу с Бухарой, вернусь и сейчас же подам рапорт об увольнении. Хватит, больше нет сил.

— Ладно, это ты потом, — перебил я его. — А где же девочка, я все-таки не вижу.

— Да, так вот, стою я и вдруг слышу, за спиной какая-то женщина оживленно разговаривает как видно с двумя мужчинами. Уже по ее голосу я подумал, что она должна быть молодая, красивая и вдобавок умная женщина. Я не хотел оборачиваться. Мне хотелось попробовать угадать ее внешность, поэтому я продолжал слушать беседу, стоя к ним спиной. Из разговора я заключил, что у ней колоссальные знакомства в Бухаре, и что она знает туземный язык. Поезд походил к станционному семафору Старой Бухары, и через пару минут мы должны были быть на станции. Я обернулся и сразу встретился лицом к лицу с молодой женщиной с редким красивым лицом еврейки, с

черными, как маслины, жгучими глазами. Из под черной шляпки выбивались иссиние-черные густые волосы. Одета она была в черное же пальто и темносинее платье. На шляпе я заметил три позолоченных квадрата, прикрепленных с правой стороны. Поезд остановился у станционной платформы, и она вышла в сопровождении собеседников на перрон. Я вышел за ними и, проходя мимо, услышал, что ее спутники, прощаясь, называли ее Софья Владимировна. Вот все, что я узнал о ней.

— Немного в сущности, — подумав, сказал я.

— Да, но ты знаешь мое чутье. Я уверен, что эта женщина нам будет полезна. Надо только ее разыскать.

— В том то и дело. Но как? Мы здесь всего три недели. Агентурный аппарат ничтожный, а знакомств в сущности никаких, за исключением пары коммунистов, — возразил я.

— Однако, давай попробуем, — начал опять Окотов. — Во-первых, что мы знаем о ней? Так как она ехала утренним восьми-часовым поездом, то значит, она служит где-то в Старой Бухаре, поэтому ее можно встретить каждое утро на станции. Затем мы знаем ее наружность и главная примета это шляпа с квадратами. Наконец мы знаем, что ее зовут Софья Владимировна. Исходя из этих данных, пожалуйста, завтра же дай задание агентуре выяснить ее фамилию, место жительства и место службы, — добавил он уже начальническим тоном.

— Слушаюсь, — ответил я и придвинул к себе бумаги.

— Ну я пойду к себе работать. Когда закончишь

писать сводку, положи в шкаф, — сказал Окотов и скрылся тем же путем, каким пришел.

Я продолжал работать. Закончив сводку, я сжег все вспомогательные бумажки. Заперев сводку в шкаф, я положил ключ в карман, оделся и вышел через наружную дверь из отеля. Я спешил к двухчасовому ночному поезду, чтобы под утро быть на своей официальной квартире в Старой Бухаре.

Спустя два дня я опять сидел в «Европе» с Окотовым и докладывал ему, что за это время было сделано. О Софье Владимировне моей агентуре удалось выяснить помимо всего того, что требовалось, также то, что она являлась невестой адъютанта Военного Министерства, который по нашим сведениям был начальником секретной агентуры при Совете Народных Назиров.

Получив нужные сведения, Окотов решил написать ей письмо с приглашением встретиться с ним.

— Вот увидишь, я ее завербую, — говорил он уверенно.

Я в душе не соглашался с его тактикой и думал, что его письмо останется без ответа, но я видел, что возражать бесполезно, и молчал.

Письмо было послано. Свидание было назначено в его комнате в отеле, и я должен был, сидя в своем шкафу, быть невидимым свидетелем встречи.

Вопреки моему ожиданию, Софья Владимировна согласилась на встречу и пришла в назначенное время. Войдя в комнату, она сразу обратилась к Окотову со словами:

— Слушайте, я получила Ваше письмо. Я не думаю, чтобы Вы по пустякам назначали свидание. Я

уверена, что Вы серьезный человек и начнете прямо с дела, по которому Вы меня вызвали.

Окотов, ошеломленный, начал говорить, что в сущности у него нет никаких дел, что он ее часто видит и она ему настолько понравилась, что...

— Я не пришла слушать Ваши любовные признания, — прервала она его и, повернувшись, ушла, сердито хлопнув дверью. Я вышел из засады и нашел Окотова сидящим в удрученном состоянии. Мне стало жалко его за неудачу.

— Послушай, Коля, — сказал я, — дай мне взяться за нее и ты увидишь. Разреши только недельку заниматься ею.

— Нет, я сам. Посмотрим, чья возьмет, — отрезал он. Я вышел. На следующий день моя агентура сообщила, что «Сонька» (она уже получила кличку) играет активную роль в разведке Совета Народных Назиров. Еще два дня позже, когда я прошел в «Европу», я нашел печально сидящего за бутылкой коньяку Окотова. Он пил редко, почти никогда.

— Что случилось, — спросил я.

— Дело дрянь, я сегодня целый день не могу выйти из дома. Я все время вижу за собой слежку. Вероятно расшифрован и мне нужно выехать, чтобы не провалить других.

Я ему передавал новые сведения о «Соньке».

— Так вот кто натравил на меня шпиков, — воскликнул он. — Ну, братишка, возьмиись за нее. Мне все-равно теперь нельзя выходить на улицу, — предложил он мне.

Чудный южный мартовский день. Солнце еще не жжет, а только ласкает своими лучами, напоминая весну на Севере. К пятичасовому поезду из Старой

Бухары в Каган собралась масса народу. Тут, главным образом, служащие, возвращающиеся со службы в Каган, где они живут. Много женщин, приехавших в Ст. Бухару за покупками, и наконец не мало и узбеков, едущих в Каган провести вечер, а может-быть и ночь, вдали от семей и знакомых.

Толпа частью разгуливает по перрону. Многие делают покупки у уличных торговцев сладостями и фруктами, которые толпятся у вокзала с лотками на головах. Большая очередь стоит у билетной кассы.

Я издали слежу за «Сонькой», прогуливающейся по перрону с каким-то пожилым человеком. На ее лице скучающее выражение, из чего я заключаю, что собеседник ей неинтересен, и она непрочь от него избавиться. Я продвигаюсь к ней ближе. Наконец она, не прощаясь, отходит от своего спутника и направляется к торговцу миндалем.

— Извиняюсь, если не ошибаюсь, Вы м-ль Кацман? — обратился я к ней.

— Да, а в чем дело, — спросила она, окидывая меня удивленно-любопытным взглядом.

— Я начальник разведки Бухарского Штаба. Мне нужно поговорить с Вами по одному очень важному делу, — отрекомендовался я.

— Пожалуйста, говорите, я Вас слушаю.

— Видите-ли, — начал я, — здесь неудобно говорить, ибо, повторяю, дело очень важное. Не согласитесь-ли Вы поехать со мною в Штаб, где мы спокойно могли-бы поговорить, — предложил я.

— Нет, — ответила она, взглянув на часы на руке, — я опоздаю к поезду.

— Это поправимо, — сказал я, — Вы сможете по-

ехать в Каган на штабном фаэтоне. Я думаю, что так даже приятнее будет ехать.

Подумав немного, она согласилась.

Мы сидим в моем кабинете при Штабе, роскошно обставленном мебелью и коврами, вывезенными из дворцов бывшего Эмира Бухарского.

— Так вот, Софья Владимировна, — начал я.

— Откуда Вы знаете, как мое имя, отчество, — перебила она меня.

— Мы многое знаем, на то мы и разведка, — продолжал я. — Мы знаем, что Вы хорошая патриотка, что Вы очень умная женщина и что у Вас большие знакомства. Наконец нам известно, что Вы обладаете настойчивостью и при желании всегда добьетесь Ваших целей. Поэтому, нуждаясь в Вашей помощи, я и решил прямо обратиться к Вам.

— Чем же я могу быть полезной, — уже более мягко сказала она, польщенная моими словами.

— Я хочу просить Вас принять участие в нашей работе и, надеюсь, Вы принесете очень много пользы. Особенно ценя Вас, я предлагаю Вам сразу исключительные условия. Я готов платить Вам пятьдесят рублей золотом за каждый рапорт. Так что, если в месяц Вы дадите 30 рапортов, это составит 1500 рублей золотом или 30 миллионов на нынешние бухарские деньги. Конечно, в Вашей работе понадобятся непредвиденные расходы. Вам также нужно будет иметь хорошие туалеты. Это все также будет оплачиваться нами, — соблазнял я ее.

Она сидела и некоторое время обдумывала. Предложение для нее видимо заманчивое, но что-то ее удерживало согласиться.

Наконец, она заговорила: «Да, все это хорошо, но я боюсь, что кто-нибудь узнает, что я у Вас работаю шпионкой, а у меня родные, что они скажут! Наконец жених . . .»

Вы можете быть уверены, — прервал я, — что никто не будет и не должен знать. Мы даже наружно не будем подавать вида, что знакомы, а наши встречи будут происходить на конспиративной квартире, — уговаривал я.

— Хорошо, я согласна. Только имейте ввиду, я не буду ничего писать своей рукой. Я только буду сообщать все, что Вам нужно словесно.

— Прекрасно, это для нас безразлично, — согласился я, делая радостное лицо.

— А теперь говорите, что нужно, а то уж поздно. Я дал ей пустяковое задание и адрес конспиративной квартиры, где мы должны в будущем встречаться. Мы вышли из кабинета и я предложил ей ехать в экипаже одной, дабы не быть скомпрометтированной моей компанией.

Вечером того же дня состоялся очередной доклад Окотову.

— Ладно, а что ты думаешь делать с ней дальше, — спросил он.

— А вот подожди, втянем ее постепенно в работу, а там видно будет, — ответил я, хотя признаться и сам еще не знал, что я буду делать дальше. Но я был уверен, что обстоятельства подскажут.

Кацман начала работать очень усердно и добросовестно. Я ей давал все более сложные поручения и она выполняла их без особых затруднений. Она уже успела дать много сведений о красноармейских частях, стоявших в Кагане. Она освещала жизнь и деятель-

ность тогдашнего Афганского Консула в Бухаре Расул-Хана. От нее же я имел сведения о деятельности восставшего Энвера Паши. Одновременно моя агентура следила за самой Кацман и выяснила, что она со своим женихом являются душой секретной разведки Совета Народных Назиров. Повидимому, пользуясь тем—другим аппаратом, она легко выполняла мои поручения, зарабатывая себе личные деньги.

Теперь она была менее осторожна со мной. Она уже подписала несколько расписок в получении денег от меня. Она заполнила анкету, где ее настоящая фамилия стоит рядом с ее кличкой. Наконец она даже принесла в последний раз два рапорта, написанных ее рукой. План расправы в голове у меня созрел.

Однажды Кацман по обыкновению пришла на конспиративную квартиру. Она застала меня сидящими за столом с печально опущенной головой.

— Что с Вами? — спросила она, усаживаясь в кресло.

— Плохие дела, — начал я, — вчера ночью напился пьяный и не знаю, где потерял портфель. Сегодня я искал по всем местам, где был вчера, но портфеля не нашел.

— А что там были деньги? — равнодушно спросила она.

— В том то и дело, что не одни только деньги. — Я сделал паузу. — Вы знаете, как я скрываю Вашу работу для нас. Так вот, чтобы никто не знал о нашей связи, я все Ваше личное дело всегда хранил при себе в портфеле. И вот теперь портфель пропал вместе с бумагами. Не знаю, что и будет.

Мгновение она сидела и соображала. Затем она вскочила как ужаленная.

— Так что же Вы сидите? Нужно же разыскать. Ведь что будет со мной, если кто-нибудь прочтет эти бумаги. Я же тогда пропала. Что скажут мои родные! Ах! — и она начала плакать.

— Бросьте, не нервничайте! — раздраженно остановил я ее. — Моя агентура сейчас разыскивает портфель и, я надеюсь, он будет найден.

Она ушла заплаканной. Я взял телефонную трубку, вызвал трибунал и соединился со следователем-узбеком Хитаровым. Он являлся нашим секретным агентом и я попросил его притти ко мне.

— Вот что, товарищ Хитаров, — встретил я его, — пошлите пожалуйста за своей подписью повестку на бланке трибунала по этому адресу.

— Хорошо, — ответил он, читая адрес. — А что мне делать, когда она явится ко мне?

— Не беспокойтесь, она не придет. Видите-ли, это частное дело между нами, я ей симпатизирую, но она очень горда. И вот я хочу ее немного попугать, — объяснил я смущенно.

Спустя два дня Кацман буквально влетела ко мне.

— Смотрите, я получила повестку из Трибунала. Это вероятно по поводу этих несчастных бумаг. Боже, что я буду делать?

— Слушайте, Софья Владимировна, я знаю этого следователя. По моим сведениям, он большой взяточник. Вы не ходите в Трибунал и я постараюсь поговорить с ним. Я вероятно смогу уладить дело. Не беспокойтесь. Идите домой и приходите завтра в это время. Я Вам скажу о результатах.

На следующий вечер она пришла. Я поджидал ее с серьезно-озабоченным лицом.

— Ну как? — спросила она, не успев войти в комнату.

— Не знаю, как и сказать. Я был у следователя. Бумаги у него. Он обвиняет Вас в международном шпионаже. В конце концов он согласился, потушить дело, но просит 40 миллионов взятки. А я такими деньгами не располагаю, — закончил я.

— Слушайте, товарищ Азадов (я тогда работал под этой фамилией). Найдите эти деньги, я Вас умоляю. У меня есть накопленных 8 миллионов; я их передам Вам, а остальные я отработаю. Только прекратите это дело во что бы то ни стало, — просит она и слезы катятся по щекам.

Я сидел в раздумье минуты три. Затем внезапно обратился к ней:

— Слушайте, Софья Владимировна, с одной стороны мне Вас жалко и вместе с тем обидно, что Вы со мной не откровенны. Ведь Вы же одновременно работаете в агентуре Совета Бухарских Назиров. Почему бы Вам не взять денег оттуда.

— Откуда Вы знаете, что я там работаю, — спросила она, покраснев.

— Я Вам уже говорил, что нам очень многое известно. Поскольку мы начали говорить откровенно, давайте продолжать. Хотите, я заплачу следователю 40 миллионов и буду продолжать платить Вам по миллиону, как и раньше. Я сделаю это при одном условии.

— Каком? — спросила она.

— При условии быть со мной абсолютно откровенной. Если Вы сейчас же назовете всех руководителей и агентов секретной разведки Назиров и задачи, которые они поручали Вам, то я завтра же по-

кончу со следователем и все попрежнему останется только между нами, — предложил я.

Короткое молчание.

— Хорошо, я согласна. Пишите, я буду говорить.

В этот вечер я получил полный список всей бухарской агентуры и из заданий, которые назиды давали этой агентуре, мне стало ясно, что вдохновителем восстания против Бухарского Правительства являются сами же члены этого Правительства.

Теперь оставалось отправить Кацман куда-нибудь подальше, чтобы она не могла помешать нашей дальнейшей работе.

— Прекрасно. Дело в том, что следователь просил, чтобы Вы уехали недели на две из Бухары, дабы он смог начисто, без всяких подозрений, уничтожить начатое против Вас дело. Куда бы Вы могли поехать на недельку? — спросил я, укладывая в карман полученные сведения.

— У меня тетка живет в Самарканде. Я могу поехать к ней, — ответила она.

— Так вот Вам еще пять миллионов и завтра же выезжайте в Самарканд. Отдохните там неделю-две, затем приедете и будем продолжать работать, — закончил я, вставая.

Той же ночью я сидел в своей комнате отеля «Европа» и составлял обширную сводку, на основании полученных материалов. Через открытый шкаф вошел Окотов.

«Ну все кончено», обратился я к нему, — подпиши вот эту телеграмму и завтра можешь опять свободно расхаживать по городу.

И я рассказал ему мой последний разговор с Кацман.

— Я же тебе с самого начала говорил, что эта женщина окажется полезной, — смеясь, сказал Окотов, подписывая телеграмму, которая гласила:

«Самарканд Начальнику Особого Отдела ВЧК. Сегодня наблюдением нашего агента выезжает Самарканд Кацман София, повторяю Кацман София. По прибытии немедленно арестуйте Кацман Софию, содержите до особого распоряжения. Окотов.»

Дальше нам легче работать. Мы знаем, кто работает против нас и как. Мы теперь будем бить наверняка. Бухарская Народная Республика будет уничтожена. Люди, ее поддерживающие, будут арестованы и «ликвидированы». Их места займут наши люди и будет объявлена «Социалистическая Республика».

ГЛАВА VI.

Убийство Энвера-Паши.

Я вместе с сотрудником Разведывательного Управления Туркфронта Осиповым лежали на средней полке вагона 4-го класса. Под головами у нас стоял ларек, набитый всяким мелким бакалейным товаром и мешек с бельем и частью того же товара.

Уже утро. Мы стоим на станции Эмирабад. Наш поезд еще вчера вечером вышел из Кагана и пройдя всего четыре версты, до первой остановки Эмирабад, стал. Говорят, причина задержки — это налив воды в цистерны, когорую нужно доставлять на все станции вплоть до Карши. На всех станциях водокачки разрушены повстанцами, и жители сидят без воды.

Я смотрел из окна вагона на куполообразную постройку почти нового станционного здания. Наверху под куполом виднелись сохранившиеся золотые письма на арабском языке: Эта станция служила для стоянки личного поезда эмира Бухарского и названа его именем. Теперь все разрушено. Купол станционного здания пробит в трех местах попавшими снаря-

дами. Я не выходил из вагона и не мог видеть, что вообще осталось от остальных построек. Да это меня и не интересовало. Я лежал и думал о порученном мне Реввоенсоветом Тукрфронта задании.

После боев под стенами Бухары бывший военный министр Турции, Энвер-Паша, отступил с восставшими басмачами в Восточную Бухару. Красная Армия вынуждена была следовать за ним, обеспечивая свой тыл и связь от нападений почти поголовно восставшего населения, маленькими гарнизонами. Русские солдаты, не привыкшие к нестерпимой туркестанской жаре, без воды, без провианта, гибли как мухи. Целая дивизия выбыла из строя только от малярии и дезинтерии. Войска таяли, не имея возможности встретиться с врагом.

Энвер-Паша все время менял свое расположение. Его войска, состоявшие из местных жителей, при появлении Красной Армии прятали оружие и превращались в мирных жителей. Но горе отряду, если он был малочисленен или же залег спать, после душной дневной жары, не выставив сильную охрану. Их ночью вырезывали.

Перед командованием армией стал вопрос. Во что бы то ни стало найти место восставших и уничтожить. А главное уничтожить самого Энвер-Пашу. Но как? Где его найти в горах и пустынях Восточной Бухары, где все население помогало ему и ненавидело пришельцев-русских.

Вот эта-то задача и была поручена мне. Я должен был найти Энвера-Пашу и сигнализировать о месте его пребывания, не теряя его из виду, пока он не будет уничтожен. Это тяжелая, трудная задача. Даже при благоприятном исходе — смертельно-рискован-

ная задача. Но что значит риск, смерть для коммуниста-чекиста. Разве не должны они жертвовать жизнью для советской власти? А в Бухаре ведь советская власть. Правда, пока лишь формально, на основании постановления Всеузбекского Курултая (состоявшегося кстати, под руководством бывших агентов ЧК), но это неважно. Сейчас нужно уничтожить врага, а там можно взяться и за строительство.

Итак нужно найти Энвера. Об этом я и думал, лежа на жестких досках в вагоне. Я ехал сейчас на его розыски в Восточную Бухару под видом мелкого торговца. Узбеки уважают мирных торговцев. Мне нужно с ними подружиться, а там видно будет.

«Ну, Саша, давай будем чай пить. Сбегай за кипятком, а я нарежу колбасы и хлеба, — предложил я своему спутнику Осипову.

Он не спеша одел сандалии на босу ногу и, взяв чайник, пошел на станцию за кипятком. Осипов здоровый детина одних со мною лет. По натуре очень флегматичен. Больше надеется на свои кулаки, чем на голову. Завариваем мутную воду зеленым чаем, который вся Бухара употребляет в летние месяцы.

Вдруг резкий толчек вагона назад, затем вперед и поезд тронулся. Идет он медленно, так как путь опасен. В любом месте могут быть разобраны рельсы.

Попивая чай, мы смотрим в узкое окно вагона на мелькавшую перед глазами панораму. Кругом солончаковые пески. Изредка мелькают маленькие оазисы-кишлаки из глинобитных построек, которые теперь разрушены и напоминают древние развалины. Кое-где торчат одинокие деревья тутовника, покрытые густым слоем серой пыли. Жителей почти не видно.

Точно все вымерло. И так повсюду, до самого города Карши. Глаза устают смотреть. Жуткое однообразие.

Мы, убрав чай, вынимаем колоду карт и играем в 66 до одурения. Так ехали весь день и ночь, пока на следующее утро не прибыли на станцию Карши. Поезд дальше не шел. Нужно было искать других способов передвижения.

— Ну, Сашенька, забирай монатки, давай слезать. Дальше придется драть пешком, — сказал я, взявшись за лоток.

— Зачем пешком, ведь едет же народ как-то. Может и мы как-нибудь устроимся. Давай сходим в город и расспросим. Заодно и отдохнем, может-быть, в последний раз, — предложил Осипов.

— Да, пожалуй ты прав, пойдем в город, — согласился я.

От станции Карши до города восемь верст. Единственная дорога, по сторонам которой тянутся сады, обведенные глиняными заборами, настолько изъезжена, что густая пыль, примерно с фут толщины, покрывает ее всю. Воздух, несмотря на раннее утро, уже накален летним солнцем. Прошедшие арбы подняли густое облако пыли, которое неподвижно осталось висеть в воздухе. Ни малейшего движения ветра. Кое-где у станционных зданий навесы узбекских чайных, под которыми, укрывшись в тени, сидят на корточках несколько туземцев и вяло пьют чай из пиалов.

Закинув мешки с товаром на плечи, мы тронулись в город. Не прошли мы и версты, как услышали за собой стук колес. Обернулись и видим, едут красноармейские обозные повозки порожняком.

— Товарищ, подвези до города, угощу, — остановил Осипов первую повозку.

— А что у тебя есть — спросил красноармеец, бросая взгляд на мешок за спиной Осипова.

— Сотню папирос хочешь? — сразу предложил он.

— Садись, — согласился армеец. Мы, быстро забросив товар в повозку, взобрались к нему на сидение.

— Спасибо, товарищ, — поблагодарил Осипов, передавая сотню папирос и предлагая отдельно закурить армейцу из своего портсигара. — А куда вы едете?

— Да вот едем в город на базу. Заберем продукты и повезем в Гузар, — ответил армеец.

«Эх, вот счастье-то. А ведь и мы в Гузар. Как-бы с вами поехать, товарищ,» — продолжал Осипов.

— А Вы кто такие будете? — спросил армеец, подозрительно окинув нас взглядом.

— Да как тебе сказать. Мы тоже солдаты, демобилизованные, и вот решили поторговать немного.

— Что-же, выходит, спекулянты, — усмехнулся армеец.

— Мы бы заплатили, — вставил я.

— Да я ничего против вас не имею, да вот как бы начальство не было против. А сколько вы дадите? Миллион сможете дать? Я уж тогда на свой риск свезу вас, — внезапно предложил армеец.

Мы немедленно согласились и уже по-дружески закурили по новой папироске.

— Только вот что. Вы подождете где-либо у чайханы. Когда погрузившись выедем из базы, то вы и сядете.

Недалеко от города стоит двухэтажное здание. Это караван-сарай. Тут-же, у ворот сарая, чайханэ. У самой двери гигантский, желтый, всегда кипящий са-

мовар. Рядом мангал, на углях которого завариваются несколько разбитых и починенных цветных чайников. Перед чайханэ арык с медленно струящейся водой. Тут-же у воды столетний карагач, который бросает тень на большое пространство у чайханэ. Вокруг дерева приделаны широкие сидения, покрытые коврами. На них сидят и полулежат узбеки. Около каждого чайник с чаем. Мы подошли к скамьям.

— Салам алекум, — по традиции поздоровались мы.

— Алекум салам, — ответили нам и мы, сбросив мешки, заняли места рядом с ними.

В ожидании повозки мы пили чай со свежими лепешками и наслаждались прохладой тени.

Наконец подъехали повозки. Мы уселись в повозку нашего знакомого и покачиваясь по ухабам дороги, выехали из города.

— Ну, Саша, теперь смотри в оба. Ты должен изучить дорогу наизусть. Ты же связь, — сказал я.

— Не беспокойся! — ответил Осипов, накрывая голову платком для защиты от палящего солнца.

Мы въехали в Гузар. Маленький, крытый навесом, базар. По обеим сторонам прохода темные, прохладные лавки. На крытых кошмами и ковриками нарах лавок сидят, поджавши под себя ноги, лавочники и равнодушно смотрят на снующую по базару публику.

Мы подъехали к традиционной чайханэ — этой восточной гостинице, и, расплатившись с армейцем, сошли с повозки.

Мальчишка принес в медном кувшине воду для мытья. Смыв с себя пыль и грязь, мы расположились

пить чай. Узбеки в чайханѣ спрашивают нас, кто мы, откуда приехали и чем занимаемся. Вместо ответа я раскрыл свой ларек и предлагаю товар. Это наша лучшая рекомендация. Начинается рассмотрение товара и оживленный разговор о рыночных ценах товаров в Бухаре. Мы, с своей стороны, интересуемся рынками в Деннау и Юрчи, куда намерены ехать, «продавать свой товар». Ко мне сбоку подсел узбек, одетый довольно бедно. Ему на вид лет 35. Желтое худое, но энергичное лицо, умные глаза.

— Слушай, бай, обратился он ко мне, меня зовут Абдурахманом. Я здесь в Восточной Бухаре уже 15 лет занимаюсь комиссионными делами. Раньше все богатые русские купцы продавали товар через меня. Теперь же дела плохи, торговли нет. Товары из России не приходят и мне нечего делать. Хочешь я тебе буду помогать торговать. Я знаю здесь положение каждого купца. Знаю, где какой товар можно выгодней продать. Я даже поеду с тобой в Денчау и Юрчи — добавил он торжественно, точно этим он приносил какую-то жертву.

— Очень хорошо, Абдурахман бай, — ответил я, — мы пробудем здесь дня два. Давай поработаем, а дальше увидим. Если ты сможешь сделать нам хорошие дела, то мы с тобой всегда будем работать даже из Бухары.

Отныне мы под опекой Абдурахмана. Он повсюду нас рекомендует и стал с нами более интимен. Он заинтересован в успехе нашей торговли, ибо надеется получить свою долю. Мы в его сопровождении пошли покупать кое-какие товары, которые выгодно можно продать в районе Деннау.

— Слушай, бай, — прошептал он мне на ухо, —

мы должны купить товар у старого Рахматуллы-бая и попить с ним чаю.

— Почему именно у него? — спросил я.

— Ты же слышал, что в Деннау и Юрчи много басмачей, — начал он объяснять мне, — так вот, нужно беречь свой товар. Мало ли разбойников шляется по дорогам. Но если мы будем иметь письмо Рахматуллы — к его брату в Деннау, то мы можем спокойно ехать. Верь старому Абдурахману, он знает, что говорит.

Мы подошли к лавке Рахматуллы-бая. Узкое, глубокое помещение, заваленное всяческим товаром, начиная с пуговиц и ситца и кончая керосиновыми лампами и галошами. У двери сидит сам Рахматулла, одетый в белый чесучевый халат. Его большой живот обвязан цветными бухарскими шелковыми платками. Скуластое жирное лицо, со скудной растительностью. Узкопосаженные монгольские глаза блестят под густыми седеющими бровями. Таков старик Рахматулла. В руках он перебирает длинные, черного дерева, четки.

— Салам Алекум, Рахматулла-бай, — поздоровался Абдурахман, низко кланяясь. Мы также поклонились.

— Вот привел к тебе хороших купцов из Бухары, продолжал он, сбрасывая туфли с босых ног и садясь на корточках у края ковра.

— Добро пожаловать, — ответил спокойным голосом Рахматулла, разглядывая нас. — Садитесь, гостем будете. Два чайника чаю, командует он проходившему мальчику из чайхане. За чаем он стал спрашивать, как мы путешествовали, что нового в Бу-

харе, но ни слова о нужных нам товарах. Таков обычай Востока. С делом не спешить.

Наконец Абдурахман начал говорить о деле.

— Видишь-ли, Рахматулла-бай, мои баи приехали из Бухары и привезли много товару. Еще больше товара идет за ними. Но они по моему совету хотят купить кое-что здесь для Деннау и Юрчи, куда мы, иншалла, поедem вместе. Так вот я привел их к тебе, ибо кто лучше тебя знает, что нужно для Деннау, где твой брат Джума бай является аксакалом.»

Долго говорили. Затем выбирали товар. Обмениваясь любезностями, стали торговаться. Спорили. Делали вид, что уходим, ибо у него дорогие цены. Клялись друг другу всеми святыми, что он продает, а мы покупаем себе в убыток. И наконец сторговались.

— Хай Рахматулла бай, начал опять Абдурахман, после того как мы ударили по рукам, — ты сам видишь, что баи богатые купцы и хорошие люди. Они закупили у тебя столько товару, но ты знаешь, что сейчас в районе Деннау, куда мы едем, беспокойно, а люди они нездешние. Напиши своему старшему брату Аксакал Джума баю, что тебе эти люди известны и что ты поручаешь их его покровительству. С этим письмом, иншалла, они продадут успешно товар и вернутся к тебе за новым.

— Хорошо, — ответил Рахматулла, уже опять спокойно-невозмутимый, кидая четки. — Позови мирзу (писца), я пошлю привет своему брату.

Подошел уличный писец. Сев на ковер и раскрыв пенал с ручкой и чернилами, он начал писать под диктовку Рахматуллы. Закончив писать, он прочитал написанное вслух и передал письмо Рахматулле. Тот, откинув халат, достал золотые часы на цепочке. На

этой же цепочке висела его личная печать. Обмакнув печать в чернила, Рахматулла лизнул конец письма и приложил печать.

— С Богом. Иншалла благополучно приедете и с пользой будете торговать. Привет моему брату Аксакалу, — сказал Рахматулла, передавая письмо и прощаясь с нами.

Ранее утро. Мы в пути на Деннау. У нас три маленьких выносливых осла. На двух сидим я и Осипов. На третьем привязан товар и изредка на этом же осле отдыхает Абдурахман, идущий пешком. Сейчас он идет за ослом, понукая его палкой.

— Абдурахман бай, трудно сейчас жить стало. Совсем нет торговли, — сказал я от скуки.

— Да, — вздохнул он, — это революция все испортила. Не будь революции, я теперь богатым человеком был бы.

— А ведь басмачи тоже против революции, почему ты не с ними? — продолжал я.

— Басмачи хотят Эмира, — ответил он, оглядываясь по сторонам, точно кто-нибудь в этой пустыне мог его подслушать. — А я знаю, что такое Эмир. При старом Эмире наш Гузарский бек силой взял мою сестру и изнасиловал. А его писарь заставил сожительствовать с ним моего младшего брата. А что сделаешь? Только скажи и голову отрубят. Нет, лучше русские. Они лучше, чем Эмир. Вот теперь Энвер-Паша хочет быть Эмиром, — продолжал он, — его из Турции выгнали и он пришел к нам. Они воюют, грабят, а нам житья нет. Да, все плохо, — и он злобно стал бить палкой осла, точно вымещал на нем всю злобу.

— Абдурахман-бай, а почему бы тебе не поехать в Бухару и спокойно там торговать? — не отставал я.

— А как поедешь? У меня семья, трое детей. На торговлю нужны деньги, ответил он безнадежно. — А хорошо было бы жить в Бухаре. Я там был два раза, — мечтательно добавил он.

У меня мелькнула мысль завербовать его.

— Да, деньги большая сила, а сейчас заработать их очень трудно, — задумчиво сказал я. — А знаешь, Абдурахман бай, что русские обещают большие деньги тому, кто найдет Энвера-Пашу и сообщит властям, где он укрывается.

— Неужели? А сколько они дают? — спросил он с любопытством.

— Сто миллионов, — ответил я, — я сам читал объявление в Бухаре, когда выезжал оттуда.

— Хоп! это очень большой капитал. Только зачем они дадут столько денег, если каждый мальчик знает, что Энвер в кишлаках у Деннау, — сказал он с сомнением.

— Ну а если это правда, ты пошел бы на это дело? — спросил я.

— За половину, за четверть этих денег, отдал бы Энвера и всех этих турок. Что они принесли войну в наши края, — с ненавистью сказал он.

— Да, тогда ты был бы очень богатый купец, — сказал я и замолчал. Я решил, что нужно дать время переварить ему эту мысль. Я перешел разговаривать с Осиповым о пустяках. Он, ухмыляясь, поддерживал разговор. Он понял мой план и одобряет его.

Вечером мы расположились отдыхать на ковре, растеленном прямо на земле у придорожной чайхане.

После жирного пилава мы пили последний перед сном чай.

— А хороший ты человек, Абдурахман-бай, и я бы очень хотел, чтобы ты разбогател и стал большим купцом. Тогда бы мы вместе торговали, — начал я разговор.

— Да, было бы не плохо, — ответил он.

— Вот ты сегодня говорил, что Энвер у Деннау. А не опасно ли нам ехать туда с товаром, — сказал я, наводя его на разговор об Энвере.

— С письмом к Джума баю нам бояться нечего. Он сам большой басмач. Все продукты басмачам доставляет он. А может-быть к нашему приезду русские поймают Энвера и все будет кончено, — закончил он.

— А знаешь, я бы хотел, чтобы ты помог русским поймать его. Тогда бы ты получил большие деньги.

— Я бы тоже хотел. Сто миллионов больших денег. Но как? Я даже русского языка не знаю, сказал он.

— Если хочешь, пойдем вместе в Деннау к русскому коменданту, — вмешался в разговор Осипов, — он мой хороший знакомый. Ты ему расскажешь, а я буду переводить. Он тебе наверно сразу даст денег.

— Хай! — сказал Абжурахман, — пойдем с тобой вместе. Только не забудь Алексан бай.

Мы легли спать тут же на ковре.

Приехав в Деннау, я с Осиповым вместе пошли к начальнику Гарнизона. Во дворе у ворот привязано несколько оседланных лошадей. В глубине двора маленькое здание. На двери на листе бумаги старательно карандашом выведено: Начгар Деннау.

Вошли. За простым, кухонным столом, накрытым серым солдатским сукном, сидит военный. Об этом можно догадаться по брюкам-галифэ, сапогам и шпорам. До пояса же он раздет, так как стоит сильная жара.

— Вы товарищ Начальник Гарнизона — спросил я.

— Да, а в чем дело, граждане — ответил он, глядя на нас вопросительно.

— Я уполномоченный Реввоенсовета Туркфронта, — представился я, и достав из кармана ножик, начал распарывать подкладку моего пиджака. Достав из-за подкладки мандат, напечатанный на куске шелкового полотна, подал ему.

«Предъявитель сего тов. Агабеков, назначен для активной борьбы с контрреволюционными повстанцами. Всем военным и гражданским учреждениям и лицам надлежит оказать тов. Агабекову всемерное содействие по выполнению возложенной на тов. Агабекова задачи. Член Реввоенсовета Туркфронта Воронин. Начразведупра Ипполитов.»

— А, это мой товарищ по связи, товарищ Осипов, — представил я.

— Садитесь, товарищи, — засуетился начгар, предлагая нам стул, на котором сидел.

— Итак, сегодня ночью мы выезжаем к басмачам в Штаб Энвера-Паши. Установите тесную связь со штабом дивизии и ждите от нас известий, — закончил я беседу с Начгаром и мы вышли.

У нас все готово. Мы получили письмо от Джумабая, где он рекомендует нас, как мирных купцов, и Абдурахман сияющий, получив от Начгара десять миллионов, собирает все вещи в мешки. Ночью мы выехали в кишлаки к басмачам.

Уже вторую ночь мы проводим среди басмачей. Большая часть товаров распродана. Мы уже подружались со многими басмачами и считаемся своими людьми среди них. Вечером мы сидели у чайханэ среди басмачей. Настроение у них подавленное. Никуда нельзя носу показать, повсюду красная армия.

— Вот подождите немного, — говорит один свирепого вида, со шрамом на щеке басмач, — Паша послал послов во все страны мира. Скоро к нам на помощь придут афганцы, а потом и англичане. Тогда уж мы прогоним русских.

— Ждать долго придется, — говорит другой, работающий на кухне у Энвера, — я вчера во время обеда слышал, как Паша сказал, что придется здесь прожить не меньше трех недель.

— А хорошо бы сейчас сделать налет на какую-нибудь станцию. Я обязательно захвачу себе русскую жену, — говорит третий, лет 40, басмач с большим хищным носом на худощавом лице.

— Ты лучше гляди, что делает твоя теперешняя жена, — перебивает его другой. Все смеются. Люди оживляются. Разговор завязывается, и каждый вспоминает о замечательных случаях своей жизни.

Я лежал с Осиповым. Мы слушали разговор басмачей.

— Шура, завтра с утра тебе придется выехать вместе с Абдурахманом в Деннау, и пусть немедленно наши окружают кишлак. Слышал, что они намерены здесь жить три недели? — сказал я на ухо Осипову.

— Ладно, а как же ты? — спросил Осипов.

— А я буду здесь ждать результатов.

— Укокошат они тебя одного, — после короткого

молчания сказал Осипов, — давай лучше уйдем вместе.

— Брось дурака валять, — оборвал я его, — делай, что говорят. Ты поедешь под предлогом привести новую партию товара.

— Ладно, — ответил Осипов и, повернувшись на другой бок, закурил папироску.

Уже четыре дня я один среди басмачей. Товары все распроданы. Мне абсолютно нечего делать. Я почти все свое время проводил в чайханэ. Только изредка выходил посмотреть, нет-ли чего нового у небольшого глиняного домика, где помещался Энвер-Паша. Однажды я его увидел. Он прогуливался в компании одного из своих офицеров. Среднего роста, красивое лицо, приподнятые кверху усы, аккуратно выбритый. Он носил все еще форму турецкого офицера. Только на голове вместо фуражки красовалась белая чалма. Задумчивое выражение лица. Видно, о чем-то думал.

В одиночестве я тоже думал. И, чем больше думал, тем страшнее становилось. Я ведь был молод, и мне также жить хотелось. А тут, один, в стане басмачей. Я отгонял эти мысли. Старался думать об успехе дела. Зато как приятно будет, выполнив задание, вернуться в Ташкент. В город, где жизнь, где нет басмачей и где безопасно.

Но назойливые тревожные мысли возвращались. Не напутали бы там наши в Деннау. Не опоздали бы. Но нет, Осипов — верный и умный парень. Он не напутает и не даст напутать. Нужно взять себя в руки и ждать...

На другое утро на осле с товарами приехал Абду-

рахман. Разгружаясь, он незаметно передал мне клочок бумаги:

«Войска вызваны, связь не прерывайте. Случае изменения дислокации противника срочно сообщите.»

Я закурил этим клочком бумаги папироску. Опять начали торговать привезенными товарами, время проходило незаметнее.

Поздно вечером приехал Осипов. При виде меня на его лице засияла улыбка.

— Ну братишка, — начал он, когда мы уединились, — сегодня нужно тикать отсюда.

— Почему? — спросил я.

— Дивизион прибыл в Деннау и к утру будет здесь.

— Ладно, предупреди Абдурахмана.

Через час мы, по одному выйдя из чайханэ, точно на прогулку, прошли за кишлак. Соединившись в темноте, мы ускорили шаги и, наконец, пустились бежать. Осипов держал в руках наган, захваченный в последнюю поездку. Мы бежали и шли, шли и бежали. Сердце точно хотело лопнуть от напряжения, но мы боялись погони. Мы хотели жить. Наконец, вдали послышался глухой топот конницы. Мы бросились в сторону от дороги и залегли. Проехало человек шесть кавалеристов, а за ними показался весь дивизион.

Мы вышли им навстречу. Нас радостно встретили. Начальник дивизиона и начальник гарнизона. Дав нам запасных лошадей и красноармейца, дивизион исчез в темноте.

Рапорт Командира Дивизиона в Штаб 13-го Корпуса:

«Приняв тщательные меры предосторожности, дивизион направился по указанному направлению. Недалеко от кишлака, где был расположен штаб противника, мною был выделен один эскадрон и послан в обход, чтобы отрезать путь на случай отступления противника. В пять часов утра дивизион пошел в атаку но был встречен оружейным огнем противника. Нашим пулеметным огнем противник был сбит с позиций и беспорядочно бежал.

Штаб басмачей, во главе с Энвер-Пашой, бросился в горы, но, наткнувшись на эскадрон, посланный в обход, принял бой. В результате боя штаб противника уничтожен. Успели спастись только трое. 28 трупов остались на месте боя. Среди них опознан и Энвер-Паша. Ударом шашки у него снесена голова и часть туловища. Рядом с ним был найден коран.»

Так сложил голову бывший Военный Министр Турции Энвер-Паша, один из авантюристов от революции.

Я лежал на скамейке в кабинете Начальника Гарнизона Деннау и, подложив под голову седло, отдыхал. В углу сутился Абдурахман, заваривая традиционный чай. Он теперь богат, так как получил обещанную награду. Он уже держит себя с другими узбеками очень важно. Но мне он услуживает. Он хочет ехать со мной в Бухару, где думает открыть торговлю.

Сейчас он преданно-ласково смотрит на меня и приготавливает чай. Я также ему улыбаюсь, но вместе с тем зорко смотрю за его манипуляциями.

Не насыпал бы яду в чай. Это на Востоке случается...

ГЛАВА VII.

ГПУ и контрабандисты

Звонит настольный телефон. Я поднял трубку.

— Слушаю!

— Откуда говорят? — спросил голос.

— Это ГПУ, — ответил я, кто спрашивает?

— Это товарищ Агабеков?

— Да, я вас слушаю.

— Здравствуйте, товарищ Агабеков, говорит с вами «Доктор». Нельзя ли сейчас с Вами встретиться? У меня срочное дело.

— Одну минутку, — ответил я в трубку и посмотрел на часы.

— Хорошо, я буду через полчаса на нашей квартире, — и положил трубку.

Я начальник отделения ГПУ по борьбе со шпионажем и контрабандой в Ташкенте. В моем распоряжении до пятидесяти секретных агентов, работающих повсюду, начиная с иностранных консульств, и кончая гостиницами и базарами. Я говорил по телефону из

своего кабинета комнаты № 14 в здании ГПУ. Звонил мне секретный агент по кличке «Доктор», дававший сведения о контрабандистах. Это очень пронырливый человек из бывших торговцев. Раньше, вероятно, сам занимался контрабандой, а потом нашел более выгодным выдавать вчерашних своих коллег. Он даром не любит меня тревожить. Его сведения всегда наводят на верное дело.

Я запер бумаги в несгораемый шкаф, сунул в карман револьвер, лежавший на столе, и вышел из кабинета.

В гостинице «Касым», на Ура-тюбинской улице, один из номеров занят неизвестным лицом. Это одна из моих конспиративных квартир. При входе в номер со стула поднялся мне навстречу выше среднего роста пожилой человек с брюшком. Тупые черты лица оживляли хитрые карие глаза. Большой загнутый нос придавал лицу хищный вид. Это — «Доктор», прозванный мною этой кличкой, ибо он прекрасно разбирался в качестве контрабандных химических продуктов.

— Что у вас нового? — спросил я, усаживаясь.

— Маленькое дело, товарищ Агабеков, — сказал он, улыбаясь. — Я уже давно слежу за группой лиц, торгующих опиумом и сантонином, и вот сегодня я выяснил, что продавцом этих товаров является одна женщина по фамилии Н.

— Вы знаете ее адрес? — коротко спросил я.

— Да, я уже успел с ней познакомиться и побывал на ее квартире. Сейчас она имеет в наличии два пуда опиума и десять кило сантонина. Я обещал сегодня же привести к ней покупателя на эти товары. Так что дело верное.

— Так что же вы предполагаете делать? — спросил я.

— Я думал, не будет-ли лучше, если вы пойдете со мной к ней под видом покупателя. Тогда вы сами убедитесь в наличии товара, — предложил «Доктор».

Я обдумав предложение «доктора», согласился.

— Тогда пойдем сейчас-же, — сказал он и, выходя из комнаты, добавил:

— Только, товарищ Агабеков, не забудьте мою долю после ликвидации дела. Вы знаете, что у меня семья и сто пятьдесят рублей жалованья хватает с трудом.

— Не беспокойтесь, — прервал я его жалобы, — вы получите третью часть казенной стоимости захваченной контрабанды. Вам это полагается по закону.

Дойдя до небольшого домика, мы постучались в калитку. Вышла средних лет блондинка с утомленным и озабоченным лицом. Видно, она вышла из кухни, не успев снять передника. «Доктор» любезно поздоровался и представил меня. Она беспокойно посмотрела на меня и, видимо, не найдя ничего подозрительного в моем виде, предложила войти.

— Посидите в комнате, я сейчас, — сказала она, направляясь на кухню. Через минутку она вернулась к нам уже без передника и села.

Торг наш был очень короткий. Она вытащила из-за стенного зеркала кусок опиума и порошок сантонина и передала нам, как образец товара. Мы попробовали товар, нашли его подходящим и быстро пришли к соглашению в цене.

— Извиняюсь, мадам, я не знал, что мне сегодня придется купить такую большую партию товара, и не взял с собой достаточно денег. Если вам не трудно, я

бы предложил вам пойти на мою квартиру, где вручу вам деньги, — предложил я.

— Хорошо, я только оденусь, — согласилась она и ушла в другую комнату.

— Итак, «Доктор», когда мы выйдем из дома, вы покинете нас под благовидным предлогом. Ее же я возьму в ГПУ, — прошептал я своему осведомителю.

— Вечером придете на конспиративную квартиру, я вам принесу деньги за работу.

— Спасибо, ответил он, — кстати, у меня есть еще одно дельце. Может-быть, к вечеру я сумею кое-что выяснить и передам вам.

Мы шли по улице с женщиной одни. Несмотря на жару, она оделась в темное осеннее пальто, в котором ей, очевидно, жарко. Я вел ее по направлению к ГПУ.

— Слушайте, граждане, далеко еще до вашей квартиры? — спросила она после десятиминутной ходьбы.

— Нет, осталось всего два квартала, — успокаивающе ответил я. Мы завернули за угол, и вдали показалось огромное четырехэтажное здание ГПУ.

— Ах, я что-то неважно себя чувствую, очень жарко, — беспокойно сказала моя спутница, распахивая пальто.

Мы все ближе подходили к комендантуре ГПУ.

— Ах, слушайте, — опять сказала она, — где же ваша квартира? Я что-то беспокоюсь, мне страшно почему-то. — Женщина, видимо, чувствовала что-то неладное.

— Что вы боитесь, мадам, — успокаивал я ее. — Вот сейчас мы придем ко мне, получите деньги, и все будет кончено. Осталось несколько шагов до комендантуры.

— Ох! Я больше не могу итти. Я не хочу итти дальше. Мне страшно. Слушайте, это же ГПУ! — говорила она уже чуть не плача. В глазах ее виден испуг и ужас.

— Не бойтесь! Разрешите вас поддержать! — Я взял ее под руку и повел в комендантуру ГПУ. Она покорно шла.

Длинная комната. Стоят три стола, обнесенных деревянным барьером от посетителей. За первым столом сидит дежурный комендант. Темносиняя фуражка с красным околышем, защитного цвета гимнастерка, неизменный револьвер на ремне через плечо. Темносиние жандармские брюки в сапогах. У дверей стоит красноармеец с винтовкой.

— Товарищ дежурный, отправьте эту женщину под конвоем ко мне наверх, — обратился я к коменданту.

— Слушаю, товарищ Агабеков!

Я вышел из комендантуры. Уже в дверях я слышал грубый голос дежурного:

— Ваша фамилия, гражданка? — это он заполнял для нее пропуск в здание ГПУ.

— Итак, гражданка, вам, я полагаю, запирается уже нечего. Скажите, где у вас спрятан товар и кто вам его доставляет? — спросил я.

Женщина сидела на стуле предо мной с бледным лицом, но она уже несколько пришла в себя и, видимо, приняла какое-то решение.

— У меня нет никакого товара, — ответила она.

— Как нет товара? а что же вы мне собирались продавать? — спросил я.

— Я только была посредником у другого человека. Если я продала бы товар, то взяла бы у хозяина. А у

меня самой товара нет. Можете обыскать мою квартиру, — с жаром проговорила она.

— Ну, мы это сделаем без вашего предложения, а пока в таком случае скажите, у кого же вы должны были взять товар? — задал я вопрос.

— Ну, а это, — хоть расстреляйте меня на месте, — не скажу. Ни за что не скажу, — уже истерично кричит она.

— Что же, придется вам посидеть в подвале, пока не скажете, — спокойно сказал я.

— Товарищ красноармеец, — обратился я к часовому, сопровождавшему женщину ко мне и ожидавшему у двери, — отведите гражданку обратно в комендантуру, и пусть ее посадят до моего распоряжения.

Красноармеец подошел к женщине. Она встала и направилась к двери; однако, не дойдя, она резко повернулась и, рыдая, говорит:

— Ах, не сажайте меня в подвал. У меня ребенок, что я буду делать? Господи, Господи! Я все скажу, только не сажайте.

— Так я вас слушаю, — сказал я, приглашая занять место.

— У меня нет товара. Товар принадлежит Ахун-баю, кашгарскому купцу, который давал продавать мне на комиссию. Я — бедная женщина, у меня ребенок. Нечем жить, — говорила она с трудом сквозь рыдания.

— Скажите адрес Ахун-бая, — требовал я.

— Он живет на Урбе. — Называет улицу. — Только ради Бога, не сажайте меня в тюрьму.

— Хорошо, я должен проверить ваши показания, но я предупреждаю вас, что за контрабандную торговлю следует три года тюрьмы, и вы их получите,

если сказали неправду. А если вы сказали правду, то мы посмотрим, что можно сделать для вас. Сейчас же вы посидите в комендантуре, пока я проверю ваши показания.

Через полчаса я, снабженный ордером на обыск и арест, подъехал к ее квартире. Калитка была незаперта. Пройдя двор, я вошел в корридор и увидел направо кухню. Стоя у шипящего примуса, худенькая девочка лет 12-ти, одев передник матери, что-то размешивала в кастрюле.

— Как тебя зовут, девочка? — спросил я, подходя к ней.

— Ольга, — ответила она, продолжая свое занятие.

— А что ты делаешь, Ольга? — спросил я.

— Мама нет дома, и я смотрю за обедом, чтобы не пригорел, — ответила она.

— А где твоя мама? опять задал я вопрос.

— Она ушла в город и придет к обеду. А ты можешь подождать ее, — предложила она, — она скоро придет.

Я смотрел на эту девочку, ожидавшую свою маму к обеду. Мысли роем неслись в голове. Глядя на ее русую головку, я думал: а что она будет делать, если ее мама не придет к обеду ни сегодня, ни завтра, ни через год? Я вспомнил, что мне нужно сделать обыск. Но как? Как я мог делать обыск, раскидывать в комнатах вещи, в присутствии этого ребенка, ожидавшего мать к обеду? Нет, ни за что!

— Нет, Ольга, я пойду, а ты смотри за обедом, — сказал я, глядя ее мягкие, русые волосы.

И в первый раз за всю службу я не выполнил своего долга. Я ушел, не сделав нужного обыска.

Я остановился в одном из узких переулков Урбы у обитой жестью калитки и постучал. Через минуту за дверью послышались шаги, и калитка открылась. Передо мною стоял маленького роста смуглый кашгарец, на лице которого при виде меня выразилась жалкая улыбка.

— Вы гражданин Ахун-бай? — спросил я по-русски.

Он мотнул головой.

— Я сотрудник ГПУ и имею ордер на производство у вас обыска, — сказал я, перешагнув порог.

— Пожалуйста, — ответил он и начал беспомощно суетиться передо мной. — Только я вас прошу, пожалуйста, делайте все потихоньку, чтобы моя жена не слышала. Она лежит больная.

— А что с ней? — спросил я.

— Она вчера родила мальчика, — ответил он, и на минутку на его лице показалась счастливая улыбка.

Я ему не поверил. Наверно — это трюк, чтобы получше запрятать контрабанду. Я пошел вперед и открыл первую дверь. Полутемная комната. Прямо на полу постелена постель, в которой лежит еще молодая женщина с бледным больным лицом. Рядом с ней что-то копошится и издает писк. С другой стороны сидит другой ее ребенок, мальчик лет четырех. Он смотрит на меня своими черными большими глазами, держа палец во рту. Я выскочил из комнаты и закрыл за собой осторожно дверь.

— Слушай, Ахун-бай, ... обратился я к кашгарцу, и мы с ним говорили целый час.

В своем кабинете, за письменным столом, сидел Начальник Секретно-Оперативной Части ГПУ, Моисей

Борисович Гордон. Несмотря на свои 35 лет, он уже до того разжирел, что едва помещается за столом. Его толстое рыхлое лицо и шевелюра сильно напоминают Зиновьева, и он, зная это, старается подражать Председателю Коминтерна. Я сидел напротив и докладывал о работе моего отдела.

— Слушай, Агабеков, у тебя происходит что-то странное. Ты сегодня кого то арестовывал, куда-то ездил с обыском и в результате ничего. В чем дело? спросил он.

— Да, я задержал двух контрабандистов, но после допроса решил отпустить, — ответил я.

— Почему? — опять задал он вопрос, подозрительно глядя на меня.

— Потому что оба они оказались лишь посредниками, и у них не было обнаружено никакого товара. Кроме того, я долго говорил с задержанным кашгарцем и в результате завербовал его. Он обещал в течение месяца поймать для нас минимум сорок пудов контрабанды. Наконец, я думаю, что он нам пригодится и для разработки кашгарского шпионажа у нас. Исходя из этих соображений, я решил, что нам полезнее иметь 40 пудов опиума и плюс агента, чем лишнего арестованного в подвале, — ответил я.

— Да, но по закону ты не имел права освобождать их, раз налицо совершенное против Государства преступление, — уже нервничая, говорил Гордон.

— Товарищ Гордон, может-быть, с точки зрения законов вы и правы. Но я смотрю на дело иначе. Основной революционный закон, — это закон целесообразности. В этом ведь коренная разница между нашими и буржуазными законами. Так нас учила и учит наша партия. Сейчас нам нужна валюта, и я уве-

рен, что мы получили больше пользы от кашгарца, который нам будет помогать ловить контрабанду, чем от кашгарца под замком. Впрочем, если вы находите в моих действиях состав преступления, то можете привлечь меня к ответственности. Я же обращаюсь в комитет партии, — угрожающе добавил я.

Я знал, что Гордон боится партийного комитета, ибо у него много грязных поступков, мне известных. Кроме того, ведь я был Секретарем Бюро Ячеек ГПУ и членом партийного комитета. Он побоится поднять дело против меня.

— Ну ладно, дай Бог, чтобы ты оказался прав, — сказал он, вздыхая уже примиренным тоном.

Я оказался прав. Благодаря кашгарцу, мы обнаружили не 40, а сотню пудов контрабанды. Он же оказался полезным и в политических делах. Чувство и на этот раз меня не обмануло.

ГЛАВА VIII.

Судебная комедия.

Я пришел по вызову Заведующего Орготделом в Областной Комитет Партии и, постучавшись, вошел к нему в кабинет. Небольшая, хорошо обставленная, но грязная комната. Пыль на креслах, на столе. У одной стены стоит большой книжный шкаф, набитый книгами, газетами, брошюрами. В углу стоймя на древках стоят несколько свернутых знамен, покрытых пылью. Несколько полотнищ с разными лозунгами прибиты к стене. За столом сидит Заведующий Орготделом Галустян с выделяющейся большой стриженной черной головой. Он просматривал и подписывал какие-то бумажки.

— А, товарищ Агабеков, садитесь. У меня для вас важное поручение, — проговорил он, торопливо делая пометки на бумаге и отодвигая от себя все папки в сторону.

Я взяв одну из лежащих на столе папирос, закурил и сел.

— Так вот, вы знаете наверно о деле Махлина, Мадуева и Ко- этих мерзавцев, — начал он.

Я кивнул головой.

— Дело в том, что Махлин и Мадуев — коммунисты, или, вернее, были коммунистами, потому что сейчас партийные билеты у них отобраны. Слухи об их деяниях проникли в рабочую массу и вызывают возмущение. У меня имеется много заявлений на этот счет от наших товарищей-партийцев. Поэтому мы решили их расстрелять не обычным порядком, а предварительно устроить показательный процесс. Нужно показать массам, что советская власть одинаково расправляется с провинившимися коммунистами также, как и с контр-революционерами. По нашему предложению ГПУ передало их дело в Верховный Суд, который и будет судить. Председателем суда назначен товарищ Смирнов, вы наверно его знаете, а членами суда мы решили назначить вас и одного товарища-женщину из Женотдела. Так вот, нужно повести дело так, чтобы массам была ясна их классовая чуждость и приговорить их к расстрелу.

— А каково мнение Центрального Комитета партии? — спросил я.

— ЦК утвердил наше решение, — продолжал Галустян, — и даже сам Межлаук (Председатель Сред Азбюро ЦК) будет выступать общественным обвинителем. Тут все согласовано. Вам только нужно технически провести процесс. В особенности вам, — ибо, между нами, ведь Смирнов неграмотный, а товарищ из женотдела не в счет. Поэтому вам придется, так сказать, подводить под статьи. Я думаю, вы по своему опыту в Чека это дело сумете провести.

— Будет сделано, — ответил я. Когда же начнется процесс?

— Да вот завтра мы вынесем постановление о назначении вас членом Верхсуда. Затем нужно нажать

на профсоюзы, чтобы они мобилизовали как можно больше народа на процесс, и я думаю, со следующего понедельника можно начать. Другие члены суда уже инструктированы, и о деталях вы сами с ними договоритесь, — закончил он.

На прощание он мне подарил несколько новейших брошюр, и я вышел на улицу из Областного Комитета Партии.

Итак, с завтрашнего дня я буду членом Верховного Суда и должен публично выступать, как представитель правосудия. Первой моей мыслью было сейчас же пойти в Верховный Суд и ознакомиться со следственным материалом. А затем я, вспомнив инструктирование Галустяна, подумал: зачем? Ведь вопрос уже решен. Нужно просто приговорить к расстрелу. И я повернул к себе в здание Чека.

Не успел я, придя к себе в кабинет, приняться за дела, как позвонил телефон.

— Это Агабеков? Здорово, говорит Смирнов. Слушай, нам придется с понедельника работать вместе. Так вот, суд будет заседать в театре «Колизей». Начнем с трех часов дня, чтобы публика успела подойти.

— Хорошо, это все? спросил я.

— А с делом не хочешь-ли ознакомиться, их тут четыре папки, — в свою очередь спросил Смирнов.

— Нет, — ответил я, — не стоит терять время.

— Правильно, на суде во время допроса лучше разберемся, чем по бумагам. Ну прощай.

— Прощай. — Я положил трубку.

Театр «Колизей». Большое круглое здание, вмещающее до 4000 человек. Оно было построено под

цирк; но впоследствии переделано в театр. Весь состав суда, в том числе и я, собрался за кулисами. Я взглянул сквозь щель занавеси. Партер уже был заполнен публикой, но прибывали все новые партии профсоюзников. На эстраде стоял длинный стол, покрытый красным сукном. Комендант суда устанавливал на столе чернильные приборы, графин с водой и звонок. Направо от стола виднелась кафедра для прокурора. Налево были расставлены под одной из лож стулья для защитников. Вверху в ложе уже сидели подсудимые.

Наконец, раздавалась команда коменданта суда: «Встать. Суд идет», и мы вышли из-за кулис. Все заняли свои места. Председатель суда Смирнов, маленького роста, с изрытым оспой лицом и красноватыми от чрезмерного злоупотребления спиртом носом, сел посредине между мной и женщиной. Он держит себя важно и, видимо, чувствует себя уверенно. Я в форме ГПУ, а женщина-член суда в кожаной тужурке. Направо от нас разместился прокурор, еще молодой человек с высохшим лицом и воспаленными красными глазами. Он — молодой коммунист, и данный процесс был первым серьезным делом, порученным ему партией. Он явно волновался. Налево сидели защитники. Видно, старые опытные юристы. Они держались очень спокойно. Безднадежно спокойно. Видимо, и им было известно, что весь этот суд—простая комедия и что приговор уже имеется наготове.

Обвиняемых трое: Заведующий Исправдомом Махлин, Областной Прокурор Мадуев и один из следователей прокуратуры. Махлин с крупными чертами лица, живыми энергичными глазами, коммунист, сидел уверенно и спокойно. Точно, своим видом он старался

показать суду и публике, что привлечение его к суду является очевидным недоразумением, и вот суд все это выяснит, и он вновь займет свое прежнее положение. У Мадуева интеллигентное лицо. Старый юрист, стоявший всегда на страже законов, он сейчас чувствует себя смущенным, оказавшись перед судом. При чем он, видимо, хорошо не знает, в чем его обвиняют, ибо все предъявленные ему обвинения ни к какой статье закона не подходят. Держал себя Мадуев скромно и с достоинством. Следователь же несколько нервничал и поглядывал в сторону Мадуева, точно считал его все еще начальством и искал моральной поддержки. За подсудимыми стояли два конвоира с обнаженными револьверами.

Публика, уже переполнившая зал, как видно, прочно уселась, ожидая интересного зрелища. Кое-где было слышно пощелкивание семечек.

Из обвинительного акта, который нудным голосом прочитал председатель суда, было видно, что Махлин, занимая должность заведующего тюрьмой, возмутительно обращался с арестованными. Будучи сам коммунистом, он не переносил арестованных из бывших коммунистов и так издевался над ними, что один из них повесился в своей камере. Арестованных женщин он заставлял сожительствовать с ним, угрожая, в случае отказа, карцером и всеми тюремными карами. С тюремными деньгами и хозяйством он обращался, как со своей собственностью.

Мадуев и следователь обвинялись в укрывательстве Махлина, ибо по занимаемой должности они должны были знать о действиях Махлина и не приняли никаких мер.

Суд начался обычными вопросами председателя к

подсудимым. Затем стали выступать свидетели, состоявшие почти сплошь из тюремных обитателей. Говорили, главным образом, женщины. Перебирали всю грязь советской тюрьмы, долженствующей служить новым методом искоренения преступлений и перевоспитания человека. Допрос подходил к концу, а доказать только можно было, что Махлин сожительствова-вал с двумя заключенными женщинами. О Мадусе и следователе же никто и не упомянул на суде.

Я плохо следил за процессом суда. Я сидел и смотрел на Махлина, который усердно парировал все выступления против него, и думал: А ведь тебя расстреляют. Хотя ты и жил только с двумя женщинами. И в сущности, какое же это преступление? Кто из советских, даже маленьких начальников не живет с подчиненными им по службе женщинами? Ведь, если всех их расстрелять, то и большевиков не останется! А вот тебя, Махлина, для примера расстреляют. Хоть будь ты чист, как стеклышко, — расстреляют. Есть постановление Центрального Комитета Партии. А поскольку это так, то зачем терять время мне, да и тысячам рабочих и служащих на слушание процесса? Не лучше ли сразу ухлопать подсудимых без этой комедии? И сам же себе ответил: Нет партия права. Мало их расстрелять, нужно еще на этом деле заработать, обработав общественное мнение. И я продолжал терпеливо заседать на суде.

Не буду останавливаться на всем процессе. Он тянулся десять дней. Опишу лишь выступление члена ЦК Межлаука в качестве общественного обвинителя.

Высокий, худощавый, еще довольно молодой человек, с решительным выражением лица и хорошо подвешенным языком, Межлаук, действительно, ярко об-

рисовал картину ужасов советских тюрем вообще. Закончив с описанием, он взял Махлина, как представителя тюремной администрации, и получилась картина, что не советская власть, а Махлин виновник каторжных условий в советских тюрьмах. О других подсудимых Межлаук не имел материала, но зацепился за то, что прокурор Мадуев до ареста не внес членских взносов в Профсоюз за четыре месяца.

— Значит, они даже не члены профсоюза, — кричал Межлаук, — они потеряли связь с массами. Они потеряли тот компас, который должен был их ориентировать на массы. Они оказались чужды им. Нет им места в обществе, которого они не признают. Пролетарский суд должен безжалостно вырвать и очистить советскую общественность от остатков буржуазных корней — закончил он.

Гром аплодисментов огласил зал. Иначе и не могло быть, ибо говорил член Центрального Комитета правящей партии.

Наконец, мы ушли за кулисы для вынесения приговора. Нас троих заперли в маленькой комнате и за дверью поставили часового. Никто не должен входить к нам, говорить с нами, влиять на нас при вынесении приговора. Мы должны сами беспристрастно решить участь подсудимых. Какая насмешка! Ведь мы получили директиву приговорить их к расстрелу за неделю раньше суда. К чему эта комедия?

Вечером жена Смирнова принесла обед для нас троих. Зная обычай мужа, она прислала также бутылку Рыковки. Смирнов кушал и запивал, вернее — пил и закусывал. Он доволен. Он выполнил свою часть работы и теперь отдыхал. Женщина читала какую-то брошюру. Я сидел и составлял обвини-

тельное заключение. Передо мной — пачки чистой бумаги и уголовный кодекс. Я писал и переписывал. И так до глубокой ночи. Остальные уже спали.

Только на следующее утро мы покинули совещательную комнату и вернулись в зал. Та же обстановка, только больше народу. Смирнов стал читать:

«На основании ст. ст. таких-то . . . все приговорены к расстрелу.» Жуткая тишина длилась бесконечную минуту. Первыми очнулись конвоиры и стали торопливо выводить осужденных. Затем начала выходить публика.

В кабинете у Заворгота Областного Комитета Партии на этот раз весь состав суда и прокурор.

— Товарищи: ЦИК СССР утвердил приговор только над Махлиным. Остальным расстрел заменили: Мадуеву—десять лет и следователю—восемь лет исправительных работ. Завтра нужно приговор над Махлиным привести в исполнение, обратился к нам Галустян.

— По закону при расстреле должен присутствовать один из членов суда, представитель прокуратуры и доктор — вставил прокурор.

— Ну, и прекрасно, — ответил ему Галустян. — Будете присутствовать вы и товарищ Агабеков. А доктора возьмите где-нибудь. Об остальном позаботится комендантура ГПУ, куда я уже звонил, — закончил он.

Прокурор ничего не ответил, но его бледное лицо еще более побледнело.

К зданию Верховного Суда подкатила легковая

машина; за ней следом подошел грузовик с несколькими красноармейцами. Мы сели в легковую машину и поехали по направлению к тюрьме. За ними следовал грузовик. Дверь тюрьмы открыл сам заведующий Исправдомом (уже новый). Он нас поджидал. Мы направились к одиночной камере Махлина. Узкая квадратная комнатка без всякой мебели. Под потолком маленькое окошечко с густой железной решеткой. Махлин сидел на асфальтовом полу с разутыми ногами. Сапоги его стояли тут же рядом. Увидев нас, он, не вставая, выжидательно смотрел. Видно, еще до сих пор не верил, что будет расстрелян. Он надеялся на отмену приговора и сейчас ждал, что мы ему сообщим.

— Гражданин Махлин, ЦИК ССР отказал вам в помиловании, поэтому сегодня приговор суда должен быть приведен в исполнение. Имеете ли вы что-либо передать вашим родным и друзьям? — сказал я.

Еще минуту он смотрел на меня, точно воспринимая произнесенные мною слова. Затем глаза его потухли, и вместе с потерей надежды он как-то весь опустился, точно проткнутая шина. Он молча сидел и не шевелился.

— Итак, передавать нечего? — переспросил я, — ну в таком случае одевайтесь.

Он взял один сапог и хотел натянуть на ногу. Затем, видимо, раздумал и, отложив сапог, обратился ко мне:

— Товарищ Агабеков, у меня остаются жена и четверо детей. Передайте им сапоги, кольцо и вот куртку. Мне они теперь ненужны, а им, сиротам, пригодятся, — говорил он как бы сам с собой, снимая куртку.

Я больше не мог выдержать, глядя на эту сцену. Я вышел из камеры и ушел ждать в канцелярию тюрь-

мы. С завязанными назад руками, красноармейцы бросили Махлина на дно грузовика. Вероятно, ему было больно и неудобно лежать на досках. Но до этого ли ему сейчас? Он ведь теперь всего лишь грудa мяса. Что ему ушибы? Через час он будет ничто.

Грузовик быстро помчался вперед. Мы, следуя за ним, глотали облака пыли, поднятые им. Наконец, выехали за город; еще немного, — и грузовик, подъехав к холмам, остановился. Пока красноармейцы высаживали Махлина, мы также подъехали и сошли с машины. Земля была покрыта еще не успевшей высохнуть весенней травой. Легкий ветерок играл ею, раскачивая тонкие стебельки. В стороне от дороги, в тридцати шагах, виднеется яма, приготовленная ранее красноармейцами.

Махлин уже стоит на ногах. Ему предложили идти в сторону ямы. Он боязливо и неуверенно сделал несколько шагов. За ним с наганами в руках шли красноармейцы. Вдруг выстрел и одновременно пронзительный крик... Махлина не видно. Он свалился на землю. Два выстрела в упор — доканчивают.

Доктор нервно-суетливо побежал к трупy, но, не дойдя, отбежал назад.

Прокурор стоял с открытым ртом, бледный, как смерть. Правосудие свершилось.

ГЛАВА IX.

Кража консульских шифров

Мы сидели в загородной вилле, предоставленной в распоряжение сотрудников ГПУ, на квартире у начальника Контр-Разведывательного Отдела ГПУ — Стырнэ. Нас в комнате трое: Стырнэ, его помощник Уколов и я, занимавший должность начальника Отделения по борьбе со шпионами.

Стырнэ, выше среднего роста, блондин, с устремленным куда-то в пространство взглядом, до крайности нервный, ежеминутно вскакивал со стула и, сделав несколько шагов, опять опускался на свой стул. Уколов, уже пожилой человек, среднего роста, широкоплечий, с упрямым бритым подбородком, с торчащими ежиком седеющими волосами, придающими лицу еще большее выражение упрямства, сидел неподвижно-спокойно, склонившись над столом, и смотрел на бегающего по комнате Стырнэ. Я скромно сидел в стороне и улыбался, довольный присутствием в кругу моих начальников. Стырнэ, посмотрев на часы, сказал:

— Он должен быть здесь, через пять минут. Повторяю, товарищи, нам чрезвычайно важно его завербовать, ибо мы тогда будем иметь возможность не

только быть в курсе всей работы афганов в Туркестане, но, вероятно, раскроем и карты англичан, которые работают через афганцев. Кроме того, мы через него сможем влиять на афганскую политику. Будьте очень с ним любезны и, главное, больше льстите и подливайте ему вина.

Мы знали, что речь идет об афганском консуле, который, заранее подготовленный секретной агентурой, должен сейчас притти сюда и окончательно договориться с нами о работе для ГПУ. Вся обработка консула проводилась агентурой моего Отделения, вот почему, вопреки правилу ЧК — вводить как можно меньше людей в курс дела, я был привлечен на это собрание.

Через несколько минут раздался звонок, и я пошел открывать дверь. Раздевшись в передней, консул вошел в комнату и, поздоровавшись, уселся в предупредительно предложенное ему кресло. Лет 50-ти, высокий, грузный брюнет с большой проседью. На бронзовом лице большой крючковатый нос и густые брови, из-под которых блестели черные глаза. Одет был консул в европейский костюм, и лишь голова была покрыта черной барашковой шапкой, которую он, войдя в комнату, не снял. По этой же шапке секретная агентура окрестила его кличкой «Шапочка», и на досье об афганском консуле, лежавшем у меня в нескороаемом шкафу, красовалась надпись:

«Агентурное дело Шапочка».

После обычного обмена любезностями уселись за чай. Хотя консул и приглашен был на чай, стол был уставлен винами и закусками. После нескольких рюмок коньяку, официальный тон разговора стал исчезать, и консул оживился.

— Расскажите, господин консул, что-нибудь интересное об Афганистане. Ведь это — такая таинственная для нас страна, — попросил я, подливая вина.

— Я должен сказать, что я по национальности не афганец, а таджик. Вы, вероятно, слышали, что афганцы относятся враждебно к таджикам, но мне тут повезло. Мальчиком семи лет я был взят покойным Эмиром Хабибулла Ханом в Кабул и жил при дворе. Там я, собственно, и вырос. Затем Эмир назначил меня консулом в Бомбей, где я прожил три года. Нынешний Эмир Аманулла-Хан назначил меня генеральным консулом к вам в Ташкент. Вот и вся моя жизнь. Я не бывал в Европе и ничего не видел, кроме нашей страны, а у нас нет замечательных вещей, о которых я мог бы рассказать. Ни театров, ни синема и вообще никаких развлечений, как в Ташкенте, — рассказывал консул.

— Кстати, — спросил он меня, — кто была эта высокая женщина в вашей ложе в прошлый раз в театре?

— Это — одна из моих хороших знакомых, — ответил я. — А что она вам понравилась? Если хотите, я вас познакомлю с ней, — предложил я.

— Да, я с удовольствием познакомлюсь с ней, — ответил консул, и глаза его заблестели еще больше.

— Итак, господин консул, — начал Стырнэ после изрядного числа выпитых рюмок, — мы теперь с вами хорошие друзья. Вы знаете, что мы вообще любим афганский народ, который первый протянул руку большевикам, но дело в том, что за последнее время мы замечаем недружелюбные акты со стороны Афганистана. Так, например, басмачи, с которыми мы боремся, пользуются гостеприимством в Афганистане. Конечно, мы думаем, что это влияние англичан на неко-

торых членов Вашего Правительства, поэтому мы, считая вас нашим другом, хотели бы просить информировать нас о тех недружелюбных нам распоряжениях, кои вам известны. Не говоря о том, что все это останется в секрете между нами, мы, конечно, с своей стороны отплатим за вашу любезность, чем можем.

— А что вы можете мне предложить? — задал вопрос консул.

Мы переглянулись между собой, ибо вопрос был для нас неожиданным. Наконец, Стырнэ решил идти в открытую.

— Смотря, что вы можете нам предложить. Скажите, в чем конкретно вы можете нам помочь, и я надеюсь — в условиях мы договоримся, — ответил Стырнэ.

— Я могу вас познакомить со всей секретной перепиской консульства и дам вам ключ к шифру между мною и Кабулом. Но взамен я прошу политической и материальной гарантии. Вы должны обещать мне через Наркоминдел право убежища в случае моего отказа вернуться в Афганистан, и, наконец, я прошу за все мои услуги десять тысяч рублей золотом, что, я думаю, для вас являются небольшими деньгами, — выкладывал консул свои условия.

Мы молчали. Что можно было ему ответить? Вопрос о праве убежища так же, как и вопрос о такой сумме, как 10 000 рублей золотом, мы были не в праве решать. Об этом нужно было просить разрешения высшей инстанции.

— Хорошо, мы обдумаем ваши предложения, и я думаю, что мы придем к соглашению, — ответил Стырнэ.

Деловой разговор исчерпан. Побеседовав еще ко-

роткое время о разных мелочах, консул уехал. Опять мы остались одни. Стырнэ задумчив, Уколов попрежнему не возмутим.

— Да, дело нелегкое достать такую уйму денег. Нужно будет вопрос согласовать с ЦК и с Наркоминделом, а это займет недели две времени. Да и едва ли наши главки согласятся на такую комбинацию. Однако, посмотрим, — задумчиво сказал Стырнэ. — А вы, товарищ Агабеков, пока продолжайте агентурную разработку консульства, чтобы не терять даром времени, — обратился он ко мне.

Я сидел на конспиративной квартире с молодым таджиком, недавно приехавшим из Памира. Это был мой секретный агент Хунба-шо, подружившийся с афганским консулом и информировавший нас о консульских делах. Хубан-шо был завербован отрядом Особого Отдела ГПУ на Памире. Там же ему преподали несколько лекций политической грамоты и зачислили членом коммунистической партии. Всего только три месяца, как он впервые в своей жизни спустился с горных вершин Гималаев и, приехав в Фергану, увидел поезд и автомобиль. Свидетели рассказывали мне, что когда Хубан-шо увидел движущиеся деревянные дома-вагоны без всякой посторонней помощи, то этот коммунист — авангард мирового пролетариата — испугался и убежал со станции в горы. Его с трудом поймали, привели обратно и объяснили, что тут нечистая сила ни при чем, а во всем виноват паровоз. Однако, несмотря на дикость, Хубан-шо обладал природным умом и сообразительностью. А главное — он был хитер, хитростью дикаря.

— Ну, как поживает твой сородич-консул, — спросил я его.

— Ничего себе. Он ожидает вашего ответа на его предложение и удивляется, что так долго не имеет ответа. Сейчас в консульстве спокойно, дипломатические курьеры уехали, и консульство почти опустело, — докладывал он.

— Хубан-шо! ты обещал принести мне план расположения консульских комнат и до сих пор не приносишь. В чем дело?

— План у меня давно готов, товарищ Агабеков, но я не умею чертить, — ответил Хубан-шо смущенно.

— Так давай, ты будешь объяснять, а я начерчу, — предложил я. И мы подробно нанесли на бумагу план консульства.

— А что представляет из себя секретарь консула? — продолжал спрашивать я у Хубан-шо.

— Это пожилой афганец, который почти ничего не делает. У него имеется работа, лишь когда консульство готовит почту. Как только дипкурьеры уезжают, он свободен и редко бывает в консульстве.

— Где же он проводит время?

— Он живет с одной русской женщиной и почти все свободное время проводит у нее, — ответил Хубан-шо.

— Кто она такая? спросил я.

— Не знаю. Она, кажется, портниха. Если нужно, я завтра узнаю о ней все подробности.

— Да, пожалуйста, завтра же узнай, кто эта женщина, где живет и вообще все подробности, — закончил я.

Прошло две недели. Уколов и я вновь собрались в

кабинете у Начальника КРО Стырнэ. Лицо его выражало явное недовольство.

— Ну, товарищи, как я и предвидел, по делу «Шапочка» нам отказали во всем. ЦК согласился отпустить на это дело только тысячу рублей золотом, но главное несчастье — с Наркоминделом, который категорически протестует против предоставления права убежища консулу. Уполнаркоминделом Михайлов назвал это дело авантюрой, которая может только испортить наши отношения с Афганским Правительством. Итак, в нашем распоряжении 1000 рублей. Я думаю — можно предложить и червонцы. Может быть, он согласится. Как вы думаете? — обратился Стырнэ к нам.

Уколов после короткого раздумья сказал:

— Нужно найти другой путь к документам консула.

— Я тоже того мнения, что нужно найти другой путь, — начал я, — ведь предположим даже, что мы уплатим нужные деньги и получим шифр. А где гарантия, что через месяц шифр не будет изменен, и мы опять останемся ни с чем? Что-же тогда? опять платить, что-ли? Не говоря о том, что, возможно, консул откажется от 1000 рублей, и мы очутимся в неловком положении.

— Хорошо вы все рассуждаете, — волновался Стырнэ, — а где же этот другой путь? Единственный другой путь, какой я вижу, это украсть документы. А это может вызвать еще худший дипломатический скандал.

— А почему бы и нет? Мы не украдем, а лишь сфотографируем документы. В консульство проникнуть не трудно, и там почти никого нет. Вопрос только в том, как открыть несгораемый шкаф, где лежат доку-

менты. Ключ от шкафа консул носит всегда при себе на цепочке от часов. Вы разрешите мне разработать план и доложить вам потом, — закончил я.

— Ну, ну, попробуйте, — ответил Стырнэ с сомнением в голосе.

Мы разошлись по своим кабинетам.

— Войдите! — ответил я на стук в дверь моего кабинета. Дверь отворилась и вошла высокая блондинка, лет 30-ти, с обильно напудренным, помятым лицом. На лице ее выражение страха, смешанного с любопытством.

— Я получила повестку ГПУ явиться в комнату № 15 к товарищу Агабекову, — начала она.

— Вы гражданка Власова? — спросил я и, получив утвердительный ответ, предложил ей сесть.

Она села на кончик предложенного ей стула и боязливо разглядывала комнату. Я, делая вид, что очень занят своими бумагами, исподволь изучал ее. Затем внезапно я обратился к ней:

— Скажите, гражданка Власова, вы хорошо знаете географию СССР?

Она мнется и смущенно улыбается. На ее лице удивление по поводу заданного вопроса.

— Вы знаете, где находится Чимбай? — продолжал я, — вот смотрите, — и я ткнул пальцем в угол карты Туркестана, висевшей на столе. — Это — маленький хивинский кишлак в 500 верстах от железной дороги. Туда нужно ехать 20 дней на верблюдах. Там свирепствует тропическая малярия и не живет никто кроме туземцев, — рассказывал я ей. Она смотрела на меня и на карту, ничего не понимая.

— Так вот, гражданка, я сейчас с вами говорю

здесь совершенно секретно, и о нашем разговоре никто не должен знать. И я должен предупредить вас, что если нам станет известно, что вы кому-либо передали о нашем разговоре, то я вас вышлю в этот самый Чимбай, — сказал я. — А теперь давайте откровенно поговорим о деле, — продолжал я. — Скажите, вы знакомы с секретарем Афганского консульства, не так-ли?

— Да, я немного знакома с ним, — ответила она испуганно.

— Так вот, нам все-равно, много или немного вы с ним знакомы. Нас интересует, можете ли вы, если нам это будет нужно, задержать его у себя на ночь до утра?

— Могу, — ответила Власова, — он всегда сидит у меня, пока я не попрошу его уйти.

— Ну, и прекрасно, пусть сидит себе на здоровье. Это все, что нам нужно. Я как-нибудь попрошу вас задержать его на всю ночь, и если вы успешно выполните нашу просьбу, мы будем вам благодарны, — сказал я.

— А мне ничего не будет за то, что я знакома с иностранцем? — спросила она.

— Будьте спокойны, ничего не будет, если выполните нашу просьбу. Теперь вы свободны, — сказал я, ставя штампель на ее пропуске, без чего часовой не выпустит ее из здания ГПУ.

— Только никому ни слова о моей просьбе. Не забывайте Чимбай, — напомнил я ей на прощание.

И она, улыбаясь, ушла торопливой походкой, радуясь, что так легко отделалась от ГПУ.

Большая роскошная квартира, переданная в распоряжение ГПУ для специальных целей. Прекрасно сер-

винованный на шесть персон стол. Много вина, коньяку и ликеров. Стол заставлен закусками. Мы пригласили афганского консула, который должен прийти к 9-ти часам вечера. Остальная публика собралась раньше. В гостиной сидят Уколов и три девицы. Двое из них секретные агенты моего отделения, а третья — моя машинистка. Это та самая высокая девица, которая так сильно понравилась консулу в театре. Он предупрежден, что она будет на этом интимном вечере, вот почему я уверен, что он обязательно придет. Она также имеет инструкцию — быть к консулу как можно благосклоннее. Она должна будет играть главную роль на вечеринке. В ожидании консула я проверяю все приготовления к столу. Кто-то из девиц бренчит на пианино в соседней комнате.

Ровно в 9 часов пришел консул, и мы повели его к столу. Ему отведено место рядом с машинисткой. Прежде чем приступить к закускам, мы начали с традиционной русской водки. После пары рюмок консул, улучив момент, спросил меня.

— Почему вы не даете ответа на мое предложение? Я уже жду три недели.

— Дело в том, что ваше дело очень серьезное и важное, поэтому запросили Москву, откуда еще нет ответа, — ответил я, — но я думаю, каков бы ни был ответ, он не может изменить наших личных отношений, — добавил я.

— Конечно, конечно: — поспешно сказал консул, — я очень люблю русских, в особенности русских женщин, — засмеялся он, кидая взгляд на свою соседку.

— Поэтому прошу занимать вашу даму, — сказал я и подмигнул повернувшейся к нам машинистке.

Около полуночи консул, почти пьяный от вина и близости соседки, сидел на диване и прижимался к де-вушке. Остальные женщины, несмотря на инструкцию пить как можно меньше, не удержались и, напившись, сейчас смеялись во все горло над молчаливым Уколовым. Я сидел в их компании и смотрел на золотую цепь видневшуюся из-за расстегнутого пиджака консула. Украдкой взглянув на часы, я решил, что уже пора действовать. Было без четверти час, а в час ночи на улице должны были меня поджидать мой уполномоченный с фотографом ГПУ. Я направился к столу и, налив рюмку вина, всыпал в нее дозу снотворного порошка. Рюмку я поставил на край стола, затем взял из вазы цветок, понюхал его несколько раз и бросил рядом с рюмкой.

Это был условный знак машинистке, сидевшей рядом с консулом и следившей за моими действиями. Через минуту она обратилась к консулу:

— Давайте, выпьем за нашу любовь, — и встав взяла приготовленную рюмку, подала консулу. Схватив другой стакан, она чокнулась с ним и пьет. Консул, глядя на нее влюбленными глазами, приложился к своей рюмке и выпил до дна.

Никто ничего не заметил. Веселье продолжалось. Минут через десять консула стало клонить ко сну.

Его соседка, взяв его под руку, отвела его в следующую комнату и через несколько минут вернулась с цепочкой от часов, на коей висели ключи.

Я торопливо открыл несгораемый шкаф, стоявший в спальне консула. За мной стоял мой уполномоченный, освещая карманным электрическим фонарем

дверцы шкафа. Хотя в консульстве никого не было, мы старались не производить шума.

— Вот шифр, — сказал я, вытаскивая лежащую в конверте со сломанными сургучными печатями тетрадку. — А вот и папка с секретными циркулярами, — продолжал я вытаскивать бумаги и передавать их уполномоченному.

В шкафу больше ничего нет, за исключением двух мешков с афганскими серебряными рупиями.

— Сейчас же поезжайте к нам и сфотографируйте все это. Смотри, чтобы бумаги лежали в том же порядке, в каком они сейчас. Приезжай как можно скорее — инструктировал я уполномоченного.

5 часов утра. Я только что водворил цепочку от часов на жилет консула, мирно спящего рядом с машинисткой. Остальные тоже спят, кто на кроватях, кто на диванах. Все сошло благополучно. Я доволен операцией. С наслаждением я выпил чайный стакан вина и лег на ближайший диван отдохнуть.

На утро разбудил меня Уколов. Консул только что открыл глаза. Я, протирая глаза, подбежал к нему.

— Ну как спали, господин консул, — спросил я.

— Большое спасибо, — улыбнулся консул, стараясь скрыть головную боль.

Через час он собирался уезжать. Мы шумно прощаемся с ним и берем друг у друга обещание устроить еще такую же вечеринку.

Уже 10 часов утра. Я спешу к себе в ГПУ, чтобы посредством добытого шифра расшифровать собранные заранее копии секретных телеграмм «дружественного Афганистана!»

ГЛАВА X.

Троцкизм среди чекистов.

В кабинете секретаря Ново-Городского Комитета ВКП(б) Епанешникова набилось человек тридцать. Дело было в конце 1923 года. За закрытыми окнами валил снег. В комнате стоял густой чад от накуренного табака. Маленькая открытая форточка была не в силах вытянуть густые клубы дыма, и воздух в комнате становился все более нестерпимым.

Однако, никто из присутствовавших не обращал на это внимания. Собравшиеся представляли собой партийный актив Городского Комитета Партии, и им сегодня предстояло решить важнейший жизненный вопрос партии. Нужно было решить, кто прав и кто виноват в поднятой Троцким дискуссии перед съездом партии. Его, Троцкого, книга «Уроки Октября» расшевелила всю партийную массу, ибо идеологи Центрального Комитета Партии усмотрели в этих «Уроках» новую попытку Троцкого ревизовать ленинизм, новую попытку «протащить» троцкизм, пользуясь безнадежностью положения больного Ленина.

Партийный актив состоял в своем большинстве из секретарей ячеек городских учреждений и предприя-

тий. Среди них присутствовал и я, как секретарь объединенного бюро ячеек войск и органов ГПУ. Все мы с нетерпением ожидали члена Центрального Комитета — Межлаука, приехавшего только что из Москвы и назначенного докладчиком на нашем партактиве.

Я, как, вероятно, и большинство из собравшихся, не читал еще книги «Уроки Октября» и знаком с затронутыми в книге вопросами по статьям в московской «Правде». Я заговаривал на эту тему то с одним, то с другим из секретарей, стараясь в беседе с ними выяснить для себя сущность разногласий в Центральном Комитете Партии, а также прощупать мнение моих собеседников, но повсюду наталкивался на один и тот же ответ:

«Да что голову ломать. Вот Межлаук сделает доклад и даст директивы, по которым будем работать.»

Только один из присутствовавших, видимо, не разделял мнений собравшихся. Он сидел в стороне и, смотря на остальных, полупрезрительно улыбался. Это был председатель Хлопкового Комитета Мамаев. Изредка к нему подходил секретарь Комитета Епанешников и, обменявшись парой фраз, уходил с улыбкой сожаления и превосходства на лице.

Наконец, пришел Межлаук. Как всегда свежесбритый, одетый в новенький, хорошо сшитый костюм, Межлаук резко отличался от нас, полурабочих, полумвоенных, не знавших, что такое полный комплект новой одежды, и брившихся от случая к случаю.

— Товарищи, заседание партактива объявляю открытым. Слово для доклада предоставляется товарищу Межлауку, — выкрикнул обычную формулу Епанешников, уступая место докладчику.

— Товарищи, — начал Межлаук, — вы все, наверно, читали в «Правде» и «Известиях» о той дискуссии, которая сейчас происходит в Москве. Товарищ Троцкий вновь старается провести в партии свою идею перманентной революции, которую так четко раскритиковал в свое время товарищ Ленин. Сейчас в своей книге «Уроки Октября» Троцкий идет еще дальше. Он обвиняет партию во внутрипартийном зажиме, выдвигает теорию разделения партии, противопоставляя молодых старикам... — Межлаук говорил часа два. Говорил красиво, хорошо, связно, но было видно, что он говорил не свое, а повторял слышанное им в Москве.

— Троцкий добился новой дискуссии в коммунистической партии. Еще дискуссии 1921-го года Ленин считал роскошью, которую позволила себе партия, а сейчас мы стоим перед новой роскошью. Троцкий, пользуясь временной болезнью Ленина, хочет внести раскол в мощную монолитную пролетарскую партию, но товарищи, верные последователи Ленина, т. т. Зиновьев, Каменев, Рыков и все остальные члены ЦК партии, решили еще раз дать с помощью всей партии отпор тенденциям троцкистов и, очистив свои ряды от сомневающихся, итти сомкнутыми рядами к Мировой Социальной Революции, — закончил Межлаук.

Кругом аплодисменты. Повсюду сияют радостные лица, точно троцкизм уже разбит и Мировая Социальная Революция установлена.

— А ведь товарищ Троцкий прав, говоря об отсутствии внутрипартийной демократии, — неожиданно для всех спокойным голосом сказал Мамаев, едва стихли хлопки, — вот хотя бы возьмем сегодняшнее со-

брание. Товарищ Епанешников собрал секретарей ячеек, то-есть тех же аппаратчиков, и хочет...

— Товарищ Мамаев, — прервал его секретарь, — вам не давали слова.

— Ну, так дайте слово. В чем же дело? спросил, улыбаясь, Мамаев.

Слово будет даваться в порядке записи желающих. Есть товарищи, желающие высказаться по докладу товарища Межлаука? — обратился Епанешников к собранию.

Желающих говорить было много. Собрание продолжалось около трех часов. Наконец, приступили к голосованию резолюции, предложенной Межлауком, осуждавшим позицию Троцкого. Мамаев был против, четверо воздержались. Остальные единогласно голосовали за резолюцию, при чем каждый старался, чтобы его высоко поднятую руку заметил член ЦК Межлаук и оценил его правоту.

— Так вот, товарищ, — инструктовал после заседания каждого из секретарей ячеек Епанешников, — завтра резолюция партактива будет опубликована в «Туркестанской Правде», а затем нужно полностью провести эту резолюцию на ближайшем собрании по ячейкам. Копии протоколов собраний срочно пришлите в Горком.

Большая церковь, превращенная ныне в клуб войск и органов ГПУ. Длинное квадратное помещение. Стены обиты длинными полосами красной материи, на которых лозунги. Местами висят плакаты и различные диаграммы. На сцене также плакаты и свернутые знамена. Сейчас там же стоит стол и несколько стульев

для президиума собрания. Ниже стоят ряды длинных скамеек, теряющихся в глубине помещения. Все скамьи заняты красноармейцами и сотрудниками ГПУ, сидящими попеременно. Идет партийное собрание ячеек войск и органов ГПУ. Председательское место занимает среднего роста полный мужчина с большим, бледным, распухшим лицом и редкими вьющимися светлыми волосами. Это Полномочный Председатель ОГПУ в Средней Азии — Бельский. Он бесконечно вертится на своем стуле, ибо у него ишиас. По сторонам от него сидят члены президиума. Слово для доклада о дискуссии предоставляется мне.

— Товарищи, — начал я свою речь и почти слово в слово повторил то, что я слышал на партактиве у Межлаука, разбавляя все это материалом из последних номеров столичных газет. Говорил я около часу, как и полагается приличному докладчику. Аудитория слушала меня, не прерывая. Доклад свой я закончил также по трафарету победным кличем.

— Кто хочет слово по докладу? — спросил председатель. Гробовое молчание.

— Есть вопросы к докладчику? — опять задал вопрос Бельский.

В дальнем углу поднялся начальник Отдела по охране границ Коваленко. Коренастый украинец, с сильным голосом, злоупотребляющий алкоголем. Он бывший анархист-коммунист из рабочих.

— У меня, собственно, такого рода вопрос. Вот докладчик нам здесь рассказывал целый час о том, что мы уже читали в газетах: Что нужно бороться с Троцким и другими. А ни одного слова он не сказал, против чего, собственно, бороться. Какая программа у Троцкого? Чего он хочет? Мы ничего не знаем. Мы

только слышали, что в Москве дискуссия с Троцким и с другими товарищами, которых мы хорошо знаем. Обвинять их в контр-революции — абсурд. Значит, тут что-то другое. Так пусть нам расскажут подробно все за и против, а там и мы выскажемся, — сказал Коваленко.

Собрание сразу загудело. Со всех сторон раздавались голоса: «правильно, правильно».

После короткого совещания было решено собрать через два дня новое собрание и выставить докладчика, который бы доложил о точке зрения оппозиции.

Через два дня опять собрание в том же клубе. Только больше народу. Помещение набито битком. Много любопытных из беспартийных. Доклад о точке зрения оппозиции я поручил сделать одному из военкомов батальона Гусеву. Он невзрачного вида человек, никогда ничем особенно не интересовавшийся и редко выступавший на собраниях. Ничего особенного от него нельзя было ожидать.

Собрание было объявлено открытым, и слово предоставили Гусеву. Он начал тихо, запинаясь, цитировать мою речь на прошлом собрании. Затем, вытащив из-за пазухи шинели пачку московских газет, стал цитировать из них. Собрание скучало, и многие перестали слушать оратора. Но вдруг что стало с Гусевым? Он перешел на тему о позиции Троцкого. Он весь преобразился. Он, перестав заикаться и жестикулируя на сцене, говорил:

— Вот сейчас на этом собрании я буду говорить то, что думаю, и то, что чувствую, а завтра товарищ Бельский сошлет меня куда-нибудь к черту на кулички. И это вы, товарищи, называете внутрипартийной демократией? — говорил он. — Ведь каждый из вас

знает, что если не угодишь начальству, то угодишь куда-нибудь подальше. А как вы это назовете, как не подхалимство? Чекисты-подхалимы! А почему такие завелись у нас? Благодаря тому, что в партийном аппарате укрепились чиновники-бюрократы. Нельзя слово пикнуть — выбросят из партии! — уже кричал он. — Где у нас равенство в единой коммунистической партии? На бумаге, в уставе партии. А на самом деле верхи и низы. Начальники и подчиненные. Верхи обросли на теплых местах и тянут к себе родственников, подхалимов, бюрократов. Везде и повсюду круговая порука. Рука руку моет. Только внутрипартийная демократия даст возможность проявить все недочеты нашей партии и избавиться от них.

Собрание гудело. Кругом шум и выкрики. Каждый хотел говорить. Бельский, побледневший еще больше, старался восстановить порядок. Беспрерывно дребезжал звонок председателя.

Ораторы выступали один за другим. Все упрекали в казенщине партийный аппарат.

— Революция, видно, кончилась, — кричал один из ораторов, — в то время как одни дрались на фронтах, наиболее проворные заняли хлебные места.

— Каждый сидящий на посту в ЦК партии, — говорил другой, — хвастается, что он был членом партии чуть не с Рождества Христова, а на самом деле никто не знает, что он делал и где был во время Октябрьского переворота. Нужно вычистить весь партийный аппарат.

Прения были прекращены. Стали выносить резолюции. Чувствовался перевес оппозиции. Почти все красноармейцы — члены партии — высказывались в пользу Троцкого. В то время как они, выступая еди-

ным фронтом, подали одну общую резолюцию, сторонники ЦК были разрознены и внесли четыре резолюции. Бельский, учтя положение, предложил объединить их в одну, и уже после такого «трюка» стали голосовать.

363 голоса за Центральный Комитет Партии, 356 за Троцкого. Почти половина ГПУ, органа защиты диктатуры ЦК, стояла на стороне Троцкого. Это было почти полным поражением. Но формально ЦК имел большинство в семь голосов, и меньшинству пришлось подчиниться.

Было объявлено, что ГПУ стоит за Центральный Комитет Партии. За Зиновьева и Каменева.

В большом здании театра «Колизей» общегородское партийное собрание. В президиуме сидят местные партийные заправила и приехавшие из Москвы Рудзутак и Варейкис. Рудзутак в богатой меховой шубе, которую не снимает на собрании, делает доклад. Выступавших ораторов много. Большинство защищали точку зрения Троцкого. Сторонники ЦК старались скомпрометировать троцкистов по личным мотивам.

— Это все ущемленные. Это люди, сами метящие на теплые места. Волки в овечьей шкуре. — Такие эпитеты троцкистам были бесконечны.

Началось голосование. Счетчики заранее были назначены секретарем Горкома Епанешниковым. От них многое зависело. Они могли сотню голосов убавить или прибавить.

— Кто за резолюцию товарища Рудзутака? — крикнул председатель собрания Манжара.

Начался подсчет поднятых рук.

— Кто за резолюцию товарища Мамаева? — опять подсчет.

— 2460 голосов за Рудзутака и 1520 за Мамаева, — объявил председатель. — Таким образом большинством голосов принимается резолюция товарища Рудзутака.

— Постойте, — раздался громкий повелительный голос с галерки, — разрешите спросить у товарища Епанешникова, сколько всех присутствующих членов партии?

Все оглядываются на галерку и смотрят на взо-бравшагося на доски красноармейца войск ГПУ, задавшего вопрос.

— 3200, не соображая, выпалил Епанешников.

— Так как же голосующих оказалось около 4000? — спросил все тот же красноармеец.

Поднялся ужасный шум, крики. Минут десять в зале стоял страшный гул голосов.

— Вносится предложение переголосовать, — смог, наконец, объявить председатель.

Снова началось голосование. 1607 голосов за Центральный Комитет и 1593 за Троцкого. Никто не сомневался, что и тут не обошлось без махинаций счетчиков, давших победу Центральному Комитету Партии.

В Ташкент к Бельскому приехал погостить полномочный представитель ГПУ Белоруссии, Медведь. Это одинаковой комплекции и, видимо, психологии с Бельским человек. Они — большие друзья и старые соратники. Лицо у Медведя жесткое, да и деяния за ним числятся не мягкие. Сейчас он вместе с Бельским сидит у меня в бюро ячейки.

— Да, я тебе скажу, было тут дело с этой дискуссией, — рассказывал Бельский, — не знаю, случайно или с намерением товарищ Агабеков подобрал докладчиком оппозиции некоего Гусева. Так я тебе должен сказать, он так и да оказался гусем, холера ему в бок. Еле отстояли позицию ЦК. Ведь подумай, что сказали бы в Москве, если бы у меня здесь оппозиция взяла верх. Ну, я этого Гусева отправил отсюда в Семиречье. Пусть он там бузит, сколько ему хочется.

— Что Москва сказала бы, ха, ха, — ответил Медведь. — Там положение почище оказалось. Там в ГПУ выступал не гусь какой-нибудь, а сам товарищ Преображенский. С цифрами в одной руке, с азбукой коммунизма в другой. Одним словом профессор. Ты знаешь ячейку в Москве, это ведь 3000 коммунистов. Так вот после доклада Преображенского большинство оказалось сторонниками Троцкого. Привезли с постели полураздетого Рязанова, чтобы хоть он воздействовал. Не помогло, публика не слушала. Кто-то из ребят обозвал его старым козлом. А Дзержинскому и другим членам коллегии вообще говорить не давали. Требовали немедленно ввести внутрипартийную демократию, разогнать партийный аппарат. Долой бюрократов, долой аппаратчиков: — сплошь и рядом кричала ячейка. Пришлось прервать собрание и перенести на следующий день. Ну, а на следующий день были приняты меры. Во-первых, срочно по прямому проводу вызвали из Ленинграда Зиновьева, а затем Феликс особо заядлых крикунов частью изолировал, частью отправил в срочные командировки. На следующий вечер собрание открылось речью Зиновьева. Ну, тот и начал. Говорил четыре часа подряд. Все обалдели, слушая его. Голоснули — и что же? несмотря на при-

нятые меры, ничтожным большинством прошла резолюция ЦК. Да, жаркая была дискуссия. Почтище 21-го года, — закончил Медведь.

— Кстати, ты уже получил приказ ГПУ о расформировании Юридического Отдела ГПУ в Москве? — спросил Медведь Бельского. — А знаешь, почему расформирован? Нет? Так я тебе скажу. Весь отдел целиком оказался разложенным и стоял за оппозицию. Ну, Дзержинский и разогнал их, отправив на окраины. Четырех из них он прислал ко мне в Белоруссию.

— Да, — задумчиво ответил Бельский, — хороших коммунистов на окраины не шлют, а все больше бузотеров или провинившихся. Точно здесь тюрьма какая-то.

Таковыми мерами во время дискуссии вожди партии и ГПУ отстаивали «монолитность и единство» пролетарской партии в рядах коммунистов ОГПУ.

Я девять месяцев был непрерывно избираем секретарем ячеек органов ГПУ. На этой должности я убедился, что на партийной работе делать нечего. Там думать и решать не нужно. Все заранее обдумано и решено, и эти решения получаешь в виде циркуляров и резолюций, которые обязан неуклонно проводить в жизнь. Иначе — обвинение в уклоне, замена более покладистым членом партии — и опала.

Я не мог больше вынести гнилого духа партийной работы и решил вернуться на практическую активную работу. Меня пригласил к себе на работу начальник Иностранного Отдела ГПУ Трилиссер.

ГЛАВА XI

ЧК у границ Индии

Я приехал в составе советского посольства в Кабул. Официально я числился помощником заведующего Бюро Печати, фактически же я резидент ОГПУ в Афганистане. Советское посольство помещалось в довольно старом здании, напротив знаменитого и единственного в Афганистане завода «Машинханэ». Между заводом и посольским домом протекала река Кабул, от которой летом остается одно высушенное русло и название. Вдоль реки по руслу бродят буйволы в поисках воды и сырого места. Посольский дом страшно неудобен, и единственным преимуществом его является огромной толщины чинара, раскинувшая среди двора свои громадные ветви, которые давали богатую густую тень. Члены миссии почти все свободное время проводят под этим деревом. От старого водоноса мы знали, что дом этот принадлежал предшественнику нынешнего Мустоуфи (заведующий Налоговым Управлением), который чересчур усердно собирал налоги, большую часть которых забывал сдавать в казну. Благодаря своей плохой памяти, он скопил громадное состояние. Однажды вечером, по приказу Эмира, пришли

в дом солдаты и вытащив Мустоуфи с постели, повесили его тут же на чинаре, под тенью которого он любил отдыхать. Тут он висел три дня и три ночи. Затем труп убрали, а имущество конфисковали в пользу казны. Водонос показывал нам толстую ветвь дерева, поддерживавшую своего хозяина в последнюю критическую минуту его жизни.

Итак, мы, как обычно, сидели, укрывшись от знойного августовского солнца под деревом, и от скуки перебрасывались редкими фразами. Уже два месяца мы не имели газет из СССР и с нетерпением ожидали приезда дипломатических курьеров. Вокруг этой темы и шел разговор. Вдруг мы заметили, что стоявший у ворот часовой-афганец открыл настежь ворота, в которые въехали верхом запыленные всадники. Это был курьер и два его сопровождающих. За ними следовало несколько навьюченных лошадей, и караван замыкался четырьмя конвоировавшими солдатами. Все сидевшие под деревом выбежали на солнце и шумно, радостно приветствовали прибывших. Дипломатическая почта почти немедленно была развьючена и перенесена в обычно пустовавшую канцелярию.

Второй секретарь разбирал в канцелярии почту. Комендант посольства отводил уставшим от трехнедельной верховой езды курьерам помещение. Мы же продолжали сидеть под деревом, с нетерпением ожидая новостей.

Прошел час томительного ожидания, пока, наконец, из квартиры полпреда выбежал посольский слуга Осман, единственный слуга, одевавшийся по европейски, т. е. носивший брюки поверх белых шаровар. Подбежав к дереву, Осман обратился ко мне по-афгански:

— Сафир-саиб требует мунши-саиба к себе.

— Хоб, — ответил я и, встав, направился к полпреду.

Я вернулся к себе и заперся в спальне, где хранил секретные бумаги и шифр. Из вскрытого пакета, адресованного полпреду Старку с печатями Наркоминдела, я вынул запечатанный, адресованный: «Лично, совершенно секретно. Никому другому не вскрывать, товарищу Петру.» Я носил кличку Петр. Осторожно вскрыл пакет и вынул содержимое. Письмо на простой бумаге без адресата и без подписи, пара циркуляров на папиросной бумаге и американские доллары. Я стал читать письмо.

— § 4. Обращаем ваше внимание на бухарскую эмиграцию. У нас имеются сведения, что афганское правительство продолжает их поддерживать. Из тех же источников сообщают, что Эмир Бухарский намерен обратиться в Лигу Наций с петицией, который должен повезти в Европу бухарский купец Юсуф-бай. Одновременно наблюдается новое оживление басмачества на границах. Все эти моменты заставляют нас обратить пристальное внимание на бухарцев в Афганистане и их связи на советской территории.

— § 5. Восстание хостинцев на юге Афганистана, по непроверенным сведениям, поддерживается англичанами, снабжающими повстанцев оружием. Выясните, каковы взаимоотношения главарей повстанцев с англичанами. Постарайтесь добыть документальные данные участия англичан в помощи восставшим.

В таком же духе были остальные параграфы письма.

Я каждый день совершал прогулку верхом, знакомясь с окрестностями и людьми. О бухарцах мне

только было известно, что Эмир Бухарский живет в отведенном ему дворце Калаи-Фату, в 18-ти километрах от Кабула. При нем находилось до трехсот приверженцев, среди которых мы не имели ни одного агента. После получения письма из Москвы я перенес свои прогулки на дорогу между Кабулом и Калаи-Фату, надеясь встретить кого-нибудь из бухарцев и завязать знакомство. Целую неделю я разъезжал безрезультатно, пока однажды я не увидел едущего по дороге верхового. В пестром халате с белой чалмой на голове и большой седой бородой, обутый в мягкие сафьяновые сапоги, старик был типичным бухарцем. Он направлялся из города в сторону Калаи-Фату.

— Салам алекум, — поздоровался я со стариком, нагнав его.

— Салам алекум, — ответил он, искоса взглянув в мою сторону.

— Не знаешь ли, отец, как проехать в Чиили-Сютюн? — спросил я по-узбекски. — Я недавно приехал в эти места и не знаю дороги, — добавил я.

— А вот я еду в сторону Чиили-Сютюна, езжай по этой же дороге, — предложил он, и я присоединился к нему.

— Ты хорошо говоришь по-узбекски, но ты не узбек. Что ты делаешь в Кабуле? — спросил старик.

— О, я почти всю жизнь провел в Бухаре. Я имел там свою торговлю, но после революции разорился и вот теперь вынужден служить. Я служу переводчиком при советском посольстве, — ответил я. — Приехал я сюда прямо из Бухары и вот думаю накопить немного денег и опять вернуться в Бухару торговать, — продолжал я.

— Ты недавно из Бухары? — оживился старик, — расскажи, как там жизнь и кого ты там знаешь.

Мы беседовали, пока вдали не показались синие мраморные колонны Эмирского дворца Чиили-Сютюна.

— Спасибо, сынок, за вести. Если будешь иметь время, приезжай в одну из пятниц ко мне в гости в Калаи-Фату. Спроси Али Мардан Бая, каждый знает мой дом. Попьем чаю, поговорим, — прощался со мной старик.

— Спасибо, бай, обязательно приеду. Рад в чужой стране встретиться со своими, — сказал я и повернул лошадь к дворцу.

Итак, я имел повод поехать в Калай-Фату. В самый штаб басмачей, где проживал сам экс-эмир бухарский. При нем триста басмачей, его адъютанты, генералы и бывшие губернаторы провинций, потерявшие все, благодаря большевикам. Я окажусь среди ярых врагов большевизма, в 18 километрах от города. Что я могу сделать, если они захотят меня уничтожить? Даже концов не найдут. Рискованная задача. Но я решил, другого выхода нет. Нужно срочно найти информаторов среди бухарцев. Нужно выполнить задание Москвы.

С утра я оседлал своего серого, туркменской породы, коня. Сунул в карман браунинг с парой запасных обойм и выехал из ворот посольства. Лошадь несла меня легкой рысью. Вон в стороне дворец Бабура, где помещается сейчас Германская миссия. У меня там много знакомых и друзей. Я часто бывал у них и не уставал любоваться обширным роскошным садом дворца. Дальше впереди виднеется дворец Чиили-Сютюн. На вышке дворца развевается красный флаг. Это

— личный флаг Эмира Афганского. Присутствие флага означает, что эмир находится здесь. А может-быть флаг висит для отвода глаз? Ведь у каждого правителя есть враги. Еще дальше пошли узкие полосы голых полей, с которых урожай уже снят. Наконец, вдали показалась деревушка, расположенная у замка Калаи-Фату. Я въехал в деревню и рысью направился к воротам дворца.

— Стой! — закричал часовой у ворот, хватая за узду лошадь. — Куда едешь? спросил он.

— Мне нужно повидать Али Мардан Бая, — ответил я.

— Что же ты едешь во дворец? Здесь живет Эмир-саиб. Сверни налево, в третьем дворе спроси Али Мардана, — уже спокойно указал мне дорогу часовой.

Я свернул налево и, доехав до третьих ворот, въехал во двор. Какой-то узбек вышел из дома и вопросительно смотрел на меня.

— Здесь живет Али Мардан бай? — спросил я.

— Да, — вежливо ответил он, — только сейчас его нет дома, он еще не вернулся из мечети.

— Так я его подожду, — сказал я, спрыгнув с лошади.

Выбежал мальчишка и, взяв лошадь, стал ее прогуливать. Я сел в тени навеса. Встретивший меня узбек вынес чаю и сел на корточках поодаль. Подошли еще несколько человек. Понемногу вокруг меня собралась толпа. Я пил чай, рассказывал им о жизни в Бухаре. О новой советской власти, которая помогает всем трудящимся. Об амнистии, дарованной всем желающим возвратиться на родину узбекам. Толпа вокруг меня, выросшая до пятидесяти чело-

век, слушала меня с напряженным вниманием. На лицах виднелось чувство тоски по родным местам.

Пришел с молитвы и Али Мардан. Он встретил меня, как старого знакомого.

— Вот, слава Аллаху, живой человек из самой Бухары, — сказал он, обращаясь к слушателям. Мой престиж в глазах публики еще более поднялся. И когда, посидев еще некоторое время, я собрался ехать обратно, несколько человек из группы бросились к моей лошади и помогли мне усесться. Я дал мальчишке, прогуливавшему лошадь, пару рупий и, попрощавшись, уехал. Я возвращался в город, довольный своей поездкой. Я чувствовал, что посеянные мною семена принялись хорошо, и радовался будущему урожаю.

— Саиб, — услышал я сдержанное обращение за собой, идя по крытому Сары-Пуль базару Кабула. Я обернулся и увидел двух бухарцев.

— Мы хотим с тобой поговорить. Не можешь ли ты пойти с нами в укромное место?

— Хорошо, — ответил я и свернул в узкий вонючий переулок.

— Мы вдвоем решили вернуться в Бухару и просим твоей помощи. Скажи послу, чтобы он разрешил нам ехать домой, — сказал один из бухарцев, убедившись, что мы одни.

— Хорошо, я передам вашу просьбу послу. Приходите на это же место послезавтра, и я вам передам ответ посла, — ответил я, записывая их имена.

Через день мы снова встретились.

— Посол не верит, что вы искренно желаете вернуться на родину и заниматься мирным трудом, — на-

чал я, — он боится, что вы опять будете заниматься басмачеством.

— Нет, саиб, мы уже пять лет, как покинули наши дома и семьи. За это время мы испытали все. Нам все время обещали, что мы сможем скоро вернуться домой. Нас заставляли работать, как ослов, и держали впроголодь. Теперь довольно. Мы видим, что все это были пустые обещания. И не только мы вдвоем, но и все наши люди хотят вернуться к своим семьям, но боятся наказания большевиков.

— Ладно, а чем вы докажете, что, действительно, искренне решились порвать с Эмиром? — спросил я.

— Чем хочешь, саиб, — ответили оба вместе.

— Хорошо, я вам предложу следующее: в течение трех месяцев вы будете жить здесь и информировать меня о том, что делается у Эмира. Кроме того, вы должны уговаривать и других вернуться на родину. Если вы честно исполните эти два условия, то я обещаю уговорить посла выдать вам паспорта. А чтобы вы могли здесь жить, я вам буду выдавать сто рупий в месяц на расходы, — предложил я.

— Мы сделаем все, что ты прикажешь, — без колебаний ответили они.

И я им выдал по десяти рублей авансу. Дальше уже дело пошло, как по маслу. Через месяц после первой встречи я отправил первую партию эмигрантов на родину и оставил в окружении Эмира Бухарского больше, чем нужно, информаторов для дальнейшей работы.

— Исак-хан, — обратился я к наиболее ловкому из своих информаторов-бухарцев, встретив его в горах на условном месте, — мне нужно получить именной спи-

сок всех эмигрантов-бухарцев в Кабуле. Сможешь-ли ты его достать?

Маленького роста, краснощекий, с хитрыми карими глазами Исак-хан подумал несколько минут и ответил:

— Конечно, можно, только это будет стоить денег.

— Ладно, я и так тебе плачу много. Достань этот список и я выдам тебе, кроме жалованья, сто рупий награды, — предложил я.

— Сделаю, саиб, и принесу через неделю, — сказал он и ушел быстрой деловой походкой.

Через неделю мы вновь встретились, на том же месте.

— На, возьми, — сказал Исак-хан, вынимая из-за пазухи большой сверток бумаги. — Тут имена всех бухарцев в Кабуле. — Я стал просматривать список и обратил внимание, что кроме имен и фамилий имелись и подробные биографии.

— Как ты достал это, Исак-хан? — спросил я, передавая ему мешок с рупиями.

— Саиб, мне долго пришлось работать. Я сказал всем своим, что хочу написать книгу по истории Бухары, в которую хочу включить имена всех моих славных сподвижников. Я сказал, что эту книгу напечатаю, и вся Бухара, весь мир будут читать эту книгу и прославлять героев, воевавших во славу ислама. И вот каждый приходил записать свое имя и давал подробные сведения о себе, чтобы его не спутали с другими однофамильцами, — рассказывал он, улыбаясь.

— Молодец, спасибо, скоро поедешь домой, будешь большим человеком, — ответил я.

— Саиб, — вдруг умоляюще начал Исак-хан, — ты знаешь, когда я приеду в Бухару, я хочу жениться.

Так вот я прошу тебя написать в Москву, чтобы государство выдало мне медаль.

— Зачем тебе медаль? — спросил я.

— Когда я буду иметь медаль, все девушки будут меня любить, и каждый бухарец согласится, чтобы я женился на его дочери. Пожалуйста, саиб, сделай это для меня, — просил он.

— Хорошо, вот кончишь работать, поедешь в Бухару, и мы дадим тебе большую медаль, — ответил я, смеясь в душе его наивности.

Исак-хан обрадовался. Он верит мне, ибо я всегда выполнял обещание. Он будет усердно работать, чтобы заслужить медаль у советской власти.

Я же обещал потому, что я должен был выполнить один из параграфов полученного из ГПУ письма. Впрочем, я выполнил свое обещание. Перед отъездом его в Бухару я ему подарил мой значек авиохима, очень красивый и смахивавший на медаль.

Я сидел на квартире у своего секретного агента Хасан-бея, служившего в афганском военном министерстве. Кроме меня и хозяина в комнате находился и главарь каратегинских басмачей Фузаил-Макеум. Он стоял в дальнем углу на коврике и молился. Человек, поражавший своей жестокостью даже жителей Востока, он сейчас смиренно, как дитя, стоял на коленях и молился своему Богу. Он также состоял у меня секретным агентом. Но, глядя на его молитвенную позу, я невольно про себя думал: а чорт знает, что у этого фанатика на душе.

Мы втроем ждали главу ферганских басмачей Курширмата. По агентурным сведениям, в период его борьбы против советской власти в Туркестане, он за-

ключил письменное соглашение с англичанами, в котором они обещали ему помочь оружием и деньгами в борьбе с большевиками. Получить такой документ нам в руки в 1925 году, после опубликования «письма Зиновьева», имело для нас колоссальное значение. Советское правительство смогло бы этим документом играть на общественном мнении Европы. Поэтому я имел инструкцию из ГПУ идти на все уступки, лишь бы заполучить документ.

Я, признаться, с любопытством и нетерпением хотел видеть Курширмата, прославившегося своей жестокостью на всю Среднюю Азию. Именуя себя Джаан-игром (покорителем мира) и считая себя потомком Чингис-Хана, Курширмат уничтожал все и всех на своем пути. За период его деятельности в Туркестане он и его шайки уничтожили до десяти тысяч мирных жителей.

Наконец, пришел Курширмат в сопровождении своего брата. Среднего роста, худощавый, с забинтованным черным бинтом одним глазом. Черная чалма, которую он носил на голове, еще более оттеняла желтизну его лица. Кивнув нам головой, он уселся в конце длинного стола.

Почва для переговоров между нами была уже подготовлена заранее Хасан-беем, и поэтому я сразу начал говорить о деле.

— Я говорю с вами, Шир-Ахмед, от имени советской власти. Мы предлагаем вам полную амнистию, при условии, что вы подробно расскажете о ваших сношениях с англичанами, распустите имеющих здесь ваших людей и объявите всем вашим сторонникам в Фергане, что прекращаете борьбу с нами и подчиняетесь советской власти, — перечислял я наши условия.

— Хоб, а что я буду делать, когда вернусь в Туркестан? — спросил он.

— Советское правительство вам назначит пенсию и, может-быть, предложит приличествующую вам должность, — ответил я.

Курширмат обдумывал мое предложение, поскольку можно было судить по одному глазу.

— Хорошо, я подумаю над вашим предложением, — наконец, ответил он.

— Правда-ли, что вы вели переговоры с англичанами и заключили с ними договор? — спросил я.

— Да, я имел с ними беседу, будучи в Пешаваре. Они мне многое обещали, а на самом деле ничего не помогли, — неохотно ответил он.

— Что же, вы имели с ними письменное соглашение, или как? — поставил я интересующий меня вопрос.

— Нет, у нас не было письменного соглашения. Я имел личную беседу с одним крупным английским чиновником, — ответил он.

Итак, значит, письменного документа нет. Мои сведения не подтвердились. Компрометирующего англичан документа опять не оказалось. А жаль! Какой был удобный случай доказать всему миру миролюбие советов и империалистические тенеденции против пролетарского государства. Но ведь не может быть! Где-нибудь и что-нибудь англичане готовят против советского Союза и, хотя они народ и хитрый, должны оставить хоть какие-нибудь следы. Нужно искать и искать хорошенько.

И я искал, долго искал. Целых шесть лет после этого случая я проникал в тайны английской политики. За это время было добыто много всяких секретных документов английской дипломатии, но увы! компро-

метирующих англичан документов мы нигде не находили.

Чем это объяснить? Хитрой работой англичан или честным выполнением взятых на себя обязательств?

А Курширмат? С минуты, когда мне стало ясно, что у него нет документов, я потерял к нему острый интерес. Он после переговоров стал таким же рядовым секретным агентом, как и многие другие.

ГЛАВА XII.

Как мы дружили с англичанами.

Я в гостях на квартире у одного из помощником министра в Афганистане. Большая комната, устланная коврами. На коврах лежат маленькие тюфяки и подушки. Мы сидели на этих тюфяках, поджав под себя ноги. Помощник министра, худощавый брюнет с светло-серыми глазами, какие можно встретить среди жителей горного Кафиристана. Он — большой приверженец эмира Амануллы и с его разрешения имел дружественные сношения с вождями индийских мусульман — Шовкет Али и Магомет Али. Он сам был в Индии, лично познакомился с этими вождями и был в восторге от них. Он хранил, как реликвию, фотографию, где был снят вместе с вождями индийского халифата, и с гордостью всякий раз показывал эту фотографию своим гостям.

Я приходил к министру иногда по вечерам в гости узнать новости из Индии, которые он получал, благодаря своим индийским связям. Он очень не любил англичан, и на этой почве мы были друзьями; в остальном, конечно, он ненавидел большевиков.

Сейчас, он как всегда у себя дома, сидел в белых

шароварах, прикрытых слегка пледом, и, попивая, из крошечной чашки чай, рассказывал о том, что он делал в министерстве. В комнате кроме меня сидело еще несколько человек афганцев. Это было его приверженцы и бедные родственники. Они хватали на лету каждое его слово и, умиленно улыбаясь, восхищались его мудростью. У двери, сидя на корточках, двое слуг разливали и разносили чай.

— Вазир Саиб, — продолжал я беседу, — теперь вы убедились, что англичане — ваши враги. В то время как Советское правительство прислало вам десять военных аэропланов с бомбами и летчиков на помощь Эмиру, в это время англичане дали убежище врагу Эмир-Саиба, Магомет Умар Хану.

— Мамед Умар Хан, этот слон, большой негодяй, но он глуп и нам не страшен. А англичане, конечно, всегда рады принести нам вред. Я это все время повторяю Эмир Саибу. С вами мы тоже не можем быть большими друзьями, но у нас один общий враг, и в этом пункте мы должны друг другу помогать, — ответил министр.

— Так-то так, но Афганистан всегда будет в опасности, пока вы не станете сильным государством. А история нас учит, что государство может быть сильным только тогда, если оно имеет выход к морю. Вот если бы Афганистан имел свой порт, хотя бы Карачи, тогда бы вы были сильны и самостоятельны, как и остальные державы мира, — агитировал я.

— Иншалла, будем иметь и порт. Ведь 70 миллионов наших братьев мусульман живет в Индии, — сказал он со вздохом.

— Саиб раис-кутвали (начальник полиции) идет, — доложил вошедший слуга и пропустил нового гостя.

— А, очень хорошо, добро пожаловать саиб, — обратился к начальнику полиции министр, приподнимаясь на одно колено.

— А это один мой друг из русского посольства, — представил он меня гостю.

Полицмейстер, короткий, полный мужчина средних лет, в военной форме, занял место на одном из тюфяков. Лицо его выражало заботливость, но он вежливо улыбался.

— Очень рад познакомиться с вами. Я много о вас слышал. Я очень люблю русских, которые являются нашими искренними друзьями, — обратился он ко мне.

Я молча поклонился, а про себя подумал, что вот этот «друг» подослал мне своего агента под видом слуги, держит двух агентов у ворот нашего посольства, которые, высунув языки, бегают за мной, стараясь выяснить мои связи. Наверно, от них-то он и слышал обо мне.

Разговор принял общий характер. Я молча слушал беседующих и изучал начальника полиции.

Министр начал говорить о немецких инженерах, приехавших работать в Афганистан.

— Все эти иностранцы ничего у нас не делают и получают огромное жалование, — жаловался он.

— Вы, кажется, большие друзья с немцами, — обратился ко мне начальник полиции с улыбкой, точно ему известен каждый мой шаг.

Меня взорвала его улыбка.

— Да, мы с немцами дружим, саиб, — ответил я, — кстати, я сегодня после обеда был у них в посольстве и провел там два часа. Я вам это говорю, потому что ваши люди не успели за моей лошадью и потеряли меня из виду, — с вежливой улыбкой добавил я.

— Какие люди? — спросил полицмейстер, покраснев.

— Вы ведь знаете, о каких людях я говорю, — ответил я, — но я повторяю, господин министр знает, что мы искренне относимся к Афганистану, и у нас нет никаких секретов от вас. Наша цель — это борьба с англичанами, и я надеюсь, — мы в этом также будем друзьями. А если вас будет интересовать какой-либо вопрос, я с удовольствием поделюсь с вами моими сведениями, — закончил я.

Начальник полиции переглянулся с министром, который на своем лице изобразил выражение: «вот каких друзей я имею!».

— Я очень рад, что вы готовы нам помочь «бороться с англичанами», — ответил он, и мы перешли на другую тему.

После получасовой беседы я, использовав момент, когда министр рассказывал о пользе одного из изданных им декретов, спросил начальника полиции:

— Скажите, г-н начальник, вы серьезно не любите англичан и хотели-бы бороться с их влиянием?

— Да, я и борюсь, но нам очень трудно, ибо англичане — народ богатый, а у нас очень маленький бюджет, — ответил он.

— Сколько вы получаете жалования? — задал я вопрос.

— Триста рупий в месяц.

— Так вот, если вы согласны тормозить работу англичан здесь, мы готовы помогать вам, выдавая ежемесячно пятьсот рупий на нужды полиции, — предложил я.

— А что мы должны делать? — спросил он.

— Ничего особенного. Вы, наверное, знаете, что

мы имеем об англичанах полную информацию. Я буду сообщать имена секретных агентов англичан, а вы их будете арестовывать. Таким образом вы пополните нашими деньгами вашу кассу и, наверное, получите чин за успешную работу. А взамен того вы также информируйте нас, что вам будет известно о наших общих врагах. Как видите, тут кроме пользы вашему правительству ничего нет, — убеждал я его.

— Хорошо, я согласен, — ответил он, пожимая мне руки. — Только все это должно остаться между нами.

— Будьте спокойны, — сказал я, поняв, что наша субсидия пойдет в его личный карман, и мы присоединились к общей беседе.

Я возвращался в посольство. Страшная темень и грязь. Хотя слуга, шедший впереди, освещал фонарем тропинку, я не обращал ни на что внимания и шлепал прямо по лужам грязи. А на душе было удовлетворение. Завербован сам начальник полиции. Нет сомнений, что через него в нашем распоряжении будет весь полицейский аппарат. После нескольких его рапортов мы крепко и навсегда приберем его к рукам.

В десять часов вечера я имел свидание с полковником афганской армии, который должен был мне передать ряд сведений о положении пограничных племен северо-западной границы Индии. Полковник был еще довольно молодым человеком со смуглым энергичным лицом. Высокого роста, стройный, он представлял хороший экземпляр племени Африди, к которому принадлежал. Он был очень осторожен и требовал встречи только поздно ночью и лично со мной, не доверяя моим помощникам. Он имел на окраине Кабула дом

с большим садом, задняя часть которого примыкала к рисовым полям, вечно залитым водой. Лишь по узкой тропинке можно было верхом подъехать к садовой калитке. Через сад я обыкновенно проходил на женскую половину дома, где мы могли спокойно, в безопасности, беседовать.

На этот раз я был болен и не мог ехать верхом. Я решил ехать на баги (бамбуковая коляска) и взять с собой дипломатического курьера, который бы остался с коляской, пока я буду занят с полковником.

Покружив немного по городу, на случай если за нами следили, мы свернули в сторону дворца Баги-Бала. Поминутно мы оглядывались, чтобы убедиться, что за нами нет слежки. Еще несколько минут езды, и мы очутились недалеко от дома полковника. Впереди чернела обсаженная деревьями аллея, ведущая к Баги-Бала.

— Товарищ Максимов, ты просежай медленно по этой аллее и возвращайся обратно, пока я приду. Далеко не отъезжай, — приказал я дипкурьеру, слезая с баги.

Подождав немного, пока огни фонарей коляски отдалились, я внимательно осмотрелся и, никого не заметив, свернул с дороги и пошел прямо по засыпанным полям к условной калитке. Все шло нормально. Полковник уже ждал меня у садовой калитки. Я пробыл у него минут двадцать и благополучно вернулся по тому же пути на дорогу. Но что такое? Коляски нет на условленном месте и нигде ее не видно. Неужели что-либо случилось с дипкурьером? После нескольких минут ожидания я уже решил было идти пешком, когда заметил вдали приближающиеся огни. Это была наша коляска.

— Почему так далеко уехал? — спросил я дипломатическую курьера, усевшись с ним рядом.

— Вот тут недалеко за деревом я заметил афганца, который наблюдал за нами. Я и решил отъехать, чтобы отвлечь его внимание от тебя, — ответил дипломатическую курьер.

— За каким деревом? — спросил я остановив лошадь.

— Вон смотри налево, виднеется его чалма, — кивнул он в сторону от дороги.

Я подъехал ближе, и, действительно, какой-то афганец сидел на корточках, притаившись за деревом.

— Что ты тут делаешь? — спросил я его по-афгански.

— Да вот увидел, что разъезжает поздно ночью баги, и смотрю, по делу или без дела, — ответил он, смутившись.

— Конечно, по делу, — сказал я, — кто же будет ночью кататься тут без дела? Да, скажи, пожалуйста, как нам проехать в английскую миссию? а то в темноте мы потеряли дорогу.

— Езжайте по этой дороге прямо, — ответил он.

— Спасибо, счастливой ночи, — поблагодарил я и пустил лошадь вскачь.

На следующий вечер я получил рапорт от начальника полиции, уже работавшего у меня под № 4:

«Вчера ночью около 11-ти часов, по дороге в Баги Бала разъезжали в коляске два английских агента и, видимо, кого-то поджидали. Заметив моего человека, они больше не стали дожидаться и вернулись в английское посольство. № 4.»

Однажды полпред Старк вызвал меня к себе. Войдя в гостиную, я нашел его в обществе молодого афганца, с умным решительным лицом.

— Спросите у него, товарищ Агабеков, что ему нужно от меня, — обратился ко мне Старк.

Я поздоровался с афганцем и перевел ему вопрос посла.

— Я — сын бывшего Шейх-ул-Ислама Афганистана, — представился он. — Моего отца хорошо должны знать полковник Рикс, нынешний секретарь посольства. Мой отец работал вместе с послом Раскольниковым. Сейчас отец послал меня к послу спросить, с кем из доверенных ему лиц он может говорить по одному важному вопросу.

Я перевел слова афганца Старку.

— Вероятно, какое-нибудь предложение. Я о старике кое-что слышал от Рикса. Не возьмете ли вы поговорить с ним и узнать, в чем дело? — предложил мне посл.

— С удовольствием, — ответил я и стал договариваться с афганцем о времени и месте встречи.

Маленькая жарко натопленная комната в доме Шейх-Уль-Ислама, куда привел меня младший сын. Сам старик, весь седой и высохший, сидел на ковре и перебирал четки. Рядом с ним сидел его старший сын — точная копия младшего. Такой же орлиный нос, те же зоркие глаза. Только лицо более возмужалое. В комнате находился еще друг из семьи Мовлеви Мансур из индийских эмигрантов. Его широкое, открытое, умное лицо окаймляла большая черная борода, которую он спокойно время от времени разглаживал. Младший сын приготавливал чай и прислуживал. Единственной мебелью в комнате был стол, на кото-

ром стояла лампа, освещавшая висевшую на стене карту Афганистана.

— Вы приехали сюда недавно и, наверное, пока не знаете ни меня, ни Афганистана с его историей, — начал старик. — Афганистан при покойном Эмире Хабибулле фактически находился в руках англичан, ибо Хабибулла продался им. Но, несмотря на это, вопреки воле Эмира, каждый афганец стремился к освобождению своей родины и к завоеванию независимости для своей страны. Я еще в 1913 году, будучи Шейх-Уль-Исламом, вел пропаганду за идею освобождения Афганистана и хотел обратиться за помощью к русскому царю. Мои люди ездили в Ташкент и говорили с тамошним генерал-губернатором. Но начавшаяся война объединила русских с англичанами, и нашей надеждой остались немцы.

— Простите, саиб, — все это очень интересно, но я более или менее знаком с историей Афганистана и поэтому просил бы вас говорить о вашем важном деле, — прервал я старика.

— Сейчас, сейчас, сын мой, не торопитесь. Так вот всю жизнь я боролся с английским влиянием в Афганистане. Всем это известно. Когда в Вазиристане началось восстание племен против англичан, меня вызвал находившийся здесь турецкий министр Джемал-Паша и предложил ехать к независимым племенам и помогать повстанцам. Он обещал мне от имени советского посла Раскольникова и своего послать оружие и деньги для восставших. Я согласился. Я, взяв с собой моих двух сыновей, поехал в Ягистан и восемнадцать месяцев поддерживал восстание своим руководством и авторитетом. Однако, Джемал-Паша

не сдержал обещания. Он прислал немного денег, но оружие не пришло.

— Давайте перейдем к нынешним вопросам, — еще раз перебил я его, видя, что он собирается рассказывать всю ночь.

— Да, скоро уже год, как началось восстание хостинцев против Афганистана, — продолжал старик, — я уверен, что это восстание поддерживается английскими деньгами и оружием. Я считаю большевиков друзьями Афганистана и предлагаю вам следующий план. Я могу поехать в племена, где меня хорошо знают и уважают, и я ручаюсь, что я сумею направить восставшие племена против их настоящих врагов — англичан. Таким образом можно спасти Афганистан от междоусобной войны и одновременно разрушить все приготовления и планы англичан на границе Индии, — закончил торжественно Шейх-Уль-Ислам.

Я размышлял над планом старика. Его влияние в племенах не подлежало сомнению. О его прошлой деятельности многое рассказал секретарь посольства Рикс. Предлагаемая им война на индо-афганской границе была выгодна нам, как и всякая война, обострявшая отношения между афганцами и англичанами. Уже благодаря нынешнему восстанию, мы сумели внедрить наш воздушный флот в Кабуле, у самых ворот Индии. А чем дальше будет продолжаться война, тем больше выгоды нам.

— Хорошо, саиб, — ответил я, — вопрос этот очень серьезный, я доложу послу. А чем мы можем вам помочь в этом деле?

— Мне лично ничего не нужно, — ответил он, — для выполнения же плана потребуется 100 000 рублей денег и 5 000 винтовок с патронами. Тогда можно

спокойно воевать целый год, — закончил старик уверенно.

— Ладно, я доложу послу о вашем предложении, — сказал я и, попрощавшись, ушел.

— Что-же, дело не плохое, — выслушав мой рассказ о предложении Шейха, ответил Старк, — напишите в Москву своим, а я также черкну Карахану. Может-быть, найдут на это дело средства.

В ту же ночь я составил доклад в Москву о предложении Шейх-Уль-Ислама и через два месяца получил из ГПУ следующий ответ.

«На § 3 вашего письма № 5 сообщаем, что в высших инстанциях после обсуждения в принципе согласились с Вашим предложением. Единственным препятствием служит вопрос о переброске оружия, что может расшифровать нашу активность и невыгодно отразиться на наших дипломатических отношениях как с Англией, так и с Афганистаном. Поэтому, чтобы обойти этот вопрос, мы рекомендуем, на основании Ваших предыдущих информации, попытаться купить оружие через директора Немецко-Афганской Компании Ибнера. В случае успешного разрешения вопроса об оружии, телеграфируйте.»

Ответ Москвы мне уже не пришлось передать Шейху. Он лежал больной. Спустя несколько дней после получения директив я, направляясь в город, заметил большую процессию, впереди которой несколько человек несли на плечах катафалк. Это была похоронная процессия. Стоявший по-близости афганец, которого я спросил, кого хоронят, ответил: «Умер старый Шейх-Уль-Ислам».

После месячного траура сыновья Шейх-Уль-Ислама опять встретились со мной. Без отца они не могли провести больших планов. Не хватало нужного авторитета. Я предложил им более скромные задачи. Они согласились быть секретными информаторами. Два брата и друг их семьи Момлеви Мансур взялись за работу по сбору сведений в районе от Желелабада до Газни. Работали они добросовестно вплоть до начала 1930 года. Работают-ли они и сейчас? Кто знает?

ГЛАВА XIII.

«Коммунистки» Ася и Нина.

Новый состав посольства во главе с послом Старком направлялся в Кабул. Уже десять дней, как группа сотрудников, человек двадцать верхами, пробиралась по горным тропам Афганистана. В составе группы несколько женщин, среди них доминирующую роль играли жена полпреда Ася и его личная машинистка Нина Буланова. С большим носом, кривыми ногами, Ася, однако, претендовала на звание «мисс Афганистан» и, нисколько не стесняясь присутствием Старка, заигрывала то с военным аташэ Ринком, то с сотрудником Марховым, ехавшим в Кабул без жен. Буланова девица — по паспорту — лет 23-х, с лошадиными зубами, с первого же дня пути при каждом удобном и неудобном случае старалась подчеркнуть, что она не обыкновенная машинистка, а фактически вторая жена полпреда. Во флирте она также не отставала от первой жены Старка.

Мархов, еще молодой студент Восточного института, а одновременно секретный агент ГПУ, ухаживал поочередно за обеими женами, явно отдавая предпочтение более молодой Булановой. За десять дней пу-

ти мы с Марховым настолько сдружились, что он откровенно делился со мною своими впечатлениями.

— Слушай, Гриша, — обратился он как-то в пути ко мне, — обе девочки отбивают меня друг у друга, не знаю, на ком из них остановиться. Да и боюсь — Старк приревнует.

— По-моему, возьми за полпредшу. Это будет для нас выгодно и с деловой стороны. Она может быть полезна, да и Старк не будет ревновать, — посоветовал я.

— А не лучше ли Буланова? По крайней мере будем иметь свою машинистку, — возразил Мархов.

— Делай, как знаешь. В конце концов это — мое дело, — ответил я.

— Вы — типичный армянин, товарищ Агабеков. Вы, вероятно, ревнивы, как все армяне, и, наверное, будете держать вашу жену под замком, — обратилась ко мне жена полпреда, с которой я ехал рядом.

— Я — коммунист и смотрю на женщину, как на товарища, но жена, кроме того, по-моему, является интимно-близким товарищем, каковых особенно много иметь неприятно, просто хотя бы из гигиенических соображений, — ответил я.

— Да, сразу видно, что вы не жили на Западе, и хотя вы и коммунист, но отсталый. По-моему, я могу быть предана идее, партии, но быть преданной чему-нибудь физическому: кушанию, платью, мужчине, — я просто не понимаю, — сказала она, выразив на лице гримасу.

— Да, я на Западе не жил и, признаться, вашей теории тоже не понимаю, — ответил я.

Двухлетнее пребывание в Афганистане показало,

что эти две женщины, снабженные партийными билетами коммунистической партии и пользовавшиеся покровительством полпреда Старка, знали только два чувства: любить или ненавидеть. Все их действия диктовались их животными чувствами. Своими любовными похождениями они восстановили всех против всех. Их муж Старк ненавидел тех, кого они любили, и тех, кого они ненавидели. Вся жизнь и работа посольства превратилась в сплошную цепь интриг и любовных пождений.

— Слушай, Агабеков, сейчас Старк передал мне для перевода копию договора между афганским правительством и немецким летчиком Вейсом. Он просил никому, в особенности тебе, не показывать договора, но если нужно, то я сниму лишнюю копию для тебя, — сказал прибежавший ко мне Мархов.

— Нужно знать содержание договора, тогда можно судить о надобности. Пойдем, прочтем сперва, чтобы тебе не трудиться зря, — предложил я, и мы направились в комнату Мархова.

Просмотрев документ, я повернулся к Мархову и увидел, что он смотрел испуганными глазами в окно.

— Что с тобой? — спросил я.

— Старк идет ко мне, — прошептал он, — если он застанет тебя здесь, он сразу догадается, что я показал тебе договор. Будь добр, спрячься у меня в спальне, пока я его выпровожу, — попросил он.

Я перешел в соседнюю комнату, заведенную портьерой.

— Ну, как, перевели уже договор? — услышал я голос вошедшего Старка.

— Нет еще, — ответил Мархов.

— Нужно поторопиться, а то у меня еще несколько договоров в резерве для перевода. Хе, хе, хе! Да, брат, как видите, мой аппарат работает лучше, чем ГПУ. Ну, да и понятно: ведь, Агабеков только тем и занят, что подслушивает под моими окнами. Что? не верите? Ася Никитична передала мне, что она не раз заставляла его за этим занятием, — говорил, хихикая, Старк. Мархов молчал.

— Ну я не буду вам мешать работать. Как только переведете, несите ко мне, и я вам передам следующее, — сказал Старк и вышел из комнаты.

Я вышел из своей засады. Мархов смотрел на меня и улыбался.

— Слышал, как тебя рекламирует Ася?

— Да, слышал. Поживем, увидим, чья возьмет, — пробурчал я. Но я знал, что я с ней ничего не смогу сделать, пока она жена полпреда. Наоборот, по инструкции я был обязан ее охранять.

Будучи заведующим бюро печати, Мархов одновременно являлся техническим помощником Старка по делам Коминтерна, представителем которого являлся сам полпред Старк. Вместе с тем, будучи секретным сотрудником ГПУ, Мархов всегда ставил меня в известность о делах Коминтерна и руководствовался моими директивами. Так что фактически работа Коминтерна, как и все остальные отрасли работы полпредства, находилась под негласным контролем ГПУ.

Однажды утром ко мне пришел Мархов и сообщил, что прошлой ночью он был на свидании с представителями военно-революционной организации сикхов в Индии, которые ему передали план крепости Равальпинди.

— На, посмотри, может-быть, пригодится для ГПУ. Я еще Старку не показывал, — сказал он, передавая мне план крепости.

— Нет, не думаю, чтобы он нам был нужен. План для чисто-военных целей, и было бы хорошо передать его военному атташэ, — сказал я, рассматривая план.

Мархов не возражал, и, так как в это время под окнами проходил военный атташэ Ринк, мы его пригласили к себе. Это был выше среднего роста, широкоплечий мужчина, лет под 40, с розовым, вечно улыбающимся лицом. Несмотря на штатский костюм, каждое движение указывало, что он — военный. Штабс-капитан старой армии, он имел два ордена «красного знамени», полученные за бои под Перекопом, где Ринк командовал ударно-огневой дивизией. Несмотря на его беспартийность, он пользовался доверием Москвы.

— Здравствуйте, молодые генералы. Что это вы собрались тут и секретничаете? На чью невинность опять покушаетесь? — обратился он к нам, как всегда, улыбаясь.

— Ну, это уже по вашей части, — ответил я ему в тон, намекая на его связь с Булановой, благодаря которой Старк был его врагом. — А вот Мархов достал этот план, и прежде, чем передать Старку, мы решили показать вам.

Ринк просмотрел план и признал его подробным и хорошо выполненным.

— Откуда вы его достали? — спросил он.

— Это уж наше дело. Ведь мы с тебя за него денег не просим. Важно, что план из английских источников. Если вам нужно, можете снять копию, — ответил Мархов, имевший также зуб на Ринка из-за той же Булановой.

Ринк, взяв план, поспешно направился к себе снимать копию. Через полчаса план опять был у Мархова.

К вечеру мы с Марховым, сидя за чаем, обсуждали наши дальнейшие планы работы, когда вошедший слуга доложил, что Старк просит к себе Мархова. Он вышел и минут через десять возвратился с расстроенным лицом и с злополучным планом в руках.

— Скандал! Старк каким-то образом узнал, что я дал Ринку снять копию с плана. Когда я вошел к нему, он бросил мне план и говорит: мне ненужны документы, которые уже побывали в чьих-то руках. Не для этого Коминтерн тратит 1000 фунтов в месяц, чтобы иметь материалы из вторых рук, — рассказывал удрученным тоном Мархов.

Кто-же мог передать Старку? Ведь об этом знали только мы вдвоем. Мы решили пригласить Ринка и узнать, в чем дело. На этот раз военный атташэ зашел с красным, смущенным лицом. Вместе с ним пришел казначей посольства Данилов, заведывавший одновременно лабораторией.

— Да я же ни при чем. Старк после обеда вызвал меня и попросил сфотографировать документ. — Только скорей, — торопил он меня, — а то документ нужно возвратить. — Когда я взглянул на документы, то увидел, что это тот самый план, что я снимал утром для Ринка. Ну, я и сказал Старку, что зачем портить материал, когда у нас уже есть негатив. Старк завопил: как? откуда у вас негатив? Я ответил, что я утром уже заснял этот план для Ринка. Старк больше не хотел меня слушать и прогнал с аппаратом, — рассказывал, хитро улыбаясь, Данилов.

— А меня Старк недавно встретил во дворе и гро-

зил, что он напишет в Разведупр Берзину, что я сам ничего не делаю, а лишь пользуюсь чужим материалом, — сказал Ринк. — Чорт с ним, пусть пишет! Это он мне хочет отомстить за Буланову, — добавил он, и опять улыбка появилась на его жизнерадостном лице.

Таковы были отношения между представителями четырех основных учреждений: Наркоминдела, ГПУ, Коминтерна и Разведупра, создавшиеся, благодаря личной жене и «личной машинистке» Старка.

— Вот что я хотел вам сказать, товарищ Агабеков. Все шифрованные телеграммы, посылаемые вами, поскольку я их визирую, фактически ложатся на мою ответственность. Поэтому я требую, чтобы вы меня знакомили и с текстами этих телеграмм, — предложил мне Старк в одной из бесед.

— Простите меня, но шифр ГПУ выдан исключительно под мою ответственность, и я не имею права показывать тексты никому, даже и вам, — возразил

— В таком случае я отказываюсь визирировать ваши телеграммы, — лаконически отрезал Старк.

— Хорошо, не будем ссориться. Я запрошу по этому вопросу Москву, а до получения ответа я буду знакомить вас с текстами, — согласился я после некоторого раздумья.

— Ну, вот и хорошо, — ответил Старк, довольный своей победой.

В очередном письме в ГПУ я писал:

«Ввиду дальности расстояния и редкой курьерской связи, мне приходится по всем мало-мальски важным и срочным вопросам посылать вам телеграммы. Между тем недавно полпред предложил мне знакомить его с текстами шифров, отказываясь в противном случае их

визировать. В случае исполнения его требования мы фактически поставили бы всю нашу работу под контроль полпреда. Впредь до получения указаний, чтобы не испортить и без того неважные отношения с полпредом, я для видимости соглаеился с его условиями и показываю ему специально составленные тексты, не соответствующие посылаемым вам. Жду ваших срочных указаний по этому вопросу.»

На это письмо я мог получить ответ не раньше 2—3 месяцев, а за это время я был вынужден каждый раз составлять фальшивые тексты телеграмм для Старка, чтобы удовлетворить его самолюбие. Наконец, спустя два месяца пришел ответ из Москвы. НАЧИНО Трилиссер писал мне:

«Конечно, полпред не имеет права предъявлять вам таких требований. Взятую вами линию не давать повода к столкновениям считаем правильной, тем более что конфликт у вас несомненно создаст конфликт между вами и Нкид здесь. Продолжайте вашу линию, поскольку это возможно.»

Таким образом Москва определенно указала права резидента ГПУ и готова была пойти на конфликт с НКВД. Я почувствовал под ногами почву, решил при удобном случае дать бой Старку.

Случай представился скоро. Я получил от известного басмача предложение «ликвидировать» Эмира Бухарского. В ту же ночь я заготовил по этому поводу шифрованную телеграмму и на утро понес ее на визу Старку.

— А где же текст телеграммы? — спросил Старк.

— Товарищ Старк, с сегодняшнего дня я больше не могу давать вам текстов моих телеграмм, — ответил я.

— Интересно, что вы до сих пор могли, а теперь не можете, — иронически спросил меня Старк.

— А потому, что мне надоело составлять для вас фальшивые тексты, — выпалил я.

Наступило гробовое молчание. И без того красное лицо полпреда побагровело окончательно. Пальцы его сжимались в кулаки. У него был вид, точно он хотел броситься на меня с кулаками. Но я спокойно стоял, держа руки в карманах. Старк знал, что я всегда хожу с оружием.

— Как, значит, четыре месяца вы обманывали меня самым наглым образом, — наконец заорал он.

— Да, признаюсь, обманывал. Но вы сами заставили меня прибегнуть к этому. Вы отлично знаете, что я не имел права показывать доверенный мне шифр. Я лишь выполнил свой долг. А теперь прошу подписать эту телеграмму, — закончил я, протягивая ему бумагу.

— Я не хочу иметь с вами никаких дел, — закричал Старк и, повернувшись, ушел.

— В таком случае я буду вынужден посылать телеграммы по индо-европейскому телеграфу за счет Наркоминдела, — сказал я ему вдогонку и вышел.

Часа через два ко мне пришел личный секретарь полпреда Фридгут и передал мне, что отныне Старк предложил все бумаги на подпись передавать через Фридгута, ибо он не желает лично встречаться со мной.

— Какой скандал! — рассказывал мне Фридгут, — Старк влетел в столовую красный, как рак, и ругал тебя, на чем свет стоит. Жены бросились его успокаивать и все твердили: мы же говорили, что Агабеков пишет какую-нибудь гадость про нас в Москву, поэтому и не хочет показать тебе.

И тут не обошлось без участия жен Старка.

Старк откомандировал в Москву Мархова. За ним уехал и Ринк. Теперь пришел ко мне прощаться и личный секретарь Старка Фридгут. Лицо у него возбужденное и вместе с тем печальное. Он должен завтра выехать в Москву. Его командировка для всех неожиданна.

— Слушайте, Агабеков, я не люблю быть откровенным, в особенности с чекистами, которые всегда любят на этом деле заработать, но с вами другое дело. Я хочу вам рассказать все. Я хочу отомстить Старку за его подлое отношение ко мне. Я работал с ним в течение четырех лет в Ревеле и здес. Я исполнял все его приказания. Участвовал во всех его подлых интригах. И за все это он мне предложил немедленно убраться из Кабула. За что, спрашивается? А за то, что я посмел влюбиться в Буланову. За то, что я сказал Старку, что мы любим друг друга и хотим жениться. За это он меня отправляет в СССР. Ладно, я уеду, — продолжал Фридгут, — но перед отъездом я расскажу Вам о всех его гнусностях. Для вас, конечно, не секрет, что Старк живет одновременно с двумя женами. Это они шпиговали Старка против вас. Они хотят во что бы то ни стало выжить вас отсюда, ибо они думают, что вы знаете о всех их любовных интригах и сообщаете об этом в Москву. Мархова Старк тоже откомандировал по просьбе Аси, которая обиделась, что Мархов пренебрег ею. Она доказала Старку, что он ваш друг. Признаться, и я во многом им помогал. Военный атташэ Ринк также уехал из-за Булановой. Старк, заметив его ухаживания за нею, бомбардировал письмами Москву, чтобы сняли Ринка. И так

на все и на всех Старк смотрит через призму личных отношений. И из-за личных отношений к Булановой он теперь высылает меня. Хотите, я изложу для Вас все это в письменном виде, — предложил Фридгут.

Я ему ответил, что в Кабуле все это ни к чему, и пусть он лучше сообщит о всех безобразиях в Наркоминдел.

— Что вы смеетесь надо мной! Ведь Замнаркома Литвинов — большой приятель Старка и одного поля ягода. Он после такого заявления выгонит меня со службы и из партии, — ответил Фридгут. — Я лучше подам заявление в ГПУ.

Я ему дал адреса в ГПУ, и Фридгут на следующий день уехал. По приезде в Москву он побывал в ГПУ и подал жалобу на незаконные действия Старка в ЦКК, где после короткого расследования дело замяли. Рука руку моет. Ведь Старк тоже был членом коммунистической партии с 1905 года. Старк продолжал царствовать в Кабуле вместе со своими женами.

Всего, что наделали эти две женщины, — не рассказать. Из-за них и по их желанию из Кабула было выслано 32 сотрудника. Отправив многих, они сами также кончили плохо. Девица Буланова вдруг оказалась беременной от неизвестного отца и, чтобы не скомпрометировать посла (хотя тут-то он как раз был ни при чем), вынуждена была выехать в Москву, где и родила ребенка.

Относительно же жены полпреда Аси я в 1928 году, уже будучи начальником восточного сектора ГПУ в Москве, получил от резидента ГПУ в Кабуле Шмидта следующее донесение:

«Вчера второй секретарь посольства Великовский, зайдя в спальню полпреда, нашел жену полпреда, Асю

Никитычну Старк, лежащей мертвой на полу. Она покончила самоубийством выстрелом в висок. Реvolver браунинг лежал тут же рядом. По сведениям, утром в день смерти, Ася имела бурное объяснение с летчиком . . . , с которым она находилась в интимной связи, так как последний стал интересоваться женой шифровальщика посольства Матвеева. Чтобы не создавать дипломатического скандала, было решено срочно убрать труп и официально объявить, что жена посла умерла от разрыва сердца. Несмотря на принятые меры при уборке трупа, по сведениям нашей агентуры, Афганское правительство и местные дипломатические круги осведомлены о действительной причине смерти.»

Так кончили свою карьеру две жены-советницы советского посла Старка.

Сам же Старк, как старый большевик, считал недостойным для себя, как коммуниста, горевать по застрелившейся жене. В то время, как труп ее везли в Москву, он уже нашел новую подругу, жену своего шифровальщика, с которой поселился в летней резиденции посольства в Пагмане и проводили новый «медовый месяц».

ГЛАВА XIV.

Чекист . . . на страже нравственности

Осенью 1926 года я был назначен резидентом ГПУ в Персии. Не успел я приехать в Тегеран и принять дела у своего предшественника Казаса, как получилась из Москвы следующая телеграмма:

«Николаю. Немедленно выезжайте Мешед, где неблагополучно нашим резидентом. Урегулировав положение, телеграфируйте. Трилиссер.»

Мы сидели с Казасом и обсуждали полученную телеграмму.

— Чорт знает, что там происходит. С первого же дня приезда наш резидент Браун начал склоку с генконсулом Кржеминским, — рассказывал Казас, забравшись с ногами на кожаный диван. — Кржеминского я знаю из Турции, это — тип старого интеллигента. Он вечно волочится за женщинами, несмотря на свои 50 лет, но особой любви к склокам не проявлял, — продолжал Казас.

Я лично не знал ни Брауна, ни Кржеминского. Правда, Брауна я как-то видел при следующих обстоятельствах: будучи в Асхабаде, я сидел за столиком ресторана, в Городском саду, и заметил проходившего

мужчину, с черной бородкой, в круглых роговых очках, одетого в белый полотнянный костюм и с колониальным шлемом на голове. Он медленно прогуливался по аллее, пристально разглядывая гуляющих. Помню, что я тогда же подумал, что это шпик, но не мог определить, наш он или чужой, и решил на всякий случай справиться в местном отделе ГПУ. Когда я, встретившись с ПредГПУ Каруцким, описал ему встреченного мною типа, он засмеялся и сказал, что это Браун, едущий новым резидентом в Мешед.

Оставив Казаса в Тегеране, я рано утром следующего дня взял машину в советском транспортном учреждении «Автоиран» и выехал на Мешед. Отвратительная, пыльная, с ухабами дорога, сентябрьский зной и тряска порожнего шестиместного автомобиля быстро утомили шофера и меня. Однако, мы поочередно менялись у руля, ехали без остановки и к вечеру приехали в Семнан, сделав около 350 километров. Этот маленький оазис, расположенный на краю пустыни Центральной Персии и отделенный горной цепью от Каспийского моря, представлял для нас громадный интерес. В районе Семиана должна была находиться нефть. Советское правительство, несмотря на крайнюю нужду в валюте, все-таки выделило до пяти миллионов долларов на получение концессии в этом районе. Однако, свыше года шли изыскательные работы, а нефти все не было. Дальнейшие работы требовали все новых средств, а между тем шли разговоры, что тут вообще нет нефти. Поступали и иные сведения: что прибывшие для работы советские инженеры, подкупленные англичанами, нарочно ищут нефть не там, где она есть.

Я решил, несмотря на усталость, пообедав, поехать

на место работ. Обедая в местном ресторане, я спросился у содержателя о месте работ и узнал, что это в 10-12 верстах от Семиана и что в данное время, по распоряжению персидских властей, работы приостановлены. Пришлось отказаться от своего намерения и лечь спать.

Уже четвертый день я в пути. Я проехал Дамган, Шахруд и подъезжал к Сабзевару. По дороге я тщательно избегал встречи с советскими служащими местных контор по заготовке хлопка, продажа сахара, нефти и т. д. Я не хотел, чтобы в Мешед были преду-преждены о моем приезде, поэтому я на ночь останавливался у персидских ресторанов и, пользуясь теплой погодой, спал в машине.

Перед выездом из Сабзевара ко мне обратился с просьбой довести до Мешед довольно интеллигентного вида перс. Я согласился, и мы вместе выехали из города. На мое счастье сам шах незадолго до меня совершил путешествие в Мешед, и по случаю его проезда дорога была несколько отремонтирована. Мы ехали по ровной дороге со скоростью 40 километров в час. Мой спутник вынул из кармана абу (персидский плащ), флакон с коньяком и, отпив немного, предложил мне. Хлебнув ещё раз после моего отказа, он спросил меня, в каком учреждении я работаю.

— В Торгпредстве, — ответил я, ибо официально я числился инспектором торгпредства.

— Вы, наверное, очень богатый человек? — сказал он мне.

— Почему вы так думаете? — спросил я.

— Потому что вы едете один в собственной большой машине и служите в Торгпредстве Тегерана. Если здесь в провинции ваши служащие зарабатывают боль-

шие деньги, то вы в центре, наверное, имеете еще больше, — ответил перс.

— Да, у нас платят хорошее жалованье, — сказал я.

— Какое там жалованье! Да разрешили бы мне заготавливать хлопок или шерсть для советской власти, так я бы сам платил жалованье государству. Кто же из ваших служащих живет на жалованье? А, впрочем, вы сами хорошо знаете персидские порядки, — сказал он, сделав новый глоток коньяку.

Я заинтересовался и стал расспрашивать его о местных торговых делах.

— Я знаю, кто чем занимается, начиная с Сабзе-вара до Мешед. Вот хотя бы купец Алиев. Он продал хлопковому комитету голые стены под видом завода за 40 000 туман. А как все дело было устроено? Заместитель председателя Хлопкама получил 10 000 туман взятки, а остальные 30 000 Алиеву. А шерсть? Знаете, как заготавливают шерсть? Эксперт по шерсти у большевиков, Александров, одновременно состоит в компании с поставщиком шерсти Комаровым. Ну, конечно, Комарову платят высшие цены, а шерсть сдастся какая угодно. Ведь приемщик Александров там заинтересован. Он в прошлом году заработал 60 000 туман. Теперь о сахаре и нефти, — продолжал мой спутник, — тут уже система монополии. Эти синдикаты продают свои товары только двум купцам в Мешед, а те уже устанавливают на рынке цены, какие хотят. А за предоставленную им монополию представители синдиката получают свои проценты. А, кроме того, зарабатывают на таре, на утечке, подмочке... Это же тысячи и тысячи, а вы говорите о жалованьи. Кто из них смотрит на жалованье? Да, вот на какой

работе можно стать богачем, — мечтательно закончил он.

Мой спутник переменял тему разговора. Рассказывая о себе, сообщил, что он — большой неудачник в жизни. Занялся торговлей и прогорел. Поступил чиновником на почту, но, к несчастью, повстанцы напали на почтовую станцию и разграбили ее. Он поступил учителем в школу, которая закрылась за отсутствием средств. Теперь он ехал в Мешед в надежде подыскать подходящее занятие.

Мы проезжали Нишабур. На несколько минут задержали машину у могилы персидского поэта Омар Хаяма, который в своих четверостишиях так прекрасно воспевал вино... Вся могила была обвита виноградными лозами. Мой спутник оказался большим почитателем и знатоком Омар Хаяма и почти всю дорогу декламировал его стихи.

Наконец, машина взяла последнюю высоту перед Мешедом. Вдали в долине показался город, над которым возвышались бирюзовые с золотом купола мечети святого Имама Ризы.

— Вот одна из главнейших святынь мусульман-шиитов, — начал объяснять мой спутник, указывая на мечеть, — ежегодно из разных концов Персии и Афганистана стекаются на могилу Имама Ризы сотни тысяч верующих. Существует институт вербовщиков и проводников паломников, которые ведут целые деревни пешком в Мешед к могиле святого. И знаете, как они рекламируют себя, — рассказывал он смеясь. — Правoverные мусульмане! следуйте в паломничество только за мной. Я пользуюсь покровительством святого Имама, дающего жизнь. В прошлом году я вел десяток караванов, и из каждых ста паломников

погибло только сорок. Остальных 60 я благополучно привел обратно к их домам. Следуйте только за мной! Это лучшая рекомендация для проводника вернуть 60 из 100 паломников живыми. Обычно погибают от голода и усталости больше половины.

— А зачем же, будучи голодными и бедными, они отправляются в далекое путешествие? — спросил я.

— Наоборот, паломники выезжают из своих деревень с накопленными годами деньгами и провиантом. Но припасов хватает лишь до Мешеда, а деньги быстро переходят в карманы служителей мечети. И вот верующие, без денег и без пищи, должны 15—20 дней идти пешком до своего местечка. В пути от слабости они мрут, как мухи. В то время как муллы при святом ежегодно зарабатывают до миллиона туман от этих несчастных, — рассказывал со злобой мой перс. — И странный — этот святой. Он не пьет, не ест и в карты не играет, и, несмотря на это, миллиона туманов ему не хватает. Мечеть вечно находится в долгах. А почему? Потому что могилу святого обслуживают 3000 бездельников, получающих огромные оклады и еще больше верующих.

— А вы слышали, что Риза Шаха называют неверующим-бехаистом? — продолжал он немного спустя. — А знаете почему? Потому что он решил положить предел этому безобразному грабежу. Недавно он был в Мешеде и приказал уволить 2000 человек, обслуживающих мечеть, чтобы сократить расходы. Вот эти уволенные, лишенные благ, и распространяют слух, что Риза Шах—бехаист.

Мы уже спустились в долину. Машина мчалась по прекрасной шоссейной дороге, проложенной англичанами во времена их пребывания в Средней Азии.

— Если будете осматривать мечеть, то обратите внимание, что два купола построены недавно. Старые купола были разрушены русскими войсками, бывшими до революции хозяевами Хорасана. Два перса, совершившие преступление против русских властей, скрылись в мечети Имама Ризы и сели в «бест». Командовавший русскими войсками полковник потребовал у персидских властей их выдачи, но последние не могли исполнить требования полковника, ибо по шариату всякий, находящийся в мечети, считается неприкосновенным. Полковник, взбешенный отказом, приказал артиллерии открыть огонь по мечети и разрушил два купола. Вслед за этим в мечеть ворвались казаки, захватили преступников и заодно разграбили большинство драгоценностей мечети. После революции в России народ стал говорить, что это Бог наказал русских за то, что они осквернили святую мечеть Имама Ризы.

Мы подъехали к советскому консульству, расположенному вне городских стен. Я поблагодарил своего словоохотливого компаньона и, пообещав вновь встретиться, свернул машину в консульство.

Генеральный консул Кржеминский угощал меня чаем в своем кабинете. Это среднего роста 45-тилетний мужчина, с преждевременно постаревшим лицом, начисто бритым, что еще более выделяло морщины. Его темносерые глаза и все его манеры говорили о его мягкости и культурности. Он говорил приятным, убедительным голосом с легким польским акцентом. В то время, как я пил чай, Кржеминский с пустой чашкой в руках взволнованно ходил по комнате.

— Ведь поймите, товарищ Агабеков, ну, чорт с ним, что он с каждой почтой пишет про меня всякие

гадости в Москву и Асхабад, но ведь помимо этого он мне просто жить не дает здесь. Этот ваш Браун лично ходит за мной по пятам. Он допрашивает консульских слуг, наконец, он ловит всех моих посетителей и допытывает, о чем я с ними беседовал. Ведь это же компрометирует и меня, и всю мою работу, — чуть не со слезами рассказывал консул. — А когда я прошу его прекратить эти безобразия, он становится в позу и, не стесняясь ничьими присутствием, говорит: «Я — Браун, член партии с 1903 года и резидент ГПУ в Мешед, так что я имею право и обязан контролировать действия всех советских граждан за границей, в том числе и консула». Ну, что вы поделаете с таким человеком? — обратился ко мне Кржеминский.

Я ничего не ответил, решив предварительно выслушать и другую сторону.

Кржеминский, не дождавшись ответа, вновь зашагал по комнате и продолжая приводить факты его отношений с Брауном, один ужаснее другого. Видно, что человека довели до крайнего предела, и дальше терпеть он не имел сил.

— Вот что, Казимир Александрович, — сказал я, вставая, — я сейчас иду к Брауну, и, если подтвердится хоть десятая доля того, что вы рассказали, то я его отправлю в Москву немедленно.

— Тов. Браун, давайте познакомимся, — обратился я к резиденту ГПУ, входя к нему в квартиру. — Я — Агабеков, вы, вероятно, слышали обо мне.

— Да, я получил из Москвы телеграмму, что вы приедете сюда и уполномочены инспектировать мою резидентуру. Зайдите в эту комнату, здесь я работаю, — пригласил он меня.

Я вошел и сел у письменного стола. В углу выделялся большой, прочный нескораемый шкаф и рядом столик с двумя калильными лампами. Браун сел напротив меня. Это был худощавый брюнет с черной же бородкой. Глаза были спрятаны за толстыми стеклами черепаховых очков.

— Ну, как у вас идет работа? Как с источником «Почта»? Ведь это, кажется, наиважнейший источник вашего района? — спросил я.

— Да, все в порядке. Английская почта поступает аккуратно. Работы хватает. Приходится работать целые ночи. Вот смотрите, — показывает Браун на бумажку с цифрами на столе, — за прошлый месяц поступило 256 пакетов. И так каждый месяц. Электричества в консульстве нет, приходится работать при калильных фонарях или освещать магнием. А это отнимает значительное время, — рассказывал Браун.

— А почему бы вам не договориться с консулом и совместными силами не провести электричество? — спросил я.

— Э-х, милый мой, вы, я вижу, не знаете Кржеминского. Он не только что помочь, но рад всеми силами помешать нашей работе. Вы знаете, что он даже мне не разрешает пользоваться экипажем, чтобы ночью я мог возвращать английские пакеты источнику, отговариваясь тем, что в случае провала консульство может быть скомпрометировано. Мне приходится в четыре-пять часов утра пешком идти с почтой в город и рисковать, что каждый полицейский может меня задержать, — ответил мне с горечью Браун.

— Ладно, о ваших отношениях мы поговорим после, а теперь давайте посмотрим дела, — предложил я.

Браун поспешно встал и, вынув ключи из заднего кармана брюк, открыл несгораемый шкаф. Выложив на стол груду папок, мы погрузились в их изучение. Работали мы часа два. По ведению дела было видно, что Браун очень усидчивый и методичный работник, любивший копаться в мелочах и систематизировать их.

— Скажите, тов. Браун, почему у вас нелады с консулом? Ведь вы старый член партии, Кржеминский тоже. Что вам мешает ужиться? — спросил я.

— По-моему, тут во всем виновата жена секретаря консульства Левенсона, — задумчиво ответил Браун, — дело в том, что консул живет с ней и ревнует ее ко всем. Почему-то и меня он считает соперником.

— А откуда вам известно, что он живет с ней? — задал я вопрос.

— Как откуда? все об этом знают. Кроме того, я видел своими глазами.

— То-есть, как? Что вы могли видеть? — спросил я.

— Я сам видел их в спальне у консула. Мне это удалось, благодаря тому, что у него в соседней со спальней комнате стоит шкаф. Я залез на этот шкаф и наблюдал через стеклянный верх двери. Жаль только, что мне не удалось их сфотографировать, — закончил Браун с сожалением.

Да, думал я, хорош резидент ГПУ и член ВКП с 1903 года... Он думает, что для советской политики очень важно, с кем сожительствует консул.

— Слушайте, Браун, а зачем вы следите за консулом? Вы что его подозреваете в контр-революции или измене? — спросил я.

— Нет, не подозреваю, но все может случиться. Какой же я резидент, если я не буду знать всего, что

делается перед моими глазами? Что я должен наблюдать только тогда, когда измена налицо, что-ли? Тогда уже будет поздно. Наш долг предупредить преступления, пресекать их в корне, а не фиксировать их. Это уж дело судей, прокуратуры и проч. — отвечал Браун убежденным тоном.

Я ничего не ответил. Значит, правду говорил Кржеминский, уверяя, что Браун следит за каждым шагом его личной жизни. При чем теперь ясно, что Браун это делает не по злобе, а он убежден, что это его служебный долг. Он любит этим заниматься. Он не руководит организованной агентурой, а сам, лично влезая на шкафы, старается шпионить. Да, нужно откомандировать его в Москву. Иначе будет еще хуже. Кто знает, к чему могут привести дальнейшие похождения Брауна.

— Вот что, товарищ Браун. С сожалением должен передать вам, что я имею распоряжение из Москвы принять от вас дела резидентуры и помочь вам поскорей выехать в Москву, где вас ждет другое назначение. Давайте завтра с утра сдавать агентуру и выезжайте, — предложил я.

На следующее утро я принимал дела резидентуры и слушал объяснения Брауна.

— Источник № 1. Он — крупный чиновник на почте. Все проходящие через его руки пакеты английского консульства передает нам. Оплачивается сдельно по 2 тумана за пакет, — рассказывал Браун.

— Источник № 2. Служит связью между чиновником почты и нами. Он содержит мануфактурную лавку, которую я ему устроил через наш Текстильсиндикат. И, кроме того, он получает ежемесячно 100

туманов жалованья. Переданные чиновником пакеты он приносит нам и по обработке их возвращает обратно.

— А где вы встречаетесь со «связью»? спросил я.

— Как когда, иногда в советском клубе, иногда у него на квартире, а бывают случаи, что он приходит в консульство.

Дальше следует источник № 3, — продолжал Браун. — Это — бывший русский полковник Гофман. Он был завербован в Тегеране и послан на работу в Белуджистан. Он ведет работу среди белуджистанских племен. Материалы, присылаемые им, интересны с чисто военной стороны.

— Источник № 4, наш агент в Кучане. Он — тамошний житель и прекрасно справляется с работой. — Источник № 5 — мулла при мечети имама Ризы. Он освещает настроение духовенства и их взаимоотношение с правительством. — Источник № 6 — контрабандист, отчаянный головорез. Я его использую время от времени против других контрабандистов. Иногда ему удастся перехватить секретных курьеров англичан, переходящих нашу границу. Но, главное, он может пригодиться на случай, если понадобится кого-либо «ликвидировать». По этой части он специалист, — добавил Браун, улыбаясь.

Так мы перебрали всю агентуру, состоявшую из 35-ти секретных агентов, работавших для ГПУ в Мешедской провинции. Передача дел и людей длилась три дня. Браун выехал в Москву, а на мою телеграмму о присылке нового резидента я получил ответ, что заместитель подыскивается и предлагавший мне руководить работой до приезда нового резидента.

Работы у меня по горло. Официально я являлся инспектором Торгпредства, приехавшим в Мешед для инспекции местных хозяйственных учреждений. Дни я посвящал знакомству с работой хозяйственников, но-чами же я встречался с агентурой ГПУ и просматривал поступавшую английскую почту. Вместе с тем было легко работать. Благодаря знанию языка, я быстро завязал знакомства среди местного населения и путем такого знакомства я получал гораздо больше сведений, чем через свою платную агентуру. О злоупотреблениях хозяйственных организаций ежедневно поступали десятки доносов. С другой стороны, привлек я к своей работе Уполторгпреда Деницкого, в прошлом крупного чекиста и поэтому обязанного оказывать помощь работе ГПУ. По поступавшим экономическим сведениям я давал ему директивы, которые он проводил в жизнь уже от имени Торгпредства. По моим же указаниям Деницкий распределял лицензии на ввоз товаров в СССР. Это был крупный козырь в моих руках, ибо, благодаря этим лицензиям, я добился работы многих купцов для ГПУ. Принцип распределения лицензий был таков: кто нам помогал в политике, тому мы помогали в экономике. Эти же «купцы» оказали нам крупные услуги при заключении советско-персидского торгового договора. Персидское правительство в целях заключения выгодного договора организовало «бойкот торговли с СССР». Почти со всех провинций поступали сведения, что купцы не хотят торговать советскими товарами и требуют закрытия торговли с СССР. Лишь хоросанские купцы ратовали за торговлю с нами и требовали скорейшего подписания договора. Такова была сила лицензий.

Круг работы резидентуры расширялся. Приходи-

лось все чаще и чаще работать до утра. Однажды я вернулся домой к 11-ти часам ночи. Я уже открывал ключом дверь, когда заметил, что кто-то шевелится в консульском саду. Я окликнул тень, и из-за дерева подошел ко мне источник № 2, служивший связью с почтовым чиновником.

— Это я, товарищ Агабеков. Я вас искал повсюду и не мог найти, поэтому пришел сюда. Получилась большая почта.

— Прекрасно, заходи, — предложил я, открыв дверь. Мы быстро прошли в рабочую комнату. Я зажег свет и опустил на окна шторы. Источник, отстегнув пальто, вынул завернутые в шелковый платок пакеты.

— Тут восемнадцать пакетов. Нужно спешить, чтобы к четырем часам возвратить обратно, — сказал он.

— Хорошо, успеем. Ты садись на диван и отдыхай, а я буду работать, — предложил я, открывая несгораемый шкаф.

Я вынул из шкафа в порядке лежащие: поддельные печати, коробки с разноцветными сургучами, лампочку для нагревания, амальгаму и весь набор инструментов для вскрытия пакетов, состоящий из ланцетов, пинцетов, остро отточенных костяшек и проч., и разложил их на столе. Затем я принялся осматривать пакеты. Большинство из них на этот раз были адресованы из индийского генерального штаба местному английскому военному атташэ.

Я уже по опыту знал, что эти пакеты включают в себе внутренний конверт, прошнурованный и запечатанный тремя печатями. На вскрытие таких пакетов уходило больше времени. Нужно было спешить. Я

торопливо ломал печати и введя острие костяной ручки в щель конверта, быстрым привычным движением вскрывал удобные толстые полотняные конверты. Было уже два часа ночи. Большинство пакетов уже было обработано. Источник, скрючившись на диване, дремал и, только изредка открыв глаза, смотрел, не кончил ли я работу.

Я взял очередной толстый пакет, адресованный военному атташе, и вскрыл его. Внутри оказались два прошитых конверта. Взяв один из них, я сломал печати, подрезал шнур и старался отрезанный конец шнура вытянуть с наружной стороны конверта. Но шнур не поддавался. Я потянул сильнее и вдруг, о ужас! Шнур выскочил так резко, что разорвал конверт наполовину и оборвался. Я невольно выругался. Человек на диване проснулся и, увидев в моих руках разорванный пакет, свалился в ужасе обратно на диван. Я держал в руках разорванный конверт и думал. Что делать? Что теперь будет? Ведь в таком виде конверта вернуть нельзя. Починить также невозможно, англичане догадаются. Не говоря о том, что наши агенты будут разоблачены, но и провалится с таким трудом налаженная работа, которая уже в течение трех лет давала прекрасные результаты. И это случилось со мной! Сделал это я сам, а не кто другой. Так я сидел с час и думал, изредка бросая успокаивающие слова Источнику, который почти плакал. Я не находил выхода из положения, но, взглянув на стол, вспомнил, что имеется еще один внутренний конверт. Мелькнула мысль в голове, кажется, выход найден. Я быстро схватил наружный конверт. Так и есть, в углу конверта химическим карандашом поставлены два номера внутренних конвертов. Я взял ре-

зинку и стал стирать номер разорванного конверта. Чисто, следов нет. Выход нашелся, — я решился оставить у себя разорванный конверт со всем содержимым. От Индии до Мешеда далеко. Пройдет много времени, пока спишутся. А если и спишутся, то кто подумает на нас? Вероятнее всего решат, что делопроизводитель забыл вложить конверт. Я несколько успокоился. «Связь» тоже уже не хныкала. Я принялся за остальные пакеты, и уже работал с большой осторожностью. К четырем часам работа была закончена.

Пакеты опять завернуты в шелковый платок, а в лаборатории висели 60 снимков фотографий. Источник, спрятав ношу под пальто, ушел, а я принялся проявлять пленки. Богатая добыча. Будет большая почта в Москву.

Я сидел у себя и работал, когда вошел слуга и доложил, что меня хочет видеть Аббас Али. Это был Источник № 6, тот, кого Браун держал на случай «ликвидаций» кого-нибудь. Вошел высокого роста кавказский тюрк, в барашковой шапке, заломленной на-бок. На лице его играла улыбка.

— В чем дело, Аббас Али? — спросил я, здороваясь с ним. Он мне нравился своей удалью, этот разбойник, готовый за десять долларов отправить любого на тот свет.

— Вы помните, товарищ Агабеков, я сообщал, что курд Курбан — контрабандист, возит нелегальную почту англичан в Туркестан. Так вот я его завербовал, и он готов передавать вам английскую почту. Он только хочет договориться с вами насчет цены, и,

если вы разрешите, я его приведу сюда. Он дожидается за воротами, — сказал Аббас Али.

— А он не провокатор, твой Курбан? — спросил я Аббаса.

— Что вы! он согласился передавать пакеты, потому что я ему сказал, что все-равно его когда-нибудь убью на границе, если он этого не сделает. Если он изменит, я его сейчас же зарежу, — уверял меня Аббас.

— Ну ладно, зови Курбана, — согласился я.

Через несколько минут Аббас вернулся с курдом. Среднего роста, широкоплечий, с загорелым, почти черным лицом. На голове туземная из войлока шапка, из-под которой свисали длинно-отпущенные волосы.

— Я буду говорить откровенно, — начал Курбан, — я контрабандист. Каждый месяц я перехожу границу с опиумом, который продаю в Асхабаде туркменам, и возвращаюсь назад. Каждый раз перед выездом агент англичан Джаббар-туркмен дает мне пакет для передачи в Асхабаде одному купцу на Кирпичной улице. От него же я везу пакет Джаббару. Я согласен эти пакеты передавать вам для просмотра, если вы разрешите мне каждый раз провозить два пуда опиума и не будете меня задерживать, — предложил он.

— Видите-ли, по закону я не имею права совершать такие сделки. Но так как начальник ГПУ в Асхабаде — мой большой друг, то я надеюсь с ним договориться, и он вас не будет трогать. Только с условием, чтобы вы возили не два, а один пуд контрабанды, — торговался я.

— Хорошо, я согласен. Через неделю я выеду.

Я верю вашему слову, что меня не арестуют, — сказал Курбан.

— Будьте покойны, я сдержу свое слово, но и вы должны сдержать свое. Когда вы переедете границу, там вас встретят и дадут нужные инструкции, — закончил я.

Курбан ушел. За ним вышел, пряча в карман двадцати-тумановый билет от меня, и Аббас-Али. В тот же вечер я послал Каруцкому в Асхабад шифровку:

«Едет завербованный нами английский курьер Курбан. Передаст Вам почту. Аккуратно просмотрите и верните ему. Во время пребывания курьера Вашем районе установите наблюдение для проверки его сведений. Результаты сообщите. Николай.»

Так я работал в Мешед в продолжение трех месяцев. С каждой почтой в Москву я просил присылки заместителя и, наконец, в феврале 1927 года я получил телеграмму:

«Передайте дела выехавшему резидентом в Мешед Лагорскому. Выезжайте в Москву для проведения выдвинутого Вами плана по Индии. НАЧИНО Трилиссер.» Приехавшему вскоре Лагорскому я сдал дела и немедленно выехал в Москву, радуясь, что принят мой план работы, о котором я расскажу в следующей главе.

ГЛАВА XV

Кусочек Коминтерна.

В ожидании назначения за границу, я ежедневно приходил в Восточный Сектор Иностранного Отдела ОГПУ, помещавшийся в комнате № 161, на четвертом этаже Лубянки № 2. Это была небольшая комната с одним окном, выходящим во внутренний двор. Из окна напротив виднелись тоже окна, которые, однако, были завешены высокими, смотрящими вверх, железными, окрашенными в серый цвет щитами. Щиты не позволяли видеть, кто и что скрывается за этими окнами, но мы знали, что это камеры внутренней тюрьмы ОГПУ, где содержались арестованные. Летом при открытом окне мы говорили очень громко, и, вероятно, арестованные слышали наши беседы, но это никого не беспокоило, ибо из внутренней тюрьмы ведь редко кто выходил на свободу.

В комнате № 161 стояло три стола и американское бюро. Народу же было больше, чем столов, ибо в этой комнате толпились, кроме постоянных сотрудников, и все резиденты, приехавшие с Востока в Москву. Стены были украшены подробными картами всего Востока. У окна на стене был прикреплен, как и в

каждой комнате ГПУ, внутренний телефон ГПУ. Однажды когда я, сидя на подоконнике, болтал с товарищами о разных пустяках, или, как выражались в этой комнате — мешал работать, раздался телефонный звонок. Я, находясь рядом с телефоном, взял трубку.

— Позовите к телефону товарища Агабекова, — услышал я ровный, немного усталый голос. Это был голос начальника Иностранного Отдела ГПУ Трилиссера, или «старика», как все его звали за-глаза. Этот голос был знаком всем работникам отдела.

— Я слушаю, Михаил Абрамович, — ответил я.

— А, это вы сами. Зайдите сейчас ко мне, — предложил он, и я услышал звук положенной трубки.

Я сейчас же, выйдя из комнаты, стал спускаться на третий этаж, где помещался Трилиссер, заместитель Председателя ОГПУ.

Войдя в приемную, я поздоровался с секретарем зампреда Лебединским, здоровым латышем с тупым лицом, и, узнав у него, что у Трилиссера, никого нет, открыл следующую дверь, отодвинул висевшую за ней тяжелую портьеру и очутился в кабинете Трилиссера. В громадной комнате, за большим письменным столом, спиной к окну сидел Трилиссер. Его небольшая, почти белая от седин голова, с коротко остриженными волосами, была наклонена над кучей бумаг, лежавших на столе. Просматривая их, он делал пометки карандашом. Направо от него стоял небольшой столик с несколькими телефонными аппаратами.

— А, здравствуйте, как поживаете? — поздоровался Трилиссер, подняв голову и протянув мне руку.

— Спасибо, — ответил я, бережно пожимая его маленькую, почти детскую руку.

— Садитесь, — предложил он и опять погрузился в чтение бумаг.

Я сел в одно из кресел и смотрел на своего шефа. Вот этот маленький, тщедушный человек облечен властью председателя ОГПУ. Он может приказывать арестовать и расстрелять любого из нас, сотрудников. Он организовал разведку большевиков во всем мире и крепко держит в руках все нити этой организации. Вот он подписал сейчас какую-то телеграмму. Может-быть, это приказ какому-нибудь из резидентов «ликвидировать» кого-нибудь или это распоряжение раскинуть сеть шпионажа в новой стране. По его телеграмме где-то далеко за границей, резидент ГПУ начинает бегать, подкупать людей, красть документы... Да я же сам по одному его приказу изъездил весь Афганистан верхом, вдоль и поперек; рискуя головой, пробирался к басмачам, к полудиким племенам. А вот сейчас! Кто знает, зачем он меня вызвал сюда? Да, велика власть и вместе с тем ответственность этого человека, — думал я, разглядывая его. Но видя, как он медленно, спокойно просматривал бумаги, я также проникся спокойствием. По его манере аккуратно перелистывать бумаги или осторожно доносить пепел папиросы до пепельницы, было видно, что Трилиссер по натуре очень осторожен и не сделает ни одного недуманного шага. И невольно я проникался уважением и даже любовью к этому человеку, имевшему власть над сотнями, тысячами жизней и обращавшемуся бережно с данной ему властью и жизнями. Трилиссер был редкий тип среди вождей ГПУ, состоящих в большинстве из садистов, пьяниц и прожженных авантюристов и убийц, как Ягода, Дерибас, Артузов и

многие другие. Вот почему весь иностранный отдел любил его и называл «Стариком» и «Батькой».

Закончив просмотр бумаг, Трилиссер нажал кнопку звонка и передал их вошедшему секретарю.

— Вот что я хотел у вас спросить, — начал Трилиссер, после того, как дверь за секретарем закрылась, — могли бы мы, с помощью имеющихся у нас связей в Афганистане, перебросить нелегально через эту страну в Индию одного или двух людей?

— При помощи нашей агентуры, я думаю, это задача нетрудная, — ответил я, немного подумав.

— Да, но смогли бы мы гарантировать доставку этих лиц без каких-либо осложнений? — переспросил Трилиссер.

— Абсолютной гарантии, конечно, дать нельзя. Возможны непредвиденные случайности. Успех дела, главным образом, будет зависеть от того, насколько эти лица по своей наружности и знанию языка подходят к обстановке Востока. А чтобы было как можно меньше случайностей, я согласен, если дело потребует, сопровождать этих лиц лично. — ответил я.

— В отношении наружности и языка беспокоиться не придется. С этой стороны все благополучно. Так вот вы лучше детально обдумайте эту задачу, наметьте подробный маршрут и прочее. Завтра будьте с утра в отделе, и я вас вызову. Только наш разговор должен остаться в секрете. Даже аппарат наш ничего не должен знать, добавил Трилиссер, прощаясь со мной.

Когда я вернулся в комнату 161, то все сотрудники впились в меня взглядами, горя желанием узнать о теме беседы с Трилиссером. Я с беззаботным видом опять сел на подоконник и, как ни в чем не

бывало, продолжал болтать о пустяках, тщательно следя за собой, чтобы ничем не выдать темы моего разговора с Трилиссером. Я отлично помню, как однажды я, получив секретное задание от Трилиссера поехать в Персию и во что бы то ни стало привезти убежавшего из СССР лидера рабочей оппозиции Мясникова, войдя в комнату, невольно посмотрел на висевшую на стене карту Персии. Этого взгляда было достаточно, чтобы мои товарищи догадались, что Трилиссер говорил со мной о Персии, и, зная, что туда недавно бежал Мясников, им нетрудно было сделать правильный вывод. Поэтому я и был так осторожен и болтал о пустяках.

— Что ты нам голову морочишь. Ты лучше расскажи, зачем тебя вызвал «Старик», прервал меня референт по Турции Кеворкян, с болезненным желтым лицом, армянин.

— Брось к нему приставать. Видишь, он конспирируется от нас, — ехидно сказал референт по арабским странам Эйнгорн, недавно перешедший из Коминтерна на работу в ГПУ и носивший кличку «Тарас».

— Ты прав, Тарас, давайте не будем говорить на эту тему, — предложил и я подсел к заведующему Восточным Сектором Триандафилову, моему старому товарищу по работе, который слушал нас, слегка улыбаясь своими умными карими глазами.

На следующее утро, когда я вновь по вызову спустился вниз, я застал Трилиссера в его приемной комнате одевающимся.

— Вы поедете сейчас вместе со мной, — приказал Трилиссер.

Я шел по корридору за этим маленьким человеком, едва доходившем мне до плеча. Стоявшие на лестницах дежурные коменданты здоровались с ним и, вопреки обычаю ГПУ, пропускали, не требуя предъявления пропуска. Мы вышли на Лубянскую площадь и уселись в ожидавшую машину. Рядом с шофером сидел сотрудник Оперативного отдела, несший охрану Трилиссера. Машина плавно тронулась и, спустившись по Софийке, свернула к Театральной площади, где на минуту задержалась вследствие движения на площади. Впереди нас стояло несколько машин, тоже ожидавших проезда. В одной из них сидел полный мужчина с монгольским лицом. Рука его обнимала сидевшую рядом пышную блондинку.

— Ха, ха, наш Фын после китайской революции отдыхает, — усмехнулся Трилиссер, смотря на монгола. — А я-то думал, что он на даче.

Я наклонился, чтобы лучше разглядеть Фын-юн Сана, тогдашнего коммунистического генерала, приехавшего в Москву изучать ленинизм на практике, — но машина уже тронулась, и я лишь успел заметить жирный затылок китайского генерала.

— А почему он не возвращается к своей армии в Китай, — спросил я Трилиссера.

— Коминтерн представил большую смету для его армии в Политбюро, и Фын ждет денег, — ответил Трилиссер.

Через несколько минут мы подъехали к громадному зданию Коминтерна, и Трилиссер велел шоферу остановиться. Наружную охрану несли войска ГПУ. Внутри распоряжались наши чекисты. Распорядок такой же, как и в здании ГПУ. Мы поднялись по лифту на четвертый этаж. Прошли ряд корридоров и вошли в

комнату, на двери которой стояла надпись «Международная связь, тов. Пятницкий.» Нас встретила молоденькая блондинка, говорившая с немецким акцентом, и пропустила в кабинет Пятницкого.

В небольшой продолговатой, бедно обставленной комнате, у окна стоял большой грузный мужчина, лет 55-ти. Он нервно говорил по одному телефону и одновременно кого-то слушал по другой трубке. Это и был организатор международных заговоров и революций Пятницкий. Кивнув нам головой, он продолжал с кем-то говорить по-немецки.

Наконец, улучив момент, он обратился к Трилиссеру.

— Начинайте, Михаил Абрамович, я вас слушаю.

Трилиссер представил меня и предложил изложить мой план поездки через Афганистан в Индию. Я начал рассказывать о состоянии границы СССР с Афганистаном, описал положение охраны дорог в Афганистане и, наконец, перешел к независимым племенам Северо-Западной Индии. Но Пятницкий уже с первых слов моего доклада повернулся к нам спиной и опять занялся телефонами. Я продолжал рассказывать и вместе с тем думал. К чему это? ведь он все-равно меня не слушает. Но я был сильно удивлен, когда в конце доклада он повернулся ко мне и стал задавать вопросы по существу моего рассказа.

— Я внимательно вас слушал и пришел к выводу, что практикуемый нами морской путь проезда в Индию значительно проще и безопаснее, чем путь через Афганистан. В самом деле, не лучше-ли поехать в Америку и, взяв там пароход, прямо же ехать в один из индийских портов? А, впрочем, мы пригласим его са-

мого, и пусть он сам решает, как лучше, — сказал Пятницкий и позвонил.

— Попросите сюда товарища Роя, — обратился он к вошедшей секретарше.

Так вот кто собирался ехать в Индию. Сам вождь индийской компартии, член Исполкома Коминтерна Рой. Вот почему этим делом занялся сам Трилиссер и требовал абсолютной гарантии безопасности. Через несколько минут вошел высокий, еще молодой человек со смуглым лицом и сильно развитой фигурой спортсмена. Рой, молча, сделав общий поклон, уселся. Мне предложил вновь повторить свой проект. Пятницкий, как и в первый раз, возражал мне и считал водный путь наиболее удобным.

— Решайте, товарищ Рой, как вы предпочитаете ехать, — обратился к молчавшему все время Рою Пятницкий.

— Я бы предпочитал поехать с советским паспортом до Кабула, а уж оттуда друзья помогли бы нелегально пробраться в Индию, — ответил Рой.

Опять началась дискуссия, продолжавшаяся около получаса. Большинство склонялось к моему предложению.

— Хорошо, я хочу еще раз обдумать. Зайдите, товарищ Агабеков, ко мне в гостиницу «Люкс» послезавтра, и я вам дам окончательный ответ, — решил Рой.

При выходе из здания Коминтерна Трилиссер задержался на лестнице и внезапно обратился ко мне.

— Скажите, что вы думаете о поездке Роя в Индию?

— По правде сказать, т. Трилиссер, у меня сложилось впечатление, что Рой просто соскучился по ро-

дине и хочет поехать хотя бы поближе к ней. Вот почему он и стремится в Кабул. А в Индию он, повидимому, боится ехать, — ответил я.

— Да, у меня тоже сомнения насчет Роя. Мне кажется, что он шкурник, — сказал, вздохнув, Трилиссер и быстро направился к ожидавшей машине.

В шесть часов вечера следующего дня я вошел в гостиницу «Люкс» на Тверской улице, которая была обращена в общежитие Коминтерна. Вместо швейцара за столом сидел дежурный по общежитию, который, просмотрев документы, выдал мне пропуск. У входа в гостиницу стояли группами молодые люди — жильцы общежития и оживленно беседовали. Тут можно было услышать языки всего мира. Большинство же говорило по-немецки. Я прошел в корридор и, найдя нужную дверь, постучавшись, вошел. В комнате находился Рой и светло-волосая худощаваая женщина.

— Это моя жена, — познакомил меня с ней Рой. Она, сказав ему несколько слов по-английски, быстро оделась и ушла, оставив нас вдвоем.

— Мы обдумали с тов. Пятницким ваше предложение, но дело в том, что самый вопрос моей поездки, в связи с событиями в Китае, несколько осложнился, — сказал Рой.

— Насколько мне известно, вы заведуете Индийской секцией Коминтерна, какое же отношение могут иметь китайские дела к вашей поездке? — спросил я.

— Видите-ли, в связи с ростом революционного движения в Китае, мы получили сведения о переброске большого количества войск империалистами в Китай. В том числе англичане отправляют в Китай войска из

Индии. Нам нужно во что бы то ни стало воспрепятствовать подавлению революции в Китае, ибо это вызовет реакцию и в других восточных странах, в особенности в Индии. Для этого нужно разложить, революционизировать присылаемые в Китай индийские части, и, конечно, эта работа лежит на Индийской секции Коминтерна, — объяснил Рой.

— Поскольку это так, то, вероятно, ваш отъезд затянется, а я хочу ехать в отпуск, ибо я только что вернулся из заграничной командировки, — сказал я.

— Да, передайте Трилиссеру, что мы просим не задерживать вас, ибо вопрос, возможно, затянется.

Я покинул Роя и общежитие Коминтерна.

Только через несколько месяцев, когда я уже руководил Мешедской резидентурой ГПУ, я получил телеграмму, что мой проект принят и меня вызывают срочно в Москву.

Несмотря на снежные заносы, прерывавшие всякую связь между Мешедом и советской границей, я выехал в Москву, куда добрался в начале марта 1927 года. За несколько дней до моего приезда правительство СССР получило ноту мининдела Англии Чемберлена, указывавшую на продолжающееся вмешательство большевиков во внутренние дела Англии и угрожавшую, в случае прекращения этих актов, дипломатическим разрывом.

— Решено временно, в связи с нотой Чемберлена, приостановить активную борьбу на Востоке. Поэтому поездка Роя в Индию опять отложена. Пока же немедленно возвращайтесь в Персию, — предложил мне Трилиссер, когда я в первый же день приезда очутился в его кабинете.

Политбюро ЦК испугалось ноты Чемберлена. Была дана директива прекратить активную работу, до изменения ситуации. Вместе с тем большевики не перестали использовать эту ноту внутри СССР — началась подписка на эскадрилью: «Наш ответ Чемберлену.»

ГЛАВА XVI.

Будничный день чекиста.

Уже семь месяцев, как я вновь в Тегеране. Разведывательный аппарат более или менее налажен и работает без перебоев. По должности атташэ посольства я занимал маленький домик с огороженным двором, расположенным в глубине громадного посольского парка. Двор разделен на две части. На первой половине живу я, а на второй помещалась моя секретная канцелярия и лаборатория.

Каждое утро, проснувшись, я наскоро одевался и шел в канцелярию. У входа в коридоре стояли бидоны с быстро восплеменяющимся веществом, на случай, если нужно будет поджечь архивы. Эту предосторожность Москва предписала принять после обысков Лондонского «Аркуса» и Пекинского посольства. Из коридора направо шла запертая на замок дверь лаборатории, а налево стеклянная дверь вела в две небольшие комнаты, устланные коврами. Три простых стола, накрытых пропускной бумагой, несколько стульев, две пишущих «Ундервуд» и маленький железный сундук в углу составляли всю обстановку канцелярии.

За одним из столов сидел лет 50-ти полный муж-

чина с крашеными хмой черными волосами и большим крючковатым носом, напоминавшим хищную птицу. Это источник № 1, курд по национальности, доктор по профессии. Он работал 15 лет для России и по наследству перешел к нам в ГПУ. Каждые два дня по утрам он приходил в миссию, якобы навестить пациентов, — заходил ко мне в канцелярию и составлял сводку сведений, собранных в городе у других реальных пациентов.

Когда я, войдя в канцелярию, подошел к нему, он все еще писал.

— Здравствуйте доктор, что у вас сегодня нового, спросил я.

— Сейчас кончу писать рапорт, — ответил он, вставая мне навстречу; — дела персидского правительства в Луристане неважны. На днях опять племена напали на правительственные войска. Около 300 человек убитых. Вчера вечером из Тегерана вновь отправлено на фронт два полка пехоты и артиллерия.

— А как относятся к восстанию соседние с Лурами племена? — задал я вопрос.

— Пока достоверно неизвестно, но есть слухи, что Вали Пуштекуха тайно поддерживает восставших. К бахтиарам же повстанцы послали делегатов для переговоров о совместном выступлении. Шах тоже посылает военного министра Сардар-Асада к бахтиарам, чтобы удержать их от присоединения к восставшим, — ответил доктор.

Нас очень интересовало восстание в Луристане, где строилась шоссейная дорога, которая должна была соединить непосредственно Тегеран с южными провинциями Персии.

— Доктор, я сегодня должен выдать вам жало-

ванье. Напишите расписку на 120 туманов, — просил я.

— Большое спасибо. Я как раз очень нуждаюсь в деньгах и уже приготовил расписку, — сказал он и, вынув из кармана клочек бумаги, подал мне.

— Доктор, — спросил я, читая расписку, где он подписался номером первым, — а какую кличку вы носили при царе?

— О, я тогда работал у одного полковника, и он мне дал кличку «филин». Это кажется, русская фамилия? — спросил он.

— Да, да! — подтвердил я и только в тот момент ясно увидел, что он очень похож на филина.

— Ну я не буду вам мешать работать, — сказал я, передав доктору деньги, и вышел из канцелярии.

Не успел я позавтракать, как раздался звонок внутреннего в посольстве телефона. Это Орбельян, заведывавший одной из групп секретной агентуры, просил разрешения притти с докладом. Официально он работал корреспондентом Тасс при посольстве, фактически же в течение пяти лет был одним из предпринимчивых агентов в ГПУ.

Я перешел в приемную комнату, и спустя короткое время пришел Орбельян. 30-тилетний молодой брюнет, с крупными чертами лица и толстыми губами, он производил впечатление медлительного, спокойного человека. В руках у него портфель с бумагами, который он, усевшись, положил на стол.

— Ну, давайте, начнем, — предложил я.

Орбельян, раскрыв портфель, медленно вынул аккуратно сложенные пачки бумаг.

— Источники №№ 4 и 9 вчера доставили досье

о дорожном строительстве в Персии, которое вы просили достать. Тут маршрут будущей Трансперсидской железнодорожной линии и смета, представленная министром финансов Носратэ Довле и утвержденная советом министров, — докладывал Орбельян, передавая одну из пачек. — Кстати № 4 хочет выехать через неделю в Германию на лечение и просит перед отъездом свидания с вами, — добавил он.

— Ладно, об этом поговорим позже, давайте дальше, — ответил я, чувствуя, что № 4 будет просить денег.

— Вот тут несколько рапортов представителя персидского правительства при правлении Англо-Персидской нефтяной компании, от Источника № 16. Две зашифрованные телеграммы поверенного в делах Персии в Багдаде на имя председателя совета министров от Источника № 33, — продолжал Орбельян, передавая новые бумаги.

— А, это очень важно. А как поживает 33-й номер? — спросил я.

— Он уже не боится давать нам шифровки и очень благодарен за 300 туманов, которые я ему передал. Он тоже очень хочет увидеться с вами, — ответил Орбельян.

— Да, с ним нужно встретиться. Это нужный источник. Когда будет удобнее с ним встретиться? — спросил я.

— Если хотите, сегодня в 10 часов вечера, — предложил он. Я согласился и сделал пометку в своей записной книжке.

— Вчера ночью Источник № 10 доставил двенадцать дипломатических пакетов. Отметьте это также, — сказал Орбельян, — кроме того, десятый но-

мер просил передать, что выданный ему сахар он уже продал, а новую партию Сахаротрест без вашего разрешения не отпускает. Затем он просит, чтобы ему отпустили еще какой-нибудь товар, ибо одним сахаром никто не торгует, и купцы на базаре начинают подозревать, что тут дело нечистое. Он просит мануфактуры и спичек, — добавил Орбельян.

— Хорошо, я сегодня устрою, чтобы ему выдали нужный товар. А что у вас еще?

— Больше ничего. Напоминаю, что у вас на сегодняшний вечер свидания в 8, 9, 10 и 11 часов. Да, а что мне ответить номеру четвертому? — опять спросил он.

— Дайте ему 100 туманов на лечение. Я сообщу в Москву о его проезде, и его там встретят и свяжут с Берлинской резидентурой. Дайте ему пароль для встречи в Москве. А мне с ним видеться нет смысла.

Мы вышли вместе и направились в канцелярию.

Там уже кипела работа. На одном из столов лежала куча пакетов с сургучными печатями. Тут были пакеты почти всех дипломатических миссий в Тегеране. Некоторые из них лежали распечатанными. Над одним из них, наклонившись над столом, работал мой помощник Макарьян. Он почти еще мальчик. Ему не больше 23-х лет, но выдающийся подбородок говорит о решительности, а выражение глаз о настойчивости его характера. Он медленно вводил костяную ручку в полукрытый конверт и осторожно вскрывал его шире. В углу за маленьким столиком сидела молодая шатенка — наша машинистка и стучала на машинке.

— Здорово Сурен, что так долго возишься с почтой? — спросил я.

— Да вот из-за бельгийских пакетов, — ответил он, продолжая работать, — представь себе, на двух бельгийских пакетах я потерял больше времени, чем на остальных десяти. Этот бельгиец всегда смазывает внутренний пакет гуммиарабиком и вкладывает в другой. И пока отдерешь, проходит два часа времени. Зато смотри, какая работа. Нельзя найти следов вскрытия, — хвалился Макарьян.

И действительно нужно отдать ему справедливость. В течение месяца Макарьян так набил руку по вскрытию пакетов, что превзошел даже своих учителей.

— Да, ты молодец. А какие еще пакеты поступили сегодня? — спросил я.

— Три английских, четыре из персидского министерства иностранных дел, один германский и один французский. Они уже все обработаны. Остался вот последний бельгийский, — показал он на лежавший перед ним толстый полувскрытый пакет.

— Ну, ну, кончай скорее. Через час нужно идти с докладом к послу, а он как раз интересуется бельгийскими пакетами, — сказал я и направился в лабораторию.

Это две маленькие клетушки, набитые всяческими фотографическими принадлежностями. В передней комнате на станке укреплен аппарат «Лейтц». На веревках сушатся заснятые пленки. У ванночки фотограф **Артемий** промывал свежие пленки.

— Сколько снимков сделано сегодня? — спросил я его.

— Пока тридцать, — ответил он, вынув руки из состава и вытирая их. — А вчерашние уже готовы. — И он направился в следующую комнату за ними. Взяв снимки, я вернулся в канцелярию и, передав несколь-

ко инструкций Макарьяну, возвратился к себе. В моей спальне стоял большой несгораемый шкаф, куда я положил готовые снимки.

— Алло! можно к тебе? — спросил генеральный консул Вайцман, приоткрывая дверь .

— Входи, входи! Очень рад, — пригласил я.

В комнату вкатился маленький, полноватый брюнет в пенсне с официальной улыбкой на лице и с огромным кожаным портфелем в левой руке.

— А я был у полпреда и думаю, дай, загляну к Агабекову. Кстати, у меня дело к тебе, — продолжал он, роясь в раскрытом портфеле. — Вот список желающих получить визу в СССР, а это список подавших заявление о приеме в советское гражданство. Пожалуйста, проверь и долго не задерживай. В особенности список уезжающих, ибо многие хотят выехать с первым пароходом, — просил он, передавая бумаги.

— Я, кажется, никогда больше трех дней не держу твоих бумаг, — возразил я.

— Знаю, знаю, — торопливо перебил он меня, — я это так, для порядка. Вот тебе еще пакет от представителя Коминтерна. Он вчера был у меня и жаловался на трудные условия работы. В местной компартии много ненадежной публики. Масса провокаторов. Он посылает тебе список членов организации и просит, чтобы ты проверил их через свою агентуру.

Я вскрыл поданный пакет и просмотрел длинный список фамилий.

— Ладно, ладно, только надеюсь, это не срочно. У меня и так много своей работы, — ответил я.

— У меня тоже нагрузка от Коминтерна. Получил из Москвы циркуляр о подготовке съезда делегатов

компартий Востока в Урмии. Нужно подобрать делегатов, проверить их, дать им под благовидным соусом визы, а многих, кроме того, снабдить деньгами. Вообще работы хватает, — вздохнул Вайцман.

Раздался телефонный звонок.

— Товарищ Агабеков! Я сейчас свободен, если вы не заняты, то приходите ко мне, — услышал я голос полпреда Давтяна.

— Ну ладно, я еще забегу к тебе и мы потолкуем. А сейчас извини, меня вызывает полпред, — сказал я Вайцману и выпроводил его за дверь.

Оставшись один, я стал подбирать бумаги для информации посла.

Большой роскошный кабинет. Повсюду ковры и красного дерева мебель, обитая дорогой кожей. Посреди комнаты за громадным письменным столом лицом к дверям сидел посол Давтян. До своего назначения в Персию он был советником посла в Париже. Студенческие годы Давтян провел в Бельгии. Его длительное пребывание в Европе оставило на нем резкий отпечаток, выделивший его среди остальных крупных советских работников. Высокий, красивый брюнет, с правильными чертами лица, с вечно корректным обращением к окружающим, Давтян производил очень выгодное впечатление. В отличие от прежних послов Давтян имел еще то преимущество, что владел европейскими языками. При всех этих качествах и той выгодной политической обстановке, каковая была налицо в период его назначения в Персию, Давтян мог бы проделать большую работу для советского правительства, но обратная сторона его характера сводила на нет все его преимущества. Он был трусливым, нере-

шительным человеком, без всякой инициативы. Трудолюбие его ограничивалось исполнением без размышления всех директив Москвы. А какие директивы можно было ожидать от заместителя Наркоминдела Карахана, глупость которого вошла в такую же поговорку, как и кличка «каменный зад», прочно приставшая к Молотову, недавно назначенному Предсовнаркома СССР. Давтьян, будучи ставленником Карахана и обладая нерешительным характером, по каждому вопросу обращался в Москву, техническим исполнителем которой он являлся. Таков был Давтьян, просиживавший дни за письменным столом и усваивавший все московские циркуляры. Относился он ко мне неплохо, дорожа той информацией, что я ему давал.

— А, товарищ Агабеков, здравствуйте, садитесь, — встретил меня Давтьян, когда я вошел к нему в кабинет, — что у вас хорошего?

Я приступил к докладу.

— Опять получили агентурные сведения, что ведутся переговоры по заключению нового англо-персидского договора. В частности имеются сведения, что персы пошли на уступки по вопросу разрешения англичанам постройки аэродромов на побережье Персидского залива. Сведения подтверждаются из разных источников, — докладывал я.

— Да, я уже пытался говорить по этому вопросу с министром иностранных дел, но пока неудачно. Сообщил в Москву, но с последней почтой никаких директив. Гробовое молчание. Придется еще раз написать Карахану, — сказал Давтьян.

— Нами перехвачены две телеграммы представителя персидского правительства в Багдаде. Судя по этим телеграммам, переговоры между Ираком и Пер-

сией продвигаются успешно. Осталось разрешить спор о правах персидских подданных в Ираке, — продолжал я свой доклад.

— Это очень важный вопрос. Пожалуйста, следите и дальше за их переговорами и держите меня в курсе дела. Москва просит всеми мерами воспрепятствовать заключению договора между Персией и Ираком. Пришлось опять дать субсидию некоторым редакциям газет, чтобы они вели газетную кампанию против договора. Кроме того, я говорил с некоторыми депутатами меджлиса и старался натравить их против договора, но мне кажется, что мы окажемся бессильными что-либо сделать, ибо все дело в руках самого шаха и Теймур-Паша — объяснил он.

— Вот это доклады французского и бельгийского послов. К сожалению, я не знаю, о чем они пишут, — продолжал я, вынув из портфеля фотоснимки с докладов.

— А, опять бельгийский посол. Вы знаете, что, по моему, он самый аккуратный из посланников в Тегеране. Он всегда детально информирует свое правительство о мало-мальски выделяющихся событиях. Мне очень нравится его доклады. А это что? — спросил Давтян, показывая на остальную часть фотоснимков.

— Несколько политических и экономических сводок английских консулов, экономический доклад американского консула и письмо германского посла графа Шуленбурга своему консулу в Тавризе, — перечислял я.

— А что пишет Шуленбург? — задал вопрос Давтян.

— Ничего интересного. Маленькое письмо и газетная информация, — ответил я.

— Ах, как я хохотал вчера вечером. Представьте, вчера Шуленбург заговорил со мной о своей коробке с дипломатической почтой, что мы разбили на днях. Он жаловался, что почтовые пересылки стоят очень дорого, и ему приходится за пару килограммов платить двадцать туман. При чем старался наглядно показать размер посылки. Я в душе хохотал над его секретной почтой, а наружно, конечно, выражал сочувствие. Что поделаешь, такова наша служба, — закончил он.

— Яков Христофорович, обедать, — крикнула в это время из соседней комнаты его жена.

— Вот что, Агабеков. Не оставите ли вы мне документы на французском языке. Я хочу их почитать после обеда, — спросил Давтьян, вставая.

— Пожалуйста, тов. Давтьян. Только, чтобы не пропали.

— Что вы! Я их положу сюда в нескораемый шкаф. Здесь, надеюсь, они будут в безопасности, после установки вами сигнализации, — сказал он, смеясь.

Я вышел из кабинета, думая о Давтьяне. Во что превратился этот ветеран большевистской революции. Член партии с 1907 года, старая гвардия большевиков. Не прошло и десяти лет, как он стал членом правящей партии, и уже выдохлась вся его революционность (если она когда-либо была). Остался солидный, исполнительный чиновник советского правительства, живущий по циркулярам наркоминдельского Карахана. А ведь он — один из лучших. Другие — худшие, под согревающими лучами власти «распустились» и показали подлинные физиономии садистов, шкурников, убийц...

— Товарищ Агабеков, зайдите к нам на минутку,

— позвали меня из-за решетчатого окна секретно-шифровальной части, расположенной напротив посольского кабинета.

Постоянно запертая дверь раскрылась, и я вошел. В комнате два шифровальщика. Это испытанные во всех отношениях коммунисты, в большинстве состоявшие в шифровальных отделах красной армии еще во времена гражданской войны. Работая при посольствах, они фактически являлись сотрудниками специального отдела ГПУ и подчинены резидентам ГПУ.

— На ваше имя поступили пакеты из Тавриза, Пехлеви и Керманшаха. Распишитесь пожалуйста, — сказал старший шифровальщик Шохин, передавая мне пакеты. — Затем у нас накопилось много старых секретных телеграмм, подлежащих сожжению. Опись уже составлена, может-быть, у вас есть время посмотреть их и подписать акт, чтобы мы могли сжечь, — продолжал Шохин.

По инструкции ни одна бумага в Полпредстве и Торгпредстве не может быть уничтожена без ведома резидента ГПУ.

Я наспех просмотрел грудку бумаг и, подписав акт об уничтожении их, вышел в коридор. Навстречу мне шел советник посольства Логановский.

— Здорово, Агабеков, пойдем ко мне, у меня есть дело к тебе, — попросил Логановский, и мы направились в его кабинет.

С Логановским у меня были совершенно иные отношения, чем с остальными членами миссии. Этот высокий болезненно-полный блондин, несмотря на свои 32 года, был такой же старый чекист, как и я. Он был резидентом ГПУ в Варшаве и в Вене и за активную деятельность в этих столицах ГПУ наградило его ор-

деном «Красного Знамени». По приезде Трилиссер назначил его своим помощником, но Логановский со своим самостоятельным, активным характером не смог ужиться со спокойным и осторожным Трилиссером. Ему пришлось уйти из Иностранного Отдела ГПУ, и он перешел на службу в Наркоминдел, где у него имелись старые связи по работе за границей. Но привычка — вторая натура. Логанский, несмотря на то, что уже два года, как ушел из ГПУ, никак не мог привыкнуть к чисто-дипломатической деятельности и рвался к работе ГПУ, которая больше соответствовала его характеру. Как чекисты, мы с ним были в приятельских отношениях, и он часто мне помогал своими советами, приводя примеры из прошлой деятельности.

— Вот посмотри, — сказал Логановский, достав чертеж из несгораемого шкафа и развернув на столе, — это план нефтяных вышек в «Майданэ Нафтум», разрабатываемых Англо-Персидской нефтяной компанией. Вот эти кружки обозначают вышки. Их сотни в этом наиболее богатом нефтью районе. Вот здесь тянется нефтепровод. Англичане без всякого напряжения добывают здесь колоссальные запасы нефти. Шестьдесят процентов английского флота питается запасами нефти этой компании.

— Это все старо, говори прямо, к чему ты клонишь, — прервал я его.

— А вот к чему. У тебя прекрасно поставленная информационная работа. Спору нет. Но скажи, пожалуйста, к чему она? Для сведения полпреда или же для сведения Москвы, где несколько чиновников в ГПУ посланные тобой материалы читают, размножают, рассылают и сдав в архив, забывают? Разве это дело? Нет настоящего дела. А вот если уничтожить эти неф-

тяные промыслы, как ты думаешь, какой был бы ущерб для Англии? — вдруг поставил вопрос Логановский.

— Да, но это тебе не Софийский собор, — ответил я, улыбаясь и намекая на его работу на Балканах. — Я тоже думал об уничтожении этих промыслов в случае войны с Англией и даже советовался со специалистами. Мне сказали, что даже удачный налет эскадрильи аэропланов может разрушить лишь часть промыслов, но не может приостановить добычу нефти.

— Но чудак ты этакий! Нам разрушать все и не нужно. Важно, чтобы полученная нефть не шла к англичанам, а этого можно добиться массовым разрушением нефтекачек и нефтепровода. И вот я вчера получил доклад из Ширази от нашего консула Батманова, в котором можно найти разрешение этой задачи. Батманов пишет, что в районе нефтяных промыслов расположены два крупных племени: хафтянги и чаарлянги, которые вечно враждуют между собой из-за денежных пособий, получаемых от нефтяной компании. Всегда, если одно племя в дружбе с англичанами, другое находится во враждебных отношениях с ними. Так вот почему бы вам не использовать эти племена к началу войны, для полного разрушения промысловых машин, — говорил Логановский.

— Идея не плохая, только вопрос нужно детально разработать и просить согласие Москвы, — ответил я.

— Если хочешь, я тоже с своей стороны напишу Трилиссеру, — предложил я.

— Буду очень благодарен за это, — ответил я, вставая.

Я шел, обдумывая план Логановского. Конечно, он

прав. Нужно готовиться к войне заранее. О том, что война будет, что она должна быть, ни у Логановского, ни у меня не было и тени сомнения. Ведь к этому мы и шли всей нашей работой внутри и вне СССР. Нас занимал лишь вопрос, начать войну в наивыгоднейший для нас момент, когда все политические и экономические условия налицо. Чтобы бить наверняка.

За моим столом я застал помощника Сурена. Он перебирал поступившие рапорты агентов, делая выписки. Я передал ему поступившие из провинций пакеты и сел помогать ему. Проработав с час, мы перешли в соседнюю комнату.

— Сегодня я имел интересную беседу с Логановским, — начал я после супа, — он предлагает организовать агентуру в племенах Южной Персии для разрушения нефтяных промыслов в случае войны.

— Да, идея подготовки к войне дискутировалась в Москве еще до моего выезда сюда. У нас в ГПУ этим вопросом занялись в особенности после 5-го конгресса Коминтерна, на котором определенно констатировали неизбежность войны с империалистами. В связи с этим уже приступили к некоторой организационной подготовке аппарата ГПУ к войне, — сказал Сурен.

— В чем проявилась эта подготовка? — спросил я.

— До сих пор наши резиденты, как ты знаешь, работали при посольствах. Теперь же мы начали организовывать нелегальные резидентуры, помимо посольств, ибо в случае войны предполагается, что наши посольства будут арестованы, или их попросят выбраться вон из той страны, при которой они аккредитованы, и с выездом резидента прервется связь

ГПУ с секретной агентурой. Если же будут нелегальные резиденты, то работа от высылки миссий нисколько не пострадает. По этому вопросу сам Трилиссер делал специальный доклад на собрании Иностранного Отдела, — рассказывал Сурен.

— А как в отношении поддержки связи с Москвой? Ведь сейчас связь осуществляется через дипломатов, а тогда же их не будет? — задал я вопрос.

— Этот вопрос, как указывал Трилиссер в своем докладе, наиболее трудно разрешимый. Пока что решили на том, что нелегальный резидент будет посылать свои донесения через легального. Но это, конечно, временная мера, пока не найдут подходящих путей. В Европе наши ребята уже работают нелегально. Даже в Турцию послали нелегально Блюмкина, который должен руководить всей работой на арабские страны, — ответил Сурен.

— Я вот думаю, а почему бы и в Персии не перейти на организацию нелегальной резидентуры? Мы никогда не можем быть уверены в поведении персидского правительства в случае войны. Тогда бы и вопрос о работе среди племени Южной Персии и Курдистана принял другой характер. Мы могли бы, нелегально проникнув в эти районы, делать все, что угодно. А там вали, на кого хочешь. Да и ваши наркоминдельцы не мешали бы, не зная, чьих рук дело, — обдумывал я вопрос вслух.

— А что, если ты поставишь этот вопрос на разрешение перед Москвой? — спросил Сурен, — я бы первый с удовольствием поехал нелегально работать среди курдов.

— По-моему, вопрос нужно подработать. Собери весь материал о племенах Персии, и мы составим до-

клад под углом зрения опасности войны и возможности использования племен на этот случай, — предложил я.

Я приехал в Торгпредство, находившееся в старой части города, и направился в кабинет заведующего регулирующей частью Торгпредства Мая, который одновременно являлся моим помощником по экономической разведке. Состоя при Торгпредстве, Май успешно, не вызывая подозрений, руководил сетью секретных агентов, работавших во всех советских хозяйственных организациях и освещавших деятельность этих организаций.

Май был старым чекистом и даже одно время работал на крупном посту в Экономическом управлении ГПУ, но, проворовавшись, попался. Был исключен из ВКП и уволен из ЧК, но, будучи по натуре чекистом, сумел опять втереться в секретные работники ЧК. Дело свое, нужно отдать справедливость, он знал прекрасно. Высокий брюнет, с библейским лицом, Май носил длинную бороду, которую вечно поглаживал. Один из его «приятелей» по поводу этой бороды острил, что Май побреется в день падения советской власти, чтобы изменить свою физиономию и не быть узнанным новым правительством.

— Садись, Агабеков, гостем будешь, — встретил меня Май кавказской формулой. — Был вчера купец с твоей запиской, и я ему выдал лицензию на 500 пудов чаю и 1000 пудов рису. Кроме того, я припрятал из запасов Торгпредства лицензии на сафьян, хлопок и хну. Может быть, тебе пригодятся для работы, — докладывал он.

— Спасибо, Май, но сейчас вот что. Позвони в

Сахаротрест и О-во «Шарк», — пусть они отпустят Источнику № 10 сахару и других товаров в кредит на 3000 туманов. Скажи им, что ты знаешь этого купца и гарантируешь его кредитоспособность, — попросил я.

— Сейчас позвоним. Кстати, о Сахаротресте. Мы сейчас разработали проект переброски нашего сахара в порта Персидского залива. Сахар будет грузиться в Одессе. Для продажи товара мы открываем новые отделения в Ширазе, Бендер-Бушире и Ахвазе. Не находишь-ли, что это удобный случай — под видом служащих Сахаротреста командировать туда наших агентов. Наконец, в Одессе на пароходы можно устроить тоже наших чекистов. Они проехали бы через Красное море и разнюхали бы положение в тех краях, — предложил Май.

— Прекрасно. Мы воспользуемся этим случаем, так как сейчас как раз стоит вопрос об усилении работы на юге Персии. Предупреди меня, когда будут обсуждаться кандидатуры сотрудников на юг. Что касается использования пароходов, то, к сожалению, это не мой район. Я напишу в Москву, и пусть они делают, что хотят, — ответил я.

— Вчера была очередная драка между торгпредом Мдивани и его заместителем Суховием, — начал Май, любивший всевозможные интриги.

— Очень интересно, — перебил я его, — приходи сегодня вечером ко мне. Поработаешь, и заодно потолкуем обо всем. А сейчас, извини, я спешу, — сказал я, вставая.

В девять часов вечера я уже сидел в одной из комнат конспиративной квартиры. Это был маленький до-

мик со двором. Нанят он был на имя одного из секретных агентов. Преимущество квартиры заключалось в том, что она имела три двери, выходящие на три разные улицы. Так что создавалась некоторая гарантия от возможной ловушки.

Через несколько минут раздался условный стук в комнату. Обслуживавшая квартиру старуха-персиянка пошла открывать дверь. Вошел Орбельян вместе с Источником № 10. Это — молодой человек с умным, энергичным лицом. Он любит рискованные дела и уже очень много сделал для ГПУ. Служанка подает на подносе чай и местные сладости, и мы за чаем ведем посторонний разговор.

— Тов. Агабеков, я выполнил данное мне поручение организовать получение дипломатической почты иностранных миссий, — начал агент, когда чай был убран, — теперь я хочу взяться за вербовку шифровальщика из военного министерства.

— Вы молодец! Я написал в Москву о проделанной вами работе и получил распоряжение увеличить вам жалованье до 150 туманов в месяц. Что касается военного министерства, то я думаю, что с этим лучше подождать. Вы только что закончили крупное дело. вам нужно отдохнуть и переждать, чтобы не навлечь на себя подозрений, — говорил я, а сам тем временем думал, что ведь в военном министерстве для нас уже работают три шифровальщика, а ты ничего не знаешь и можешь только испортить дело. Вслух же я продолжал: — да, вам нужно отдохнуть, а потом вы лучше присмотритесь к личной канцелярии Шаха. Там, по моему, должно быть много интересного для нас.

— Да, я вам забыл сказать, — переменял я тему разговора, — завтра можете пойти в Сахаротрест и

«Шарк» и получить все, что вам нужно для торговли.

Я посмотрел на часы. Сидевший молча Орбельян понял и через пару минут выпроводил агента. Нужно было спешить к ожидавшему нас Источнику № 33.

Большая полутемная от скудного освещения комната, убранная коврами. В углу стоит столик, накрытый разными сладостями, и три стула. Другой мебели нет.

Встретивший нас агент приглашает к столу. Это — высокий, худощавый мужчина с длинной черной бородой. Он — принц по линии Каджаров, свергнутых нынешним Риза-Шахом, и служит шифровальщиком при совете министров. Для нас он очень ценный источник, передающий все секретные распоряжения, циркуляры и шифры премьера.

— Наше правительство очень довольно вашей информацией и просило меня благодарить вас за те услуги, что вы нам оказали, — сказал я, когда мы уселись за стол.

— Большое спасибо за то, что вы оценили мою работу. Но работая для вас, я этим работаю для своих целей; я принадлежу к дому Каджаров, чей престол насильно с помощью англичан занял Риза-Шах. Поскольку он пользуется поддержкой англичан, я наперекор ему помогаю большевикам, являющимися ярыми врагами англичан. Вместе с тем, помогая вам, я надеюсь, что если в один прекрасный день и не вернется на престол наш законный шах, то во всяком случае вы подготовите тут революцию, которая лишит престола и Риза-Шаха, — ответил он.

— Вы правы в том, что англичане помогают Риза-Шаху, но видите-ли, у нас в Москве этому не верят.

Они требуют документальных доказательств. И если бы мы нашли такие доказательства, то я уверен, что наше правительство приняло бы все меры к свержению нынешнего шаха и восстановлению Каджарской династии, — сказал я.

— К сожалению, я не располагаю такими документами, а то бы уже давно передал вам, — ответил принц.

— Скажите, а вы не просматривали архива, находящегося в ведении председателя совета министров? — спросил я. — Дело в том, что в период 1924-25 г. г., когда Риза-Шах был премьером и воевал с восставшим на юге Шейхом Хейзалом, англичане согласились выступить посредниками для примирения их. Тогда же было заключено соглашение между Риза-Шахом и англичанами в том, что последние помогут ему занять персидский престол, и в компенсацию за это Риза-Шах обещал предоставить англичанам большие льготы в Персии. Все эти сведения я имею из агентурных источников, но их нужно закрепить документальными данными, которые вы могли бы найти в архивах за эти годы. Не приходилось-ли вам просматривать архивы совета министров? — спросил я.

— Нет, я работаю всего два года и архивами не интересовался. Но теперь я начну разборку архива и соберу все, что будет касаться того периода. В течение месяца я надеюсь разыскать нужные вам документы, — ответил он.

— Благодарю вас. Я надеюсь, что так или иначе строй в Персии изменится, и вы займете более подходящее вам положение, — прощался я.

Уходя, я оставил на столе конверт с месячным жалованьем принцу, составлявшее 300 туманов.

Только к полуночи я попал домой и направился прямо в канцелярию. Там еще работали. Мой помощник Сурен уже заканчивал обработку вновь поступивших дипломатических пакетов иностранных миссий. Ловко водя маленьким горящим примусом вокруг сломанных печатей на пакетах, он ставил нашего изделия печати на размякший сургуч.

В следующей комнате сидел над грудой материалов Май. Нервно раскачивая ногой и поглаживая бороду, он составлял экономический доклад.

Я устал. Хочется лечь, отдохнуть. Но нужно еще просмотреть поступившие за день десятки рапортов агентуры и доклады провинциальных резидентов ГПУ. Откладывать на завтра нельзя, ибо и завтра будет то же самое. Только другие лица, другие вопросы, другие подходы. Нужно спешить. Итти на всех парах к одной цели: подготовке к войне и через войну к мировой социальной революции.

ГЛАВА XVII.

Смерть предателям.

Утром 3-го января 1928 года, просматривая персидские газеты, я обратил внимание на следующую маленькую заметку:

«Из Мешед сообщают, что два крупных советских чиновника Максимов и Бажанов, убежав из СССР, прибыли в Мешед. До распоряжения из Тегерана они содержатся в полиции. На днях беглецы будут высланы в Тегеран.»

— Смотри, Сурен, — обратился я к моему помощнику, передав ему газету, — двое совслужащих бежали из СССР в Персию. Вероятно, по приезде в Тегеран они будут освобождены и свяжутся с местной белой эмиграцией. Дай задание нашему сексоту по белым, чтобы в случае их появления здесь он нас немедленно известил. Кроме того, напиши в Мешед Лагорскому, чтобы он сообщил нам, что это за беглецы, — приказал я Сурену.

Сурен молча обвел цветным карандашом заметку в газете.

В ту же ночь, когда я, вернувшись из города, зашел в канцелярию, Сурен передал мне свежее дешифрованную телеграмму из Москвы.

«Из Асхабада в Персию бежали Бажанов и Максимов. Бажанов (повторяем: Бажанов), будучи Москве, занимал ответственный пост и может быть чрезвычайно опасен. Выясните их местопребывание и примите все меры ликвидации. Трилиссер», — прочитал я.

— А вот еще одна телеграмма из Мешед от Лагорского, — сказал Сурен.

«Прибыли Мешед перебежчики Бажанов и Максимов. Имею распоряжение Москвы и Ташкента срочно их «ликвидировать». Не имею достаточных возможностей для выполнения задания. Приезжайте лично. Михаил.»

Я обдумывал полученные сведения. Вероятно, беглецы захватили с собой что-то важное. Никогда раньше ГПУ в Москве так нервно не реагировало на побег за границу.

— Что ты думаешь теперь делать? — спросил Сурен.

— Теперь думаю пойти спать, а завтра нужно ехать в Мешед, — насмешливо ответил я. — Нужно же помочь парню.

— Что он там делал целый год, когда в критическую минуту у него нет агентуры? Да и вообще какой Лагорский чекист и резидент ГПУ, если даже одного человека не может ухлопать, — раздраженно сказал Сурен.

— Ну, теперь поздно судить его. Нужно дело делать, — ответил я. Я знал, что Сурен сам хотел быть самостоятельным резидентом в Мешед, но его обошли и назначили Лагорского. Считая это назначение кровной обидой, Сурен всячески старался скомпрометировать Лагорского и показать, что если бы назначили его, то дела шли бы иначе.

— Когда же ты поедешь? — спросил Сурен.

— Я завтра поговорю с полпредом, и тогда решим, — ответил я.

На следующее утро я сидел в кабинете посла Давтяна. На совещание, как старый чекист, был приглашен также советник Логановский. По линии Наркоминдела также поступила телеграмма добиться во что бы то ни стало уничтожения Бажанова. Это был чуть-ли не первый случай, когда Наркоминдел выступал согласованно с ГПУ. Тогда это меня сильно удивило. Потом же я узнал, что приказ убить Бажанова был дан по всем линиям самим Сталиным, в секретариате которого работал Бажанов до своего отъезда в Туркестан.

— Так как же вы думаете провести эту операцию? — спросил меня Давтян.

— Я сейчас затрудняюсь сказать что-либо конкретное. Вот поеду, посмотрю, какова там обстановка, а там уже видно будет, что делать. Во всяком случае при наших связях в Мешед я не думаю, чтобы было трудно «ликвидировать» одного человека, — ответил я.

— А я бы предложил не ездить вам в Мешед, а ждать, когда их будут везти в Тегеран и прикончить их в пути, или же в крайнем случае здесь, — предложил Логановский.

— Что же можно с ними сделать в пути, раз они будут ехать под конвоем? — спросил я.

— Как что? Можно, установив точно время их проезда через какой-нибудь удобный пункт, привязать к дереву тонкий стальной канат. Так я вам ручаюсь, что при скорости автомобиля в 40-50 километров, такой канат, как бритва, срежет головы всем пассажирам в автомобиле, — ответил Логановский.

— А, по-моему, этот путь очень проблематичный. Нужно точно установить время и место проезда, да вдруг еще на удобном месте не окажется нужного дерева, к которому можно было бы привязать канат. Кроме того, за это время беглецы успеют рассказать все, что знают, местной полиции, и будет уже поздно. Поэтому я думаю, что нужно действовать в Мешедехе и как можно скорей, — возразил я.

— Я тоже согласен с вами, — поддержал меня Давтян, — когда вы сможете выехать? — спросил он.

— Да завтра же. Завтра утром вылетает аэроплан, и к обеду я буду в Мешедехе, — ответил я.

— Прекрасно, поезжайте завтра, а я пошлю телеграмму нашему генконсулу Дубсону, чтобы он оказал вам нужное содействие, — сказал Давтян.

К вечеру следующего дня аэроплан «Юнкерс», вылетевший рано утром из Тегерана, сделав над Мешедом несколько плавных кругов, опустился на покрытый снегом аэродром. Накануне полета я получил из Москвы новую телеграмму, в которой Трилиссер поручал мне проинспектировать резидентуру ГПУ в Мешедехе, так как тамошний представитель Лагорский уже шесть месяцев не только не исполнял заданий ГПУ, но вообще перестал писать в Москву. Не желая предупредить Лагорского о своем приезде, я ему не послал телеграммы и сейчас на аэродроме меня никто не встречал. Взяв частного извозчика, я поехал в консульство. На душе было неприятно, то-ли от шестичасового покачивания на аэроплане, то-ли от предстоящей операции с Бажановым. Хотя, признаться, я больше думал о ревизии Лагорского, которая была мне

особенно неприятна. С Лагорским меня связывала старая дружба, и по моей рекомендации он был назначен резидентом ГПУ в Мешед, а теперь мне нужно было взять с ним официальный тон, что и было неприятно.

Экипаж въехал в ворота консульства и, подъехав к квартире Лагорского, остановился. В этой самой квартире я год тому назад жил, работал, организовывал; при неудачах волновался, суетился, бегал. Я думал, что делаю колоссальной важности дела, а в сущности какими маленькими казались эти дела сейчас, после тегеранской работы. Это было всего год тому назад, а кажется, что это было так давно... И я почувствовал себя постаревшим, усталым, делающим какие-то никому ненужные дела. Может-быть, я просто устал с дороги? Но нет, это ощущение в дальнейшей моей жизни находило на меня все чаще, все сильнее. Это было начало сомнений, рождавшимся в душе. Сомнениям в правоте моего дела и плодотворности работы.

Не успел я сойти с экипажа, как навстречу выбежал Лагорский, увидевший меня в окно.

— Заходи сюда, здесь теплее, — пригласил он меня в спальню, и уже через короткое время мы, сидя за чаем, оживленно беседовали.

— Ну рассказывай, Миша, что ты тут подделываешь, — спросил я, когда мы уже перебрали личные темы разговора.

— Да ничего особенного, просто время убиваю, — ответил Лагорский нехотя, и оживление покинуло его лицо.

Я смотрел на его молодое, но уже носившее отпечаток усталости лицо. В длинных, зачесанных назад

волосах, несмотря на его 28 лет, можно было видеть седые пряди.

— В том-то и дело, что время убиваешь. Вот и Москва пишет, что ты тут дурака валяешь и не только не работаешь, но даже не пишешь им, — продолжал я.

— А что писать? К чему? — как-то вяло ответил он.

— Как что? Ты же что-нибудь делаешь? Агента у тебя работает? — спросил я.

— Ах, Гриша! Не понимаешь ты меня. Надоело все это мне, понимаешь, надоело. Вот чувствую, что устал. Шесть месяцев ничего не делаю, а устал. Скажешь — лентяй, бездельник! Ничего подобного! Сидел же я несколько лет подряд секретарем у Дзержинского и Уншлихта. Работал день и ночь, как проклятый, и не чувствовал усталости. А вот теперь никакой охоты, — выпалил он и замолчал, точно оборвал. Я тоже молчал и искал причину настроения Лагорского. Откуда оно могло взяться? Я не мог объяснить, но чувствовал, что это настроение передается и мне, действует на меня.

— Вот получил телеграмму «ухлопать» Бажанова, веришь-ли, обрадовался. Все-таки живое, настоящее дело. Дня три чувствовал себя бодрым. А потом опять выдохся, — продолжал Лагорский.

— А как поживает твоя жена? Когда она думает приехать к тебе? — спросил я, стараясь узнать, не тут-ли зарыта собака.

— Что ей сюда ехать, когда я сам думаю, как бы выбраться отсюда, — ответил он.

— Ну ладно, брось хандрить. Давай примемся за

дело, веселей будет. Расскажи подробно, как обстоит дело с Бажановым и Максимовым, — предложил я.

— Бажанов работал в Асхабаде управделами ЦК Туркменистана, а Максимов в каком-то кооперативе. Певого января они ушли из города якобы на охоту и перебрались через границу в Персию. Председатель ГПУ Каруцкий сообщил мне об их побеге уже тогда, когда их везли в Мешед. До этого поручение перехватить их в дороге имел наш резидент в Баджгиране Пашаев. Но ему не удалось выполнить поручение, хотя он приехал в Мешед на одной машине с беглецами. Персы, привезя их в Мешед, поместили в гостинице Оганова, и мы решили в первую же ночь покончить с ними. Я поручил эту операцию нашему сексоту Колтухчеву, ты, кажется, знаешь его.

— Да, он при мне был заведующим нашим клубом, хромой. — сказал я.

— Этот самый. Так вот, я снабдил его «Наганом», и он должен был, пробравшись в гостиницу, пристрелить их, — продолжал Лагорский. — Но ему не повезло. Когда он забрался на балкон гостиницы, куда выходили окна комнаты беглецов, он был арестован дежурившим у окон полицейским и посажен при полиции. Власти же, боясь новых покушений, на следующее утро перевели Баженова и Максимова в полицейское управление, где они и содержатся под охраной, — рассказывал Лагорский.

— Ну, а дальше? — спросил я.

— Что я мог сделать больше, раз они сидят запертые в полиции. Я поручил одному агенту выяснить, что можно с ними сделать в самой полиции. Он придет сегодня ночью с докладом, вместе с Пашаевым,

который после ареста Колтухчева боится днем заходить в консульство. Вот и все, — закончил он.

— Так, так! А как они охраняются в полиции? — спросил я.

— Им предоставили комнату, у дверей которой стоит охрана. Ну, конечно, и снаружи стоит охрана. Кроме того, там еще наша охрана, — смеясь добавил Лагорский. — Я забыл тебе сказать, что Каруцкий из Асхабада прислал для убийства Бажанова целую шайку головорезов-контрабандистов. Они тоже караулят у здания полиции с ножами и ждут okazji выпустить кишки беглецам, как только они выйдут из полицейского здания.

— А что думает по этому поводу консул Дубсон? — спросил я, после короткого молчания.

— Дубсон ничего не думает. Он недавно женился на молоденькой девушке и всецело занят ею, — ответил Лагорский.

— Что же, нужно все-таки пойти повидать его. Каковы у тебя с ним отношения? — спросил я.

— Ничего себе. Пока что корректные, — ответил он.

— Ну, тогда пойдем к нему вместе, — предложил я.

— Входите, входите, — пригласил нас Дубсон, открыв дверь своего кабинета. — С приездом, товарищ Агабеков, какими ветрами вас сюда занесло?

Дубсон был небольшого роста, краснощекий, 30-летний парень. Он окончил после революции Академию Генерального Штаба и считал себя больше военным, чем дипломатом. Повсюду он старался щегольнуть военной выправкой, которая придавала большую комичность его маленькой фигуре.

— Куда вы, туда и я, — ответил я, улыбаясь. Мы с ним встретились последний раз шесть месяцев тому назад в Тавризе. Тогда он был генеральным консулом в Тавризе и одновременно состоял резидентом ГПУ. К его несчастью, тифлисское ГПУ тоже послало в Тавриз своего представителя некоего Минасьяна для ведения работы среди кавказской эмиграции. Минасьян оказался энергичным работником и все шире и шире развивал свою деятельность. Самолюбие Дубсона было ущемлено. Между ними началась конкуренция в работе, так-называемое «соревнование», перешедшее в склоку, принявшую до того острый характер, что мне пришлось ехать из Тегерана в Тавриз и разбирать, кто из них виноват в создавшейся обстановке. В результате обследования я отнял у Дубсона нашу работу и поручил все дело Минасьяну. Такое решение, конечно, не удовлетворило Дубсона, и он продолжал мешать работе Минасьяна и одновременно пытался интриговать против меня. В результате ГПУ поставило вопрос о его отзывании из Тавриза. Наркоминдел, вынужденный исполнить требование ГПУ, вместе с тем в пику ГПУ же назначил Дубсона опять-таки генеральным консулом в другой, не менее важный район Персии — Мешед. Теперь нам опять довелось встретиться с Дубсоном.

— Вы получили телеграмму от Давтяна? — спросил я.

— Да, рад помочь вам, чем могу, хотя, откровенно говоря, не имею никакого желания влезать в грязную историю, — ответил Дубсон.

— Почему грязную? — спросил я.

— Да что же! Так повели дело с самого начала, что уже весь город знает, что большевики охотятся за

Бажановым. Полиция усилила их охрану, а теперь приехали вы, так поднимется настоящая паника, — сказал он.

— Ну, насчет меня не беспокойтесь. Я не дам повода разговаривать обо мне. Официально будем говорить, что я приехал как атташэ посольства для проверки выполнения торгового договора, — сказал я.

— Хорошо, завтра я представляю вас местному губернатору, и вы его успокойте о цели вашего приезда. Говорите побольше о торговых делах. А с делом Бажанова, по-моему, нужно переждать и дать время всем несколько успокоиться, — сказал он.

— Я с вами вполне согласен, тов. Дубсон, — ответил я. — Скажите, а не пробовали ли вы добиться их выдачи нам официальным путем? — спросил я.

— Как-же, на второй же день прибытия сюда беглецов я обратился к губернатору с требованием выдачи их нам, как уголовных преступников. Но губернатор потребовал документальных данных об их преступлении. Я телеграфировал в ГПУ Каруцкому, и он обещал приготовить такие документы и прислать. Как только я их получу, я опять буду у губернатора, но, признаться, надежды на успех мало, ибо губернатор не наш человек, — ответил Дубсон.

— Итак, давайте завтра после обеда поедem к губернатору, — предложил Дубсон, и мы стали прощаться.

Вечером пришел Пашаев, молодой, решительный парень. Он был моим другом детства, и по моей просьбе ГПУ назначило его начальником пункта ГПУ в Баджгистане. Вместе с ним пришел и секретный агент. Это — тот самый Аббас Али, контрабандист-

бандит, которого держал при себе Браун для всяких непредвиденных случаев.

— Подожди, Алеша, я переговорю с Аббас Али и отпущу его. А там мы поговорим по душам, — обратился я к Пашаеву, искренне обрадованный встрече с ним.

— Здравствуй, Аббас Али. Что же ты хвастался, что я, да я, а на самом деле не можешь даже укошить одного человека, — набросился я на него.

— Да что я сделаю, если он заперт в тюрьме. Пусть выпустят этого Бажанова хотя на пять минут на улицу, и его не будет в живых, — ответил покрасневший от моих слов Аббас, злобно сжимая спрятанный за поясом нож, точно Бажанов являлся его смертельным врагом.

— Так что же все-таки будем делать?—спросил я.

— Вот уж два дня, как я бегаю и стараюсь подкупить человека, который носит пищу арестованным. Завтра у меня с ним свидание. Если мне удастся его подкупить, то я завтра же всыплю в их пищу цианистый калий, что дал мне тов. Лагорский, и они подохнут как собаки, — ответил он.

— Ну, ну, действуй. Приходи завтра вечером и расскажи, что тебе удалось сделать. А самое главное — нужно следить, чтобы персы не увезли их куда-нибудь, пока мы строим планы, — инструктировал я наспех, чтобы скорей отделаться от него. Меня больше интересовала беседа с Пашаевым, которого я давно не видел и который всего несколько дней тому назад был в доме моих родных.

— Так рассказывай, Алеша, что у тебя произошло с Бажановым. Ты, говорят, ехал с ним вместе в одном автомобиле и ничего не сделал. Может-быть, ты даже

охранял его от несчастий? — обратился я к Пашаеву со смехом.

— Видишь-ли, я сидел в Баджгиране, когда я получил от Каруцкого телеграмму, что два ответственных работника бежали в Персию через Лютфабад, откуда они должны были направиться в Кучан. Мне предлагалось перехватить их в дороге и не допустить их приезда в Кучан. Для выполнения задания я взял с собой трех агентов-курдов и выехал в Кучанские горы. Я надеялся захватить их в горах и тут же покончить с ними. Но оказалось, что я опоздал. Беглецы уже были в Кучане. Виноват во всем был Каруцкий, который слишком поздно меня известил. Дальше я спешно поехал в Кучан и приехал как раз в момент, когда Бажанов и Максимов садились в машину ехать в Мешед. Посредством наших ребят я тоже устроился в одном с ними автомобиле, надеясь предпринять что-либо в пути. Но, к сожалению, ничего нельзя было сделать. Охранявшие их солдаты не отходили от них ни на шаг. Так мы приехали в Мешед. Остальное известно Лагорскому, — рассказал Пашаев.

— Да, он мне уже рассказал. Что же ты думаешь делать дальше? — спросил я.

— Вот Аббас пытается подкупить человека, доставляющего пищу Бажанову, а я тем временем успел связаться с Колтухчевым, который сообщает, что его после ареста поместили в соседнюю с беглецами камеру. Он их часто видит и даже иногда заходит к ним. Я хочу переслать Колтухчеву цианистый калий в тюрьму, чтобы он незаметно всыпал яд в пищу Бажанову. Этот путь наиболее безопасный, ибо никто не может подумать на арестованного Колтухчева, — развивал свой план Пашаев.

— А как ты перешлешь в тюрьму яд? — спросил я.

— Очень просто. Я уже переслал. Набил ядом папиросы и передал Колтухчеву, как коробку папирос, — ответил он.

— План у тебя хороший. Нужно избегать, главным образом, шума. И поменьше посвящать в дело лишних людей. Кстати, нужно немедленно отправить обратно людей, присланных Каруцким. От них только шум, а пользы никакой, — приказал я.

На этом мы покончили с деловыми разговорами.

На следующее утро агентурный аппарат уже работал. Каждые два часа получались сведения о состоянии беглецов в полиции. Получилось также сообщение, что Бажанов в своей камере пишет какую-то докладную записку. Наконец, из района сообщили, что взятые беглецами с собой документы из СССР отобраны у них на границе персидской таможней и направлены в Мешед. Немедленно Лагорский дал задание секретному агенту на таможне по прибытии этого пакета украсть и доставить нам. Лагорский опять стал энергичным. От его вчерашней хандры не осталось и следа. Он уже отдавал толковые и энергичные распоряжения и повсюду успевал сам.

После обеда я с Дубсоном поехали с визитом к губернатору, у которого провели нудных 20 минут, обмениваясь лицемерными комплиментами. Когда мы ехали назад, я приказал кучеру проехать мимо полицейского здания. Мне хотелось еще раз взглянуть на это низенькое, старое здание, расположенное на улице «Арк». Проезжая, мы увидели полицейское здание, окруженное полицейскими. На расстоянии 100 метров

стояло до 20-ти полицейских, вооруженных, сверх обыкновения, ружьями.

— Это — губернатор принял меры охраны по случаю вашего приезда, — усмехаясь, сказал Дубсон.

Вернувшись в консульство, я пошел к Лагорскому и застал его взволнованно шагающим по комнате.

— Что с тобой? Что-нибудь случилось? — спросил я. Лагорский, бросив в мою сторону взгляд, продолжал молча шагать. Затем он круто остановился.

— Ты вот упрекал меня, почему я не работаю, почему я не пишу в Москву! Да что им писать! Ты думаешь, нужна им твоя работа. Ничего подобного, знаю я их. Недаром я просидел семь лет в аппарате ГПУ. Там уже нет работников, нет чекистов! Все превратились в чиновников-бюрократов, — почти выкрикивал Лагорский.

— Да в чем дело? Говори толком! — переспросил я.

— Там в кабинете для тебя телеграмма лежит. Прочти, узнаешь, — ответил он.

В соседней комнате на столе лежала расшифрованная телеграмма:

«Николаю. Во изменение нашего номера ... никаких активных мер против Бажанова и Максимова не, повторяю, не принимать. Нарушение приказа подлежите революционному суду. Трилиссер.»

Я стоял в недоумении с телеграммой в руках. В чем дело? Что это, первоапрельская шутка, что-ли? Почему отменили приказ? Испугались возможных последствий, или же это заранее обдуманый ход? А, впрочем, не все-ли равно? Чорт с ними! По крайней мере последний приказ легче исполнить, чем пер-

вый. Я вернулся обратно к Лагорскому. Он все продолжал ходить из угла в угол.

— Да брось, что ты, не рад, что с тебя сняли это грязное поручение? — обратился я к нему, желая успокоить его.

— Не в этом дело, а в том, что наши чиновники в ГПУ всегда так делают. Пошлют на смерть человека, а потом окажется, что этого вовсе не нужно было. Что они шутят, что-ли, с организацией убийства за-границей? Не могли подумать прежде, чем приказывать? Хорошо еще, что телеграмма пришла сегодня, а то у них привычка отменить приказ, когда он уже выполнен. Сколько таких случаев было за мою работу секретарем Коллегии ВЧК и ГПУ? Амнистируют арестованного, а он, оказывается, давно расстрелян. А, впрочем, ты прав, ну их — к чорту! Давай лучше поужинаем, — предложил он.

В эту ночь мы пьянствовали до утра, поднимая тосты за «воскресших» Бажанова и Максимова, которых Москва внезапно амнистировала.

Пользуясь пребыванием в Мешед, я решил съездить в Асхабад. Туда, главным образом, тянуло желание повидаться с моими родными, которых я давно не видел. Заодно нужно было с местным ГПУ разрешить несколько вопросов пограничной разведки. Выехав рано утром на автомобиле из Мешед, я к вечеру подъехал к советско-персидской границе. Меня встретил заранее предупрежденный о моем приезде начальник Гауданского пограничного поста, один из моих старых сослуживцев по ЧК. Когда я, сойдя с машины, хотел направиться в здание поста, то на меня набросились с десятков огромных овчарок. Начпоста

быстро накинул на меня красноармейскую шинель, и собаки внезапно успокоились и завиляли хвостами.

— Видишь, какие у нас собаки? Это они фактически несут сторожевую охрану границы. Как только начинает темнеть, собаки уходят с поста и располагаются на холмах до утра. И можете быть уверены, что никто не пройдет незамеченным границу. Раз покажется кто-нибудь не в армейской форме, собаки не выпустят живым, — рассказывал начпоста.

— Да что же, дрессировали их так, что-ли? — спросил я.

— Да нет, сами научились. Ходили с армейцами по постам и научились, — ответил он.

Через полчаса я поехал дальше и уже ночь провел под родительским кровом в Асхабаде.

На следующее утро я сидел в большом кабинете председателя ГПУ Туркменистана Каруцкого. За письменным столом против меня сидел сам Каруцкий, растолстевший, несмотря на свои 30 лет, как боров.

— Как же мог Трилиссер отменить расправу с Бажановым, когда я вчера получил еще одну телеграмму от 1-го заместителя ПредГПУ Ягоды — во что бы то ни стало прикончить его? — кричал задыхающимся голосом Каруцкий, после того, как я ему рассказал о полученной мною последней телеграмме в Мешед.

— Ну, что же? Это значит, что правая рука не знает, что делает левая. Тебе Ягода пишет, ты и исполняй, а мне приказано не трогать, я тоже исполняю данный мне приказ, — ответил я.

— Ты лучше расскажи, как они убежали отсюда, — попросил я после некоторой паузы.

— Да очень просто. Выехали на праздник, будто на охоту, и скрылись. Мы только через два дня хва-

тились их и узнали, что они заграницей. Я пустил на территорию Персии целый десяток переодетых туркменами красноармейцев перехватить их, но было поздно. Их уж повезли дальше. Ах, если бы они мне попались живыми! Я бы им показал, где раки зимуют. Сам бы их «допрашивал»! — говорил Каруцкий, стуча кулаком по столу.

— Однако, и фортели же ты выкидываешь! Как это ты рискнул послать переодетых красноармейцев за-границу? Ну, а если бы их там обнаружили, то ведь это пахнет крупным дипломатическим скандалом, — сказал я.

— Ну, милый мой, что нам, впервые, что-ли. Я вот на днях опять послал своих ребят в Лютфабад, и они привели мне оттуда английского агента, — ответил Каруцкий.

— Каким образом? — задал я вопрос.

— Понимаешь, нахальство какое! Приехал этот агент к самой границе и оттуда начал вести разведку против нас. Ну, мои ребята ночью пробрались через границу и, застав его спящим, завернули в простыню и привезли сюда.

— Что же он, не сопротивлялся? — спросил я.

— Пробовал кричать, но его так избили, что он только на следующее утро очнулся здесь в подвале, — ответил Каруцкий, — кстати, приходи сегодня вечером и помоги мне допросить его, а то он говорит только по-персидски.

Я согласился.

— Ну, а как ты ладишь тут с туркменским правительством? Не склочничают между собой? — переменял я тему разговора.

— Нет, я их держу в руках и в ГПУ никого не пускаю. Недавно меня избрали членом ЦК и ЦИК'а Туркменистана, да вдобавок орден преподнесли, — ответил он, самодовольно улыбаясь.

В тот же вечер после допроса «агента англичан» я пошел ужинать к Каруцкому на квартиру. На столе стояли закуски и несколько бутылок водки.

— Да, Агабеков, тоска здесь в Туркестане ужасная. Только водкой и спасаюсь от тоски и малярии, — острил Каруцкий, наполняя снова чайный стакан водкой. К концу ужина он уже на-половину был пьян. Я стал прощаться, видя, что стаканы вновь наполняются.

— Так ты не забудь прислать шесть метров мне на костюм, да жена просила духи и пудру «Герлен». Пришли с первым же курьером, — попросил Каруцкий.

— Хорошо, пришлю, — обещал я.

— А Бажанова и Максимова поймаю. Не я буду, если не поймаю. Как? Бежать из моего района? — уже заплетающимся языком говорил Каруцкий.

Это было в 1928 году. Я свое обещание сдержал. Я послал Каруцкому материал на костюм и жене его духи и пудру. Он же свое обещание выполнить не смог. Бажанов и Максимов благополучно добрались до Парижа.

Бедный толстяк Каруцкий! Ты, наверное, и сейчас за бутылкой водки клянешься расправиться со мной... А пока что издеваешься над моими стариками-родными. Они же в твоём районе!

ГЛАВА XVIII.

Восточный сектор ОГПУ.

В середине 1928 года я вернулся в Москву. Перед этим я по заданию ГПУ объехал всю южную Персию и выяснял тамошнее положение на случай войны. Из своего объезда я окончательно сделал вывод, что в Персии продолжать легальную работу ГПУ нет смысла. То, что в мирной обстановке можно было сделать, мы сделали, но поскольку все высшие инстанции правительства и Коминтерна считали будущую войну с капиталистическими странами неизбежной, мы должны соответственно реорганизовать наш аппарат и сделать его годным для войны. А чтобы разведка могла успешно работать во время войны, она должна быть абсолютно обособленной и нелегальной. Нельзя ставить разведку в ту или иную зависимость от Наркоминдела и Наркомторга, представителей которых могут выслать в случае войны.

И вот, сидя в кабинете зампреда ОГПУ Трилиссе-ра, куда я пришел вместе с начальником Восточного Сектора ИНО Триандофиловым, я излагал свою точку зрения. Триандофилов, с которым мы раньше обсуждали этот вопрос и пришли к соглашению, молча си-

дел в течение моего доклада и одобрительно качал своей большой лысеющей головой.

— Да, идея в принципе правильная, я уже сам обдумывал этот вопрос. Но кого назначить нелегальным резидентом в Персию? — спросил Трилиссер. — Что вы думаете на этот счет? — обратился он к Триандофилу.

— Резидента найдем, тов. Трилиссер, дайте только ваше благословение начать дело, — ответил Триандофил.

— А знаете что? У меня возникла следующая мысль. Не поехать ли вам самим резидентом в Персию? Вы ведь давно сидите в Москве. А на ваше место мы назначим тов. Агабекова. Пусть он немного отдохнет от своих поездок, — предложил Трилиссер Триандофилу.

— Что же, если прикажете, то, конечно, поеду, — ответил тот, радостно улыбаясь.

— Ну и прекрасно! Так вы составьте смету организации, прикрытия, кого с собой взять и прочие детали и приходите еще раз ко мне потолковать по этому вопросу, — сказал Трилиссер и приподнялся со стула, давая нам понять, что разговор кончен.

Мы также встали, но не собирались уходить. Мы знали этот маневр Трилиссера откладывать решение вопросов в долгий ящик и были подготовлены к нему. Мы хотели разрешение вопроса сейчас же, тем более, что план организации нелегальных резидентур был у нас в кармане.

— Тов. Трилиссер, все, что вы требуете, мы уже подготовили. Вот вам план организации в письменной форме. Может-быть, вы ознакомитесь с ним сейчас, так как потом к вам трудно будет попасть, — сказал

Триандофилов, подавая ему несколько печатных страниц.

— Ну, ладно, — ответил Трилиссер и снова опустился с недовольным лицом на стул. — Расскажите на словах, что вы намерены делать.

— Во-первых, вместе с резидентом мы хотим пока что послать в Персию одного помощника. На эту должность я выдвигаю тов. Эйнгорна. Он, будучи на коминтерновской службе, уже имеет практику нелегальной работы и, кроме того, знает иностранные языки. Затем желательно иметь со временем второго помощника по армянской линии. Дело в том, что в Персии много армян, через которых можно делать большие дела. Но для этого помощник должен быть по национальности армянином. Я наметил на эту работу тов. Кеворкяна. И, наконец, нужен еще один работник для связи между резидентом и периферией, — докладывал Триандофилов.

— Позвольте, а как вы замаскируете такую уйму народа? — спросил Трилиссер.

— Я думаю организовать в Тегеране гараж, а Эйнгорн будет со мной в качестве компаньона. А работник для связи может быть одним из шоферов при гараже. Это ему даст возможность разъезжать по Персии, не навлекая никаких подозрений, — объяснил Триандофилов.

— Ну, а как с Кеворкяном?

— С ним дело обстоит несколько сложнее. Я думаю взять его в Персию временно с тем, чтобы он там, подготовив почву, имел возможность пробраться в Индию. Для этого мы придумали следующее: во Франции у нас есть секретный агент Г/57. Он — армянский архимандрит. Сейчас он там для нас почти бес-

полезен. Мы решили вызвать его сюда, через наши церковные связи посвятить его в епископы и затем отправить в Персию заведующим Индо-Персидской епархией. Кеворкяна же мы пристроим к нему в качестве секретаря. Таким образом он будет под надежным прикрытием и одновременно будет руководить работой епископа. Эта же должность совершенно облегчит его поездку в Индию,—ответил Триандофилов.

— Сколько же все это будет стоить? — спросил Трилиссер.

— Понадобится всего только 20000 долларов на организацию гаража и 5000 долларов в месяц на содержание агентуры и на работу. При чем 20000 долларов не пропадут. Наоборот, я надеюсь, что если мы хорошо наладим гараж, то будем иметь прибыль, которая покроет наши расходы. Сейчас почти весь Восток пересаживается с верблюда на стального коня, и гараж — самое выгодное дело, — ответил Триандофилов.

— А как у вас с паспортами? — после некоторого раздумья задал вопрос Трилиссер.

— Эту сторону вопроса мы также подготовили. Для себя я добуду греческий паспорт. У меня есть знакомые греки, которые уступят паспорт, а заменить чужую карточку моей — минутное дело. Эйнгорн запасся латвийским паспортом в Коминтерне. Туда приехал из Латвии некто Эдельштейн и, не собираясь возвращаться обратно, передал свой паспорт Эйнгорну. Ну, а Кеворкяну КРО приготовит персидский паспорт. Он легко сойдет за персидского армянина, — закончил Триандофилов.

Трилиссер молча обдумывал. Он медленно протянул руку за коробкой с папиросами и, еще медленнее,

достав папиросу, закурил. Мы тоже молча сидели и ждали. Мы знали, что Трилиссер обдумывает предложенный план, и с нетерпением ждали результатов. Но он не ответил. Затянувшись несколько раз папиросой, он, опустив голову, стал просматривать какие-то бумаги. Затем, внезапно подняв голову, он обратился ко мне.

— А как вы думаете, выйдет из этого дела толк?

— Я думаю, что при таком опытном руководителе, как тов. Триандофилов, будет большой толк, — ответил я. — И, главное, этот путь избавит нас от всяких столкновений и неприятностей с Наркоминделом.

— Ладно, в принципе я согласен. Начинайте готовиться и одновременно знакомьте тов. Агабекова с делами сектора. Когда все будет готово, доложите мне, — наконец, сказал Трилиссер.

Мы вышли из кабинета, довольные, что наш проект принят. Триандофилов радовался предстоящей поездке. Читателю покажется странным, почему люди, которых посылают на нелегальную шпионскую работу, где каждую минуту они должны рисковать тюрьмой и жизнью, эти люди радовались предстоящей опасности. Но подождите удивляться. Немного терпения, и из дальнейшего описания все станет ясно.

Прошло два месяца с тех пор, как Трилиссер решил организовать нелегальную резидентуру в Персии. Эйнгорн уже выехал в Персию и пишет, что нанял автомобильный гараж. У Триандафилова тоже все готово, и через несколько дней он также выезжает. Сейчас я сижу на своем любимом месте — на подоконнике комнаты № 161 на Лубянке. Триандофилов си-

дит за своим бюро и, раскрыв все ящики, просматривает содержимое их.

— Ну, Агабеков, садись поближе и начинай принимать дела, — предложил он мне.

Я взял стул и подсел к нему.

— Итак, в нашем секторе сконцентрирована разведка во всех странах Среднего и Ближнего Востока. Кроме того, мы разрабатываем все контр-революционные партии Кавказа и Туркестана за границей. В связи с этим нам приходится иметь дело с Парижем, Варшавой, Прагой и Берлином, где находятся центры этих организаций. Вот, так сказать, объем нашей работы. Теперь давай разберем по странам, — продолжал он, взяв блокнот для заметок. — Во-первых, Афганистан. Много о работе в этой стране говорить не буду, ибо ты там сам работал и знаешь обстановку. Сейчас там работает резидентом Скижали-Вейс, который поехал в Кабул под фамилией Шмидт. Новой агентуры нет, он продолжает работать с агентами, завербованными тобой. Что касается политической ситуации, то она здорово изменилась. После приезда Амануллы из Европы вспыхнули восстания на юге и на севере от Кабула. Если восстание на юге можно было приписать англичанам, то на севере совсем иное дело. Восстания возглавляет сын водовоза, никому неизвестный Бача-Саккау. Он оперирует революционными лозунгами и ведет борьбу с афганскими помещиками. Многие сведения еще не проверены, но, повидимому, мы стоим пред революционным крестьянским движением в Афганистане, которое мы, конечно, должны поддержать, направляя это движение вообще против капиталистов, как своих, так и чужих. Во всяком случае тебе придется поработать над этим вопросом.

— Одну минуту, — прервал я его. — А какова позиция Наркоминдела в этом вопросе?

— Как и всегда, никакой позиции. Они отказываются высказаться, отговариваясь отсутствием информации, но, видимо, они сторонники Амануллы и всей его клики, — ответил Триандафилов.

— Ну, давай, пойдем дальше, — продолжал он, — о Персии я тоже тебе рассказывать не буду, ибо тамошние дела ты знаешь лучше меня, а перейду прямо к Турции. Это наша крупнейшая резидентура. Центром резидентуры является Константинополь, где сейчас находится Минский на должности атташе генконсульства. Из Константинополя мы ведем работу на Сирию, Палестину и Египет, так что фактически Константинополь — это база для ведения разведки на арабском Востоке. Один из помощников резидента находится в Ангоре, но теперь он отозван и скоро приедет сюда. Дело в том, что ввиду дружественных отношений с Турцией Трилиссер приказал прекратить работу против турок. Он полагает, что если мы не будем трогать самих турок, то они будут смотреть сквозь пальцы на нашу работу против других держав.

— А кто сейчас работает в Ангоре? — спросил я.

— Это — некто Герт. Он еще до тебя работал в Персии представителем военной разведки, но был снят с работы за какую-то склоку и затем перешел на работу к нам. Вот здесь у меня список секретных агентов в Турции, — продолжал Триандафилов, — Источник № К/10 работает в японской миссии в Константинополе. Через него мы получаем все шифрованные телеграммы, поступающие в миссию. № К/16 является одним из деятелей украинцев-самостийников и передает нам всю переписку своей организации. № К/20 при-

носит нам копии докладов австрийского посла в Турции. Доклады очень ценны, ибо посол великолепно разбирается в обстановке и прекрасно знает восток. Через № К/23 мы имеем всю переписку армянского патриарха в Турции Нарояна. По этим материалам мы знаем о положении армянских общин, о политической организации того или другого епископа и, наконец, о положении партии дашнаков. № К/32 освещает кавказскую эмиграцию, которая наиболее опасна по своей организованности и по своей близости к нашей границе. № К/49 передает нам доклады французского военного атташе, из которых мы знакомимся с положением в Сирии и на Балканах.

Кроме этой агентуры, которая управляется Минским, мы приступили к организации нелегальной резидентуры, которая должна организовать свою агентуру на всем Ближнем Востоке. Мы уже успели отправить в Константинополь «Рида», который, благодаря американскому паспорту, сумел втереться в американские круги и даже в их посольство. Недавно туда же поехал нелегальным резидентом Яков Блюмкин под кличкой «Живой». Он проживает с персидским паспортом под видом купца. Трилиссер возлагает на него большие надежды, но я, признаться, иного мнения. Он большой барин и едва ли будет работать по нашему, — рассказывал Триандафилов.

— Теперь несколько слов о наших слабых местах. Таковыми являются Индия и Ирак. До сих пор мы не смогли послать в эти страны наших резидентов. В Индию из Берлина доктор Гольдштейн послал двух агентов индусов, завербованных в Берлине Источником № А/18. А в Ирак мы послали в прошлом году нашего агента Султанова, но до сих пор ни от кого из

них не имеем сведений. Даже не знаем, живы ли они или нет. Вот что значит отсутствие связи. Кустарничество, а не работа. Теперь, как приеду в Тегеран, может-быть, налажу работу на эти две страны. Только не забудь поскорей прислать Кеворкяна и епископа. Вот и все, — вздохнув, сказал Триандафилов.

— Как все, а остальные страны? — спросил я.

— Видишь-ли, сейчас уже поздно, а у меня еще масса дел перед отъездом. Арабскими странами руководит Аксельрод, а антибольшевистскими партиями Кеворкян. Будет лучше, если они сами доложат тебе о состоянии работы. А я сейчас пойду, — ответил он и начал собираться.

— Ну, прощай, может-быть мне не удастся больше придти сюда. Занимай мой стол и не забывай друзей, — и Траиндафилов ушел.

Я сел за стол. Теперь я начальник Восточного сектора ИНО ОГПУ. До сих пор я руководил разведкой какой-нибудь одной страны. Теперь же нужно руководить работой ГПУ от Гималаев до долины Нила.

ГЛАВА XIX

Чекисты наизнанку ♡

Триандафилов с фальшивым греческим паспортом уехал в Персию. Я окончательно вступил в обязанность начальника сектора. На этой должности я пробыл полтора года, т. е. до октября 1929 года. Прежде, чем писать о работе сектора, я хочу обрисовать внутреннюю жизнь работников ГПУ, которую мне пришлось наблюдать за это время.

Со времени приезда из Персии я жил в гостинице «Селект» на Сретенке, которая содержалась на средства ГПУ и обслуживалась чекистами. Когда же вопрос о моем оставлении в Москве был окончательно решен, мне отвели две комнаты в доме коммуны ГПУ, в Варсонофьевском переулке. Как начальник отделения, я получал 210 рублей жалования. Из них 50 рублей я платил за квартиру. Как и все остальные сотрудники, я должен был записаться в Кооператив ГПУ, в Авиохим, Мопр, Добролет, О-во Друг Детей, Автодор, Шефство над деревней и др., не говоря о профсоюзе и партии, где я состоял раньше. Во все эти организации нужно было вносить членские взносы. Кроме того, каждый из нас должен был подписаться на

внутренние займы и вносить ежемесячно 25—30 рублей без права продать или заложить облигации, ибо мы чекисты-коммунисты должны были подавать пример остальным. Наконец, периодически приходилось «жертвовать» в пользу тех или иных бастующих иностранных рабочих. Так что в итоге за вычетом всех этих податей на руки я получал не больше 70—80 рублей. Отсюда можно судить о положении других мелких работников ГПУ, получающих от 100 до 150 рублей. Естественно, что приходилось вечно залезать в долги у того же кооператива ГПУ, не иметь возможности покупать себе не только новой одежды, но даже белья. Так живут мелкие служащие ГПУ, но совсем другое представляет собой жизнь высших чинов ГПУ, начиная с начальников отделов. О них я буду говорить ниже. Сейчас я хотел остановиться на работниках Иностранного отдела, где также имеются две категории служащих. Даже посторонний зритель, если он попадет в Иностраный отдел, заметит, две категории различно одетых людей. Одни ходят в защитного цвета казенных гимнастерках и кепках, а другие — в прекрасно сшитых из английского или немецкого сукна костюмах, в дорогих шляпах и франтоватых галстуках. Первые — это сотрудники, еще не побывавшие за границей, а вторые — это вернувшиеся из заграницы, где они по приезде в первую очередь понашили себе достаточный запас костюмов. Вот почему первые, еще не побывавшие за границей, мечтают, «рискуя жизнью», поехать в капиталистические страны. И, в самом деле, почему не рискнуть поехать на шпионскую работу, за границу, с советским дипломатическим паспортом в кармане? Даже если он и будет уличен в шпионаже, то его за границей не расстреляют (это же не СССР), а

арестуют или вышлют обратно. Чекист знает, что в случае ареста ГПУ его выручит какой бы то ни было ценой. Сколько тому примеров. Вот, например, Фортунатов, ныне начальник Дальне-Восточного сектора ГПУ. Будучи резидентом в Китае, он хотел приобрести секретнейшие документы за 10 000 долларов. Китайская полиция схватила его буквально за руку в момент получения им документов. И что-же? Несмотря на потерю 10 000 долларов, ГПУ ассигновало еще десять тысяч на его освобождение, и он сейчас за такую «удачную», работу, стоившую 20 000 долларов, назначен начальником сектора.

А вот другой пример. Сын царского консула в Персии Похитонов работал секретным информатором ГПУ, и персидская полиция, уличив его, заключила в тюрьму. ГПУ немедленно приняло меры. Спешно, задним числом, Похитонов-эмигрант был восстановлен в советском гражданстве, и Наркоминдел под нажимом ГПУ стал хлопотать у персидского правительства об его освобождении, как советского гражданина.

К несчастью Похитонова, у него была молодая, довольно красивая жена, с которой после ареста мужа стал сожительствовать тогдашний резидент ГПУ в Тегеране Борисовский-Мельцер. Будучи вследствие этого заинтересован, чтобы Похитонов как можно дальше содержался в тюрьме, Борисовский оттягивал хлопоты, благодаря чему Похитонов провел полтора года в тюрьме и был освобожден и выслан в СССР лишь после замены Борисовского новым резидентом Казасом.

Таким образом работа чекистов за границей фактически никакого риска не представляла, за исключением редких случайностей, как, например, было в Кантоне,

где китайские солдаты, разрушив местное советское консульство, убили нескольких сотрудников консульства, в числе которых оказался резидент ГПУ Уколов.

Зато какие преимущества чекистам на заграничной работе! Резидент ГПУ получает 250 долларов в месяц на всем готовом, которые почти целиком остаются в его кармане. За рубежом чекист не обязан состоять в бесчисленных «добровольных» обществах, о которых я упоминал выше, и не вносит никаких членских взносов. Кроме того, пользуясь своей неограниченной властью в хозяйственных советских учреждениях, резидент обыкновенно устраивает на службу своих жен и родственников. Так, например, у резидента ГПУ в Персии Казаса служили одновременно жена и сестра, так что в общей сложности вся семья зарабатывала 600 долларов в месяц, абсолютно на всем готовом. А сколько прилипало к рукам резидента разных «непредвиденных, чрезвычайных, разъездных» и т. д., — трудно сказать, ибо контроль над чекистом отсутствует. Такова материальная основа «рвения чекиста за границей».

С другой стороны, резидент ГПУ получает полную самостоятельность действий, так как подчинен только Москве. А Москва — далеко. Подсматривать и доносить на него некому, ибо он сам монопольно уполномочен за всеми следить и на всех доносить. Вот тут-то у резидента и выявляется его подлинная натура. Одних он милует, других предает. Как ему вздумается! До тех пор, пока не разыграется какой-нибудь крупный скандал. Тогда ГПУ его тихонько отзывает и направляет в другую страну. Ни ЦК, ни ЦКК не вмешиваются во внутренние дела ГПУ, а если что и всплывает на свет, то закрывают глаза.

Наконец, за границей чекист освобождается от обязанности посещать те, чуть-ли не ежедневные собрания и заседания, которые устраиваются в Москве по всякому поводу и без всякого смысла. Эти скучные и казенные собрания являются настоящим бичом для работающего в Москве. Они, отнимая все свободное время у служащего, не дают ничего ни уму, ни сердцу. Официальные доклады, безразличность в голосовании и казенные резолюции. Уже от одних этих собраний можно ехать куда угодно, только бы избавиться от них. Вот почему работники ГПУ рвались за границу, чтобы пожить вдоволь, подкопить на случай возвращения в голодную СССР и отдохнуть, насколько возможно, от серой казенной жизни в СССР, ведущей к «социализму». Никто отнюдь не руководствовался идейными соображениями, ибо каждый мало-мальски грамотный понимал, что на шпионаже против, главным образом, сотрудников советских учреждений мирового социализма не построишь, и поэтому старался на всякий случай устроить собственное благополучие. И, нужно сказать, строили не плохо. Лучше, во всяком случае, чем порученную им работу. Чтобы не говорить огульно, приведу несколько примеров:

Вальтер, бывший до 1924 года поверенным в делах в Кабуле и одновременно исполнявший обязанности представителя ОГПУ и Разведупра, успел за 8 месяцев «работы» присвоить себе кулон с 12 каратами бриллиантов, данный ему Разведупром на работу, и 1500 фунтов стерлингов, выданных ему из ГПУ. Хотя об этом знали все, это не помешало ему занимать должность генконсула в Константинополе до конца 1930 года. Борисовский-Мельцер, пробывший резидентом ГПУ в Тегеране и Берлине, в течение двух

лет, возвращаясь в Москву, привез с собой 12 огромных сундуков одних только шелковых и шерстяных отрезов, которые он, проживая в Москве, потихонько продавал и жил припеваючи. В «наказание» за это его назначили начальником Иностранного отдела ГПУ в Ташкенте. Бывший до меня резидентом в Персии Казас, уезжая из Тегерана, сдал в багаж 28 пудов вещей, которых, вероятно, хватит ему на 10 лет.

Это все примеры, которые ГПУ известны. А сколько таких примеров неизвестных! Немудрено поэтому, что когда я приехал в Москву после двухлетнего пребывания в Афганистане, где я истратил около 50 000 фунтов стерлингов и не мог сразу внести 150 рублей, накопившихся за мое отсутствие членских взносов, то никто не верил, что у меня нет денег. Да и как им было верить, когда они на более мелкой работе в такой промежуток времени делали состояние.

Повторяю, только материальные блага плюс относительная безопасность работы стимулировали поездки работников ГПУ за границу. Это стало многим ясно после того, как в 1928 году стали практиковать посылку работников ГПУ за границу нелегально, т. е. без советского дипломатического паспорта и со всеми вышесказанными отсюда последствиями. И что же? Оказалось, что число желающих ехать на нелегальную работу очень мало. Такие старые работники Иностранного отдела, как Борисовский, Казас, Скижали-Вейс и многие другие, которые всегда раньше бывали готовы «рисковать жизнью» где-нибудь на должности атташе посольства, теперь прямо отказывались ехать, отговариваясь семейным положением, здоровьем, и проч.

Таковы работники Иностранного отдела ГПУ.

Жизнь сотрудников других отделов мне мало известна, но, судя по некоторым известным мне случаям, там если не хуже, то во всяком случае не лучше. Приведу следующий пример: в бытность мою в Персии у меня работал секретно некий Мартинели. Возвратившись в Москву, он, оставшись безработным, поступил на службу в Якутскую область на золотые прииски, куда и выехал вместе с женой. По дороге в Якутск в Екатеринбурге ГПУ его арестовывает за контр-революционную деятельность в 1918 году и доставляет в Москву. Отобранный у него багаж сотрудники также везут в Москву, где возвращают его жене. Когда жена Мартинели открыла чемоданы, то там вместо вещей оказался разный хлам. Вещи мужа, как и ее были украдены. Жаловаться она боялась, так как вдобавок арестовали бы и ее. Читатель отсюда может заключить, сколько прилипает к рукам комиссаров ЧК, делающих ежедневно сотни обысков и арестов.

Теперь несколько фактов о верхушке ГПУ — о ее коллегии и начальниках отделов. Председатель ГПУ Менъжинский, состоящий одновременно членом ЦК, ВКП, не в счет. Он — член правительства, больной человек. Живет все время на даче и выполняет предписания врачей. Зато его первый заместитель Ягода — совсем другого поля ягода. Я его знал в 1921 году, когда он еще был мелкой шишкой по Управлению делами ГПУ и больше интересовался хозяйственной частью. Хозяйство, в особенности чужое хозяйство, является, видимо, его специальностью, ибо и сейчас Ягода, будучи фактически руководителем всего ОГПУ, опять таки оставил за собой руководство кооперативом ГПУ, являющимся одним из лучших и богатейших кооперативов в Москве. Из средств кооператива он под-

кармливают многочисленных своих прихлебателей, которые взамен этого являются его верными соратниками, начиная с ведения какой-нибудь служебной интриги и кончая устройством попок с девицами-комсомолками на конспиративных квартирах ГПУ. Все работники знают садистские наклонности Ягоды, но все боятся говорить об этом вслух, ибо иметь Ягоду врагом — это минимум верная тюрьма.

Второй заместитель Менжинского — Трилиссер, Начальник Секретного отдела Дерибас, Начальник КРО — Ольский и зам. нач. ИНО — Артузов живут вместе. Для них специально в Фуркасовском переулке построили домик, где они и организовали свою коммуну под охраной агентов ГПУ. Нужно сказать, что эта публика живет сравнительно скромно, за исключением Дерибаса, беспробудно пьянствующего.

Начальник Восточного отдела ГПУ и одновременно член ЦКК — Петерс кроме своей квартиры имеет несколько других, где содержит своих возлюбленных. Я, помню, как-то об этом факте, ставшем мне известным, поделился с нач. Пограничного управления Вележевым (бывавшим на заграничной работе под фамилией Ведерников), возмущаясь поведением Петерса.

— Ты не хочешь понять закона целесообразности, ведь так по крайней мере Петерс теряет меньше времени на женщин, чем если бы он каждый раз искал их на улице. А время для крупных наших работников — это все, — ответил мне с усмешкой Ведерников.

Стоит-ли приводить факты деяний всех начальников отделов? Не ясна ли картина морально разложившегося, бюрократического аппарата, о котором «вожди» стараются еще сохранить звание «меча в руках пролетариата», а по существу уже ставшего орудием

подавления трудящихся? Многие до того привыкли к своему положению привилегированных, что даже не замечают его. В распоряжении каждого из них автомобиль и секретарь, и этот секретарь обо всем заботится. Иногда целыми днями, в сопровождении жены своего начальника, мечется по магазинам и возвращается к вечеру, с нагруженной продуктами, винами, материями машиной.

И все это без всякой оплаты, без денег. Да и какой председатель кооператива или магазина посмеет просить денег или отказать в чем-нибудь начальнику отдела всесильного ГПУ, куда он может быть приведен каждую минуту, как арестованный?

А ведь не только верхушка ГПУ, но и верхушки всех советских министерств живут вот так, без денег, на всем готовом. Не отсюда-ли то, что среди верхушки держится идея, что «мы уже вступили в царство социализма, где труд оплачивается по потребностям и где отпадает надобность денежного знака.»

Ибо на самом деле, среди этой верхушки «социализм» в полном расцвете. Жри, сколько хочешь, и делай, что тебе вздумается, только ратуй за ЦК партии — «вот программа такого социализма.»

Но ведь число этой верхушки всего несколько тысяч, а как же в остальной России? Остальные 160 миллионов живут впроголодь или голодают.

Таковы мои наблюдения за двухлетнее пребывание в Москве, и я не преминул сделать выводы при первой возможности. Я навсегда порвал с новым верхним десятком тысяч в СССР.

ГЛАВА XX

Шестичасовой рабочий день

Как обычно, в 9 часов утра я, поднявшись по лифту на четвертый этаж, вошел в комнату № 161, где я работал. В комнате из сотрудников находился только один Кеворкяни; он сидя за своим столом, внимательно читал «Правду». На каждом столе лежало по свежему номеру этой газеты, ибо каждый сотрудник ГПУ обязан состоять подписчиком партийной газеты «Правда». Поздоровавшись с Кеворкяном, я занял свое место и, раскрыв газету, также углубился в чтение передовицы, которая является своего рода партийной директивой на текущий день.

— Пойдем завтракать, что-ли? — спустя немного обратился ко мне Кеворкян. Он жил в маленькой комнатухе, где едва помещалась кровать, и не имел никаких приспособлений и посуды, чтобы позавтракать у себя, поэтому он приходил по утрам рано на службу с целью позавтракать в буфете при ГПУ.

— Принеси наши мешки, а потом пойдем, — ответил я, не отрываясь от чтения газеты.

Кеворкян ушел в канцелярию отдела и вскоре возвратился с двумя небольшими брезентовыми мешками.

Каждый сотрудник ИНО имеет свой мешок, куда он укладывает по окончании занятий все свои бумаги. Незашитая сторона мешка имеет несколько петель, через которые продета стальная цепочка. Уложив бумаги, сотрудник запирает мешок секретным замком и сдает в канцелярию закордонной части. Утром он получает свой мешок обратно. Секрет замка известен только владельцу мешка и начальнику закордонной части, так что посторонний не сможет открыть мешок.

Следом за Кеворкяном вошла сотрудница моего сектора Вера Бортновская. Маленького роста, энергичная, живая брюнетка, она была общей любимицей, ибо всегда старалась всем услужить и не болтала о том, что говорили между собой сотрудники. Несмотря на ее беспартийность, Вера пользовалась общим доверием, ибо очень давно служила в ГПУ и вместе с тем была женой заместителя. нач. Разведупра Ревсовета.

— Здравствуйте, — крикнула она нам, бросая сумочку и перчатки на свой стол. — Ты что же, Коля, не мог принести моего мешка, я всегда приношу твой, — обратилась она к Кеворкяну, увидев наши мешки.

— Не приставай ко мне с утра, Вера. Сама прине-сешь, не развалишься, — огрызнулся Кеворкян. — Ну пойдем, что-ли, я жрать хочу, — обратился он затем ко мне.

— Верочка, посиди в комнате, пока мы позавтракаем, — попросил я, бросая газету, и мы вышли с Кеворкяном.

Мы стали спускаться по узкой внутренней лестнице, ведущей на двор, где в одном из подвалов оборудован буфет для сотрудников ГПУ.

Я с Кеворкяном — большие друзья. Ему всего

26 лет, но он успел в 18 лет вступить в партию большевиков. В 1921 г. был избран секретарем транспортного союза в Армении и в тот же год оказался в числе оппозиционеров и был исключен из партии. Оказавшись беспартийным, он продолжал интересоваться партийной работой и в 1924 году был вновь принят кандидатом в партию. Только в 1928 году, после неоднократных экзаменов, его восстановили в правах члена партии, и то благодаря его службе в ЧК. Как я упоминал, Кеворкян очень интересовался партийными вопросами и принимал близко к сердцу тот идейный разброд, который наблюдался среди вождей пролетариата в то время. По одним вопросам он был на стороне Троцкого, по другим — Бухарина, и неоднократно его подмывало выступить на партийном собрании со своим мнением, но не решался, твердо зная, что вслед за выступлением последует опять исключение из партии и высылка. Со мной же он был откровенен и делился своими мыслями и сомнениями.

Мы проходили по внутреннему двору ГПУ, разгороженному деревянным забором, у которого стоял часовой. За этим забором помещалась часть внутренней тюрьмы. Недалеко от часового стоял большой грузовик-ящик, окрашенный в черный цвет. Эту машину, когда она мчится по улицам Москвы, жители называют «Черный ворон». Сейчас шофер возился с машиной. Видимо, чистил после ночной работы.

— Когда я вижу эту машину, меня дрожь берет, — сказал Кеворкян, обращаясь ко мне на армянском языке.

— Что у тебя, совесть нечиста? — спросил я. — Нечего дрожать, лучше привыкай. Тебе ведь не миновать внутреннего двора, — добавил я, смеясь.

Мы спустились в буфет, где была уже масса народу. Тут можно увидеть зеленую форму Особого отдела или Пограничной охраны, кое-где мелькают красные околыши сотрудников комендантуры. Много женщин и несколько человек в штатском. Это — сотрудники Иностранного отдела. Буфет при ГПУ — это маленький клуб сотрудников, который посещался охотнее, чем клуб ГПУ на Большой Лубянке, ибо в буфете сотрудникам ГПУ выдавалось масло, яйца, хлеб, что в городе можно было достать с большим трудом.

Кругом шла оживленная беседа между завтракавшими сотрудниками, но никто не говорил о делах. Впервые, нельзя, а, наконец, дела настолько опротивели, что о них стараются как можно меньше вспоминать.

Наскоро позавтракав, мы возвратились к себе наверх. В комнате уже сидел другой сотрудник сектора Макарьян, бывший моим помощником в Персии, и начальник Англо-Американского сектора Борисовский-Мельцер, помещавшийся в одной комнате со мной.

— Ну, Коля, давай расскажи мне о положении нашей работы среди восточных контр-революционных партий, — пригласил я Кеворкяна.

— Видишь-ли, я специально занимаюсь разработкой кавказских группировок, ибо остальные группы ничего серьезного собой не представляют. Основное — это грузинские меньшевики, муссаватисты, дашнаки и горцы. Вот сейчас как раз между ними ведутся переговоры к образованию единого фронта так-называемой Кавказской конфедерации. Почти все группы, за исключением дашнаков, согласны вступить в этот Комитет единения. Все эти группы находятся на иждивении той или иной иностранной державы, заинтересованной в сепаратистском движении среди народов

СССР. Пока что мы имеем документальные данные, что эту группу поддерживают поляки, которые субсидируют их деньгами, готовят военных спецов на случай восстания из этих национальностей и, естественно, используют их в разведывательных целях. Но, по агентурным данным, за спиной поляков стоит Франция, под руководством которой работает польский генеральный штаб. Это же подтверждается тем фактом, что центры всех этих групп находятся в Париже. Таково общее положение.

— Ну, а как дашнаки? — спросил я.

— Дашнаки имеют старую, сильную организацию. Их поддерживают деньгами из Америки, и, кроме того, они используют армянскую церковь, которая почти целиком находится под их влиянием. Наконец, по агентурным сведениям, их субсидирует англичане. Нужно вообще сказать, что помощь всем контрреволюционным партиям оказывается странами, заинтересованными в кавказской нефти. Вот почему мы полагаем, что тут работают не без участия Детердинга, — рассказывал Кеворкян.

— Теперь расскажи, какие меры приняты нами? — спросил я.

— О дашнаках ты знаешь по персидской работе. Мы перехватываем их почту, идущую в адрес представителя дашнаков в Тавризе Ишханяна. По этой переписке мы бываем в курсе их деятельности в Армении и Турции и в свою очередь принимаем контрмеры. Другой источник по армянам находится в Константинополе, который передает нам переписку тамошнего патриарха армян Нарояна. Наконец, армянский епископ в Греции Мазлумян по нашим заданиям ведет работу по разложению дашнаков и освещает по-

ложение и настроение тамошних армян. — Что касается грузинских меньшевиков, то они работают через Турцию и частично через Польшу. В Константинополь частенько приезжает Сосико Мдивани и Ной Рамишвили для связи со своими единопленниками на Кавказе. Об их выезде из Парижа наша агентура немедленно сообщает нам, и мы всегда бываем наготове. Кроме того, поскольку мы получаем копии протоколов заседаний их группы, мы всегда в курсе дела. — Мусаватисты работают также через Турцию и Персию. В Константинополе сидит Мамет Али Расул Заде, который и возглавляет эту партию. В Тегеране проживает его брат, а в Тавризе и Пехлеви их эмиссарами являются Мирза Балла и доктор Ахундов. Все они находятся под прекрасным наблюдением нашей агентуры. — В общем же можно сделать вывод, что все эти партии, благодаря внутренним раздорам и отсутствию материальных средств, никакой серьезной опасности не представляют, несмотря на сильные национальные тенденции среди кавказских народностей, — закончил Кеворкян.

— Судя по твоему рассказу, я вижу, что все наши меры направлены к тому, чтобы парировать работу этих контр-революционных групп. А почему бы нам не попытаться самим ударить по ним и развалить их центры в Париже? — спросил я.

— Вот то же самое я твержу уже целый год, но наше начальство никак не раскачается, — ответил Кеворкян. — Там в Париже до 1927 года вел работу сотрудник Тифлиссского ГПУ Лордкипанидзе, которому мы поручили эти задания, но он скоро расшифровался и вынужден был вернуться. С тех пор мы никого не можем послать в Париж. Правда, недавно

мы завербовали одного грузина в Праге и перебросили его в Париж поближе к грузинскому центру, но это не то. По-моему, туда нужно послать своего человека из центра, на правах резидента ГПУ.

— А что если отправить туда Сурена? — сказал я, — согласен-ли ты поехать в Париж, Сурен? — предложил я Макаряну.

— Вот я бы поехал в Париж: Эх, и пожил бы я там, — мечтательно сказал Кеворкян, — а меня отправляют в такую глушь, как Персия.

— Что же, я не откажусь, — ответил задумчиво Макарян.

— Ладно, я доложу об этом Трилиссеру, — сказал я, делая заметку в блокноте.

В 12 часов дня пришел Аксельрод, ведавший работой в арабских странах. Маленького роста, тщательно одетый и прилизанный, он резко отличался своей внешностью от остальных чекистов, в большинстве небрежно одетых. Аксельрод был молодой, случайный чекист. Он работал по линии Наркоминдела секретарем консула в Геджасе и Иомене. Хорошо образованный, прекрасно владевший большинством европейских языков и в совершенстве арабским, он привлек внимание ГПУ и был завербован, еще будучи в Геджасе. По секрету от консула и Наркоминдела, он присылал нам обстоятельные доклады о положении арабских стран. По его возвращении в Москву мы переманили его на службу в ГПУ, дав ему некоторые льготы. В том числе ему разрешалось приходить на службу к 12-ти часам, ибо по утрам он работал в Ассоциации Востоковедения, где он состоял председателем.

— Здравствуйте, друзья, — поздоровался он, войдя в комнату. — Ты что, Коля, все еще не уехал? —

обратился он к Кеворкяну с улыбкой, зная, что последний ждет-не-дождется скорее выехать за границу.

— Я-то поеду, не испугаюсь, а вот посмотрим, как ты рискнешь поехать нелегально. Это тебе не наркоминдельская командировка с диппаспортом, — ядовито ответил Кеворкян.

Аксельрод в ответ только улыбнулся и подсел ко мне.

— Ну, что сегодня нового? — спросил он у меня.

— Ничего особенного, Моисей Маркович, вот я хотел просить тебя рассказать о положении нашей работы в странах, которыми ты руководишь, — сказал я.

— О, стран у меня уйма, а толку никакого. Я тебе сейчас с удовольствием расскажу. Кстати, я даже подготовил доклад об Аравии. Хочешь прочитать черновик? — ответил он, раскрыв одну из папок с бумагами.

— Это потом, сейчас давай лучше расскажи, — предложил я.

— Так вот, в моем ведении находятся Египет, Сирия, Палестина, Ирак, Индия и все остальные страны Востока, где мы вообще не работаем, — смеясь начал он, — ибо, как ты видишь, мне поручили те страны, где мы, к сожалению, ни черта не делаем. Начну с Индии. Об этой стране мы имеем сведения из Афганистана, откуда кабульский резидент пытается освещать северную Индию. Кое-что мы знаем из перехватываемых документов индийского генерального штаба и, наконец, по агентурным донесениям Источника № А/18 в Берлине. А/18, будучи индусом по национальности, имеет связи среди индийской колонии в Берлине, где и черпает свои сведения. Так что ты сам можешь судить, какую ценность они могут представ-

лять. В последнее время доктор Гольдштейн завербовал в Берлине через того же А/18 двух индусов и послал их в Лагор, но от них пока мы не имеем сведений. Вот все, что мы имеем в Индии, то-есть почти ничего. Я полагаю, что и в дальнейшем мы не будем знать хорошо эту страну, пока наш резидент не будет находиться в самой Индии. — В Египте работа также ведется из Берлина. Доктор связан с несколькими осведомителями, посылающими ему информацию из Египта. Но беда в том, что берлинская резидентура, не будучи знакома с египетскими вопросами, не может производительно руководить своей агентурой. И, наконец, эта агентура состоит сплошь из членов местной коммунистической партии и в один прекрасный день может провалиться вместе с их организацией. Во всяком случае в Египте у нас дела лучше, чем в Индии, ибо мы, получая копии докладов английского верховного комиссара в Каире, всегда находимся в курсе тамошних событий. В Сирии и Палестине только недавно взялись за организацию нашей агентуры. «Живой» (Яков Блюмкин) вот уже шесть месяцев как объезжает эти страны. Он уже кое-кого завербовал, но сведений от них пока не поступало. Тут мы тоже можем ждать, так как о Палестине мы имеем сведения из тех же английских материалов, а о Сирии мы черпаем данные из докладов французского военного атташе в Константинополе.

— Ну относительно Ирака посмотрим, что сумеет сделать из Персии Триандафилов. Пока что мы имеем в Багдаде недавно назначенного армянского епископа, которого завербовало перед его выездом туда ГПУ Армении.

— Теперь я хочу остановиться на Геджасе и Ие-

мене. Там у нас в данное время, благодаря благосклонному отношению Ибн-Сауда и Имама Яхьи, очень благоприятная позиция. Кроме того, у нас имеется ряд ценных агентов, завербованных еще в мою там бытность. Но вот Белкин, которому я, уезжая, передал дела, недостаточно опытен и не может, как следует, использовать положение. Я написал «Живому», чтобы он, если найдет возможность, вызвал к себе Белкина и проинструктировал его. Но если бы мы имели там, в особенности в Йемене, опытного резидента, то можно было бы развить большую работу. Оттуда мы могли бы проникнуть и в Египет, Абиссинию и даже в итальянскую Эритрию, — докладывал Аксельрод.

— Я думаю, нам нужно детально разработать все интересующие нас вопросы в этих странах и послать их в виде инструкции «Живому» для руководства при организации им работы, — предложил я.

— Я вполне с тобой согласен. Вот прочтешь мою докладную записку и увидишь там все, что нужно, — ответил Аксельрод, передавая мне доклад.

Уже половина четвертого. Каждый сотрудник торопливо собирал бумаги со стола и набивал ими свой мешок. Через пять минут мешки были сданы в канцелярию, и мы спускались вниз по лестницам, направляясь в столовую для сотрудников ГПУ. Времени было очень мало, ибо с 5-ти часов каждый чекист имел какую-нибудь «партнагрузку». Каждый из нас должен был или где-нибудь делать доклад, или руководить кружком, или присутствовать на заседании.

Каждый чекист должен быть активным коммунистом.

ГЛАВА XXI.

Продолжение.

Однажды утром Вера Бортновская, радостно запыхавшись, вбежала в комнату с криком: «Товарищи, жалованье выдают, идите получать», и сейчас же исчезла, чтобы скорее занять место в очереди. Она у нас всегда каким-то образом узнавала о всех выдачах. То-ли сукно выдают в кооперативе по талонам, то-ли разыгрываются контрабандные шелковые чулки или парфюмерия, а то раздают бесплатные билеты в театр, Верочка (как ее все называли) узнавала первой и спешила нас предупредить.

Один за другим сотрудники уходили за жалованьем и, вернувшись через короткое время, бросали несколько полученных червонцев на стол. Затем каждый брал клочок бумаги и погружался в сложные математические вычисления. Каждый решал, какие из бесчисленных дыр в его бюджете нужно заткнуть в первую очередь полученными деньгами.

— Да, хороши дела, нечего сказать! Если расплатишься со всеми долгами, то на жизнь до следующей полочки останется десять рублей, — задумчиво сказал Макарян.

— Тебе что, ты по крайней мере был за границей, оделся и наверное у тебя есть, что загнать, а я вот шестой месяц собираюсь купить ботинки и не могу. Не остается ни гроша, — сказал Кеворкян. — Вот читай, — продолжал он, хлопая ладонью по «Правде», — Куйбышев на собрании кричит, что заработная плата сейчас повысилась в два раза против довоенного, а Микоян поет о снижении себестоимости товаров. Легко им трепаться, а вот пусть придут посмотрят на мое жалованье, удвоилось оно или нет?

— Не бузи, Коля, опять в ячейку вызовут, — останавливала Бортновская разошедшегося Кеворкяна.

— Что же, это ты донесешь на меня, что-ли? — спросил Кеворкян, подозрительно смотря на нее.

— Оставь! — прервал я его по армянски, и он, замолчав, принялся за работу.

Вошла одна из девиц, работавших в канцелярии, и подошла ко мне. «Распишись, Агабеков, почта из Константинополя и Геджаса. А вот список желающих ехать в СССР иностранцев, который нужно сегодня же проверить».

— Ладно! — ответил я, расписываясь. Исследовав наружную сторону пакетов и проверив печати, я осторожно обрезал края конвертов ножницами и вынул содержимое. Конверты я возвратил девице, которая отправит их в лабораторию Специального отдела ГПУ, где их исследуют и установят, не были ли они вскрыты в пути.

Константинопольская почта представляла собой не проявленные пленки фотографий в герметически закупоренной коробке, которую я также отправил в лабораторию ИНО для проявления и отпечатки. Геджасский резидент присылал почту в несфотографирован-

ном виде. Просмотрев содержание письма резидента, я передал полученный материал Аксельроду, который занимался этой страной.

Еще немного спустя зашел к нам секретарь Закордонной части Янишевский. — На, читай и распишись, обратился он ко мне, передавая две шифртелеграммы. Телеграммы из Кабула, сообщающие об ухудшении положения эмира Амануллы и о новых успехах Бача-Саккау. Расписавшись на телеграммах, я вернул их Янишевскому.

— В это время зашел сотрудник Дальне-Восточного сектора, помещавшегося в соседней комнате, Герт. Отозванный из Ангоры, он был переведен из нашего сектора в Дальне-Восточный, но, не забывая старых друзей, частенько навещал нас.

— Что ты, тоже телеграммы получил? — спросил он.

— Да, из Афганистана сообщают, что дела Амануллы плохи, — ответил я.

— Теперь уже Афганистан отойдет на задний план. В Китае такие дела разгораются, что и не говори. Наш Фортунатов и Мельников из Наркоминдела вчера всю ночь просидели у «Старика» (Трилиссера), — сказал Герт.

— А что слышно в Китае нового? Еще не думаем занять Харбин? — спросил я.

— Зачем его занимать? И без того наши ребята держат в терроре всю железнодорожную линию до Харбина. Вчера опять наши агенты спустили под откос два китайских военных эшелона, отправленных к нашей границе, и взорвали пороховой погреб, — ответил он.

— Кстати, я пришел к тебе посоветоваться по личному секретному делу. Мне поручено нелегально пробраться с персидским паспортом в Китай. Так как ты советуешь, какую взять фамилию, чтобы подошла под персидскую, — спросил меня Герт.

— Я думаю, тебе подойдет фамилия Якуб-Заде, она наполовину персидская, наполовину еврейская, — ответил я после некоторого раздумья. — А как ты думаешь пробраться в Китай? — спросил я.

— Наши долго думали и решили, что я должен поехать в Америку, а оттуда через Японию в Китай. А каково твоё мнение на этот счет? — в свою очередь спросил меня Герт.

— Что же, путь верный, только очень далекий, — ответил я.

Зазвонил телефон. Секретарь Трилессера сообщил, что меня требуют к себе Трилессер.

— Так мы еще поговорим на эту тему подробнее, — сказал я Герт, собирая бумаги для доклада Трилессеру.

— Не забудь поговорить со «Стариком» о нашем вопросе, — крикнул мне вдогонку Кеворкян, когда я выходил из комнаты.

— Здравствуйте, тов. Агабеков, садитесь, — ответил на мое приветствие Трилессер, закуривая свежую папиросу, — ну, что у вас хорошего? Как там наши работают в Персии?

— Триандофилов и Эйнгорн заняты пока организационной работой и ничего нового от них не поступало, а вот в Афганистане положение серьезное. Сегодня поступили телеграммы, из коих можно судить, что Аманулла не справится с повстанцами, и, по всей вероятности, ему придется бежать в Индию, ибо дороги

к нам и в Персию перехвачены сторонниками Бача-Саккау, — докладывал я.

— Так что же вы предполагаете делать? — спросил Трилиссер.

— По всем поступающим материалам видно, что Бача-Саккау настроен революционно против старой афганской аристократии, поэтому я думаю, что если бы мы смогли послать во время к нему наших советников, то можно было бы, прибрав его к рукам, толкать его на дальнейшие шаги в сторону Индии. Для этого было бы лучшим ходом признать его, как правителя Афганистана, раньше других государств. Этим путем мы бы стали его первыми друзьями и одновременно имели бы возможность беспрепятственно работать. Вместе с тем можно было бы послать нашего резидента к Аманулле, который в случае эвакуации его в Индию поедет вместе с ним и осядет в Индии, или где будет проживать Аманулла. Из остальных претендентов наиболее важным является Надир-Хан, который уже выехал из Франции в Афганистан. В отношении его я пока ограничился заданием в Париж — выяснить, какие связи он имел, проживая там, — ответил я.

— Идея с Амануллой мне нравится. Что касается Бача-Саккау, то я тоже думаю, что к нам он ближе, чем Аманулла, но нужно бы по этому вопросу выяснить точку зрения Наркоминдела. Поговорите там с Цукерманом, а потом еще раз доложите мне, и мы решим, что делать, — сказал Трилиссер.

— Затем у меня вопрос о кавказской эмиграции, — продолжал я. — Положение таково, что при наличии центров кавказских антибольшевистских партий в Париже мы не имеем там работника, который разби-

рался бы в этих вопросах и поставил бы работу по их освещению. Между тем как этим путем мы заранее были бы осведомлены об их планах на Кавказе. Вместе с тем мы попытались бы взрывать эти центры изнутри.

— А кого можно бы туда послать?—спросил Трилиссер.

— Я бы предложил Макарьяна. Он несколько лет сидел на разработке материалов антисоветских партий и хорошо знаком с вопросом.

— Гм, вот что! напишите-ка лучше в Тифлис, пусть они дадут работника для Парижа, так как они больше заинтересованы в этих партиях. Если же у них не окажется подходящей кандидатуры, то тогда мы пошлем своего. Этим путем мы избежим всяких дрызг и склок с Кавказом, — сказал он.

В эту минуту раздался легкий стук в дверь, и из-за портьеры высунулась голова начальника Дальне-Восточного сектора Фортунатова.

— Извините, Михаил Абрамович, я только на минутку. У меня срочное дело, а курьер уходит сегодня в Хабаровск, — сказал он.

— Ну, ладно, заходите, — разрешил Трилиссер, делая на лице гримасу. Он очень не любил принимать сразу двоих по разным делам.

Фортунатов уже довольно пожилой мужчина с брюшком, особенно выделявшемся при его маленьком росте. Маленькая русая борода украшала его вечно красное от злоупотребления алкоголем лицо. Старый член социал-демократической партии, Фортунатов эмигрировал от преследований царского правительства в Китай, где и прожил до начала революции в России. Там он и его сын, ныне также работающий в ГПУ,

изучили английский и китайский языки и, считаясь знатоками китайских дел, теперь руководили Дальневосточным сектором ГПУ.

— Михаил Абрамович, харбинская резидентура сообщает, что у них вышел весь запас взрывчатых веществ. Нужно послать туда денег на приобретение новых запасов. Кроме того, резидент просит денег на приобретение электростанции. В общей сложности требуется 5000 долларов. Разрешите послать деньги с уходящим сегодня курьером, — доложил Фортунатов.

— Странно, а зачем ему там покупать все это? Разве у нас не найдется динамита и радио-станции? — удивленно спросил Трилиссер.

— Есть, конечно, но с переброской получится возня, — возразил Фортунатов.

— А сколько места займет весь этот багаж? — задал вопрос Трилиссер.

— Приблизительно чемодана четыре, — ответил тот.

— Так ведь это же пустяки перебросить четыре чемодана. Зато мы сэкономим 5000 долларов валюты. Не правда-ли? Пожалуйста, сделайте распоряжение приготовить нужные вам чемоданы, — закончил Трилиссер и повернулся ко мне.

Фортунатов с недовольным видом вышел.

— Ну, давайте дальше, — обратился ко мне Трилиссер.

— В седняшней почте из Константинополя Минский прислал заявление «Рида», в котором последний просит разрешения поехать на пару месяцев в Америку. Дело в том, что он проживает по американскому паспорту, по которому он якобы четыре года как выехал из Америки. А по американским законам каждый гражданин Америки должен минимум раз в 5 лет

быть у себя на родине, иначе он теряет гражданство. Поэтому «Рид» и хочет поехать туда. Кроме того, он установил приличные деловые связи в Константинополе и надеется получить в Америке представительства фирм и тем еще более укрепить свое положение купца, — сказал я.

— А сколько это будет стоить? — спросил Трилиссер.

— Он просит на всю поездку 2000 долларов, — ответил я.

— Ну, ладно, — со вздохом согласился Трилиссер, — пусть едет, только напишите ему, чтобы он не смел заезжать в Гамбург, а то у него там жена, и он застрянет надолго.

— Давайте, закончим пока, у меня сейчас заседание коллегии, — сказал Трилиссер, видя, что я собираюсь докладывать дальше.

Я, поспешно собрав бумаги, оставил кабинет.

ГЛАВА XXII.

Карахан и ГПУ.

Я поднимаюсь по лифту на 5-й этаж Наркоминдела в отдел Среднего Востока и вхожу в кабинет заведующего отделом Цукермана. Уже без четверти 11, а в одиннадцать часов назначено заседание у замнаркома Карахана по афганскому вопросу. С Цукерманом мы старые знакомые еще по Туркестану, где он был представителем Наркоминдела. ГПУ к нему относится доброжелательно, ибо он охотно выполняет все наши просьбы. Сам же по себе Цукерман политически никакой ценности не имеет и лишь является техническим исполнителем распоряжений свыше.

У Цукермана же я застал его помощника Славуцкого, с которым мы тоже были старые друзья. В мою бытность в Персии Славуцкий был в Тегеране первым секретарем, а затем остался поверенным в делах. Персию ему пришлось покинуть из-за разыгравшейся склоки между ним и Юрневым (нынешним послом в Вене), и в Москву он вернулся с таким клеймом, что никто не хотел с ним работать. Пришлось его временно назначить в помощники всегда послушного Цукермана.

Спустя немного после моего прихода Цукерман позвонил и, узнав от секюетарей Карахана, что он свобо-

ден, предложил идти к нему, и через несколько минут мы входим в кабинет Карахана.

Кто в Москве не знает Карахана? Кто не знает его автомобиля, еженощно ожидающего у Большого Театра? Кто может себе представить его не в обществе балетных девиц, которые так вошли в моду в последнее время у кремлевских вождей, что даже «все-российский батрак» Калинин обзавелся своей танцовщицей? Карахана, которого девицы считают «душкой», а «вожди» хорошим, но недалеким парнем? ГПУ, имея в Наркоминделе ярого врага в лице Литвинова, поддерживало дружеские отношения с Караханом. «Враги моих врагов наши друзья» — таково было основание дружбы ГПУ к Карахану, который, чувствуя себя бессильным перед третировавшим его Литвиновым, органически его ненавидит и ищет всяческих путей и союзников насолить ему. Однако, несмотря на несомненный талант Карахана к мелким интригам и подсиживаниям, его основное несчастье заключается в том, что он не то, что глуп, а недостаточно умен и выдержан, и я уверен, что в скором будущем Литвинов использует один из его промахов, чтобы окончательно свести Карахана на нет. ГПУ же на его промахи смотрит сквозь пальцы, не желая терять в его лице козыря в борьбе с Наркоминделом, в частности с возглавляющим это учреждение Литвиновым.

Помню, в 1927 году во время советско-персидских переговоров в Москве по заключению торгового договора Карахан совершил следующую оплошность: я, будучи в Тегеране, получал все шифрованные телеграммы персидского посла Али-Гули-Хана о переговорах через свою агентуру и в свою очередь телеграфно сообщал их содержание в ГПУ, а последнее уже пере-

давало их Карахану, чтобы он при ведении переговоров был в курсе политики персидского правительства.

Однажды Источник № 33 срочно вызвал меня на свидание и передал телеграмму Али-Гули-Хана из Москвы, где последний сообщал, что на одном из заседаний в Москве Карахан упрекнул его в неуступчивости и привел текст инструкций тегеранского правительства, рекомендующего итти и на уступки. Али-Гули-Хан просил срочно расследовать и выяснить, откуда большевикам известно о содержании шифрованной переписки персов. Я немедленно телеграфировал Трилиссеру об этом, указав, что легкомысленное отношение Карахана к нашей информации может грозить провалом нашей работы. В ответ ГПУ мне прислало телеграмму, что данный случай был единичной оплошностью со стороны Карахана, которая не повторится. Они просили меня спокойно продолжать работу. К счастью для Источника, премьер-министр поручил вести расследование ему же, и он безболезненно замаял следы карахановской «оплошности».

Выгораживая Карахана, я помню, между тем, как ГПУ требовало привлечения к суду торгпреда в Персии Суховия (который ныне работает зам. торгпреда в Берлине) за то, что он как-то забыл некоторые секретные бумаги в ящике своего письменного стола, в то время как по правилам он должен был сдать их на хранение в секретную канцелярию Торгпредства.

— Мне тов. Трилиссер говорил, что вы имеете новые предложения по Афганистану. Так вот мы бы хотели, чтобы вы их высказали, — сразу обратился ко мне Карахан, как только мы уселись.

— Насколько мне помнится, тов. Карахан, я специальных предложений политического характера не

делал. Я лишь докладывал тов. Трилиссеру сегодняшнюю обстановку в Афганистане, и, на основании имеющихся у нас данных, мы пришли к выводу, что нам нужно предпринять шаги к установлению отношений с Бача-Саккау, который нам может быть более полезен, чем окончательно скомпрометированный в глазах населения Аманулла, — ответил я.

— Что вы скажете на это, Владимир Моисеевич? — обратился Карахан к Цукерману.

— У нас совершенно отсутствует информация о положении в Афганистане, но и по тем косвенным сведениям, что мы имеем, можно сказать, что Бача-Саккау еще не утвердился окончательно на всей территории. Против него Аманулла сосредоточил под Кандагаром 20000-ую армию, имея в тылу родное ему племя Дурани. Южные племена также продолжают воевать против Бача-Саккау. Наконец, имеются предположения, что Бачча-Саккау является ставленником англичан, поэтому, я полагаю, было бы благоразумнее подождать конца событий, — высказался Цукерман.

— Разрешите мне, — попросил я Карахана, и после его утвердительного кивка головой сказал: — Во-первых, должен вам сообщить, что вчерашние сведения из Кабула говорят, что двадцатитысячная армия Аманулла разбита и разбежалась. Кое-какие остатки, бросив амуницию, прибежали в Кандагар и посеяли еще большую панику. Не сегодня-завтра этот город, как и все другие, будет во власти Бача-Саккау. Что касается того, что он английский агент, то, конечно, это абсурд, ибо в таком случае зачем англичане не хотят признавать своего агента на престоле, а, наоборот, допустили, чтобы такой опасный кокурент, как Надир-Хан, проехал через Индию и начал войну с ним. Наконец, из

перехваченных нами английских документов видно, что англичане также отрицательно относятся к Бача-Саккау, как и вы, Владимир Моисеевич. Дальше вы предлагаете подождать с признанием Бача-Саккау. Но пока вы будете ждать, другие могут занять ваше место. Из шифрованных персидских и турецких телеграмм мы знаем, что эти два государства уже начали вести переговоры о признании. Кроме того, наше признание укрепило бы положение Бача-Саккау и дало бы ему возможность спокойно вести борьбу с Надир-Ханом, который как раз и может быть английским агентом, поскольку они пропустили его через Индию, — закончил я.

— А вы знаете, что я предпочел иметь дело с Надир-Ханом, чем с Бача-Саккау, — вдруг заявил Карахан, — и вот почему. Бача-Саккау по национальности таджик и, естественно, имея родственные племена в Туркестане, будет стремиться к агрессии в сторону нашей границы. В то время как Надир-Хан — чистокровный афганец и будет направлять свои усилия в сторону индийской границы.

— Я против такой теоретической постановки вопроса ничего не имею возразить. Разве только, что таджики, к каковому племени принадлежит Бача-Саккау, живут разбросанно, начиная с вашего Туркестана и вплоть до берегов Инда, — возразил я.

— Давайте не будем спорить. Передайте Михаилу Абрамовичу, что я бы хотел иметь от вас записку с изложением всех ваших доводов. В понедельник я буду в Политбюро ЦК и постараюсь поставить этот вопрос на обсуждение авторитетной инстанции (членов Политбюро), — сказал мне Карахан.

Выйдя из его кабинета и попрощавшись с Цукер-

маном и Славуцким, я направился к заведующему Административным отделом Наркоминдела Федорову. Это был еще недавний сотрудник Наркоминдела, «выдвиженец», еще не успевший заразиться бюрократическим духом этого учреждения. Не будучи в курсе порученного ему дела, Федоров боялся всяческих подвохов и для безопасности старался работать в полном контакте с ГПУ, выполняя все наши поручения.

— Вот что, тов. Федоров, — обратился я к нему. — Нам нужно послать одного из наших работников в Константинополь и одного в Тавриз. Какие должности в тамошних консульствах могли бы вы предложить нам?

Федоров стал рыться в списке штатов этих консульств.

— В Константинополе можно предоставить вам еще должность коменданта консульства, ибо одним из ваших работников занята уже должность атташе консульства. А в Тавризе можно устроить делопроизводителем, — ответил он.

— А нельзя ли в Тавризе занять должность секретаря консульства, — спросил я.

— Нет, эта должность там уже занята работником Разведупра, — ответил он.

— Ну, ладно. Так к вам придут товарищи с запиской от меня, и вы, пожалуйста, проведите их по вашим штатам как можно скорее, — попросил я.

— Хорошо, будет сделано, — ответил Федоров.

Возвратившись к себе в ГПУ, я застал поджидающим меня некоего Баратова-Аршака. Он — наш старый секретный сотрудник, работавший под видом уполномоченного Наркомторга в Афганистане и выехавший оттуда ввиду военных событий. Хотя он и коммунист, но «носились слухи», что он на своих заграничных по-

ездах накопил около 25000 долларов, на которые через подставных лиц занимается торговлей.

— Тов. Агабеков, я к вам по делу, — обратился Баратов ко мне в коридоре.

— Заходи ко мне, поговорим, — пригласил я его, и мы вместе зашли в мой кабинет.

— Вчера меня вызвал к себе военный атташе в Афганистане Примаков и предложил записаться в его отряд. Я попросил дать мне три дня сроку, чтобы обдумать его предложение. И вот я хотел бы спросить у вас совета, — сказал Баратов.

— Какой отряд Примакова? — спросил я удивленно.

— Как? Вы разве не знаете, что собирается отряд для отправки в Афганистан? — Получив отрицательный ответ, Баратов рассказал следующее: — Третьего дня состоялось личное свидание между Сталиным и афганским министром иностранных дел. На этом совещании присутствовал также военный атташе Примаков. Обсуждалось положение в Афганистане и было решено, что советское правительство снарядит отряд в тысячу человек, которых переоденут в афганскую форму и перебросят в Афганистан. Официально предводителем отряда будет афганский посол в Москве Гулам-Наби Хан, командовать же отрядом будет Примаков под видом турецкого офицера. И вот в связи с этим решением сейчас идет набор верных и преданных коммунистов, знающих восточные языки. Примаков предложил и мне вступить в этот отряд, — рассказал Баратов.

— Тут, по моему, и раздумывать нечего. Раз ты коммунист, то и должен выполнить свой долг, — сказал я.

— Да, но что мне там делать? Это же будет настоящая война, а у меня жена и ребенок. Зачем мне самому лезть в войну? — ответил Баратов.

— Что значит жена и прочее! Повторяю, ты коммунист и должен жертвовать собой для революции, — сказал я, усмехнувшись. Я знал, что Баратов, как и 90 % всех остальных членов коммунистической партии, просто шкурник, прилипший к революции, как к выгодному предприятию. Скольких я видел коммунистов «Баратовского» пошиба за время своей работы!

— Я готов жертвовать собой, но я не имею права жертвовать судьбой жены и ребенка. Я поставлю условия, чтобы их обеспечили материально на случай моей смерти, и тогда может-быть соглашусь, — рассуждал Баратов.

— Правильно! только смотри, чтобы потом тебя из партии не исключили, — сказал я.

Итак, в то время, как сегодня Карахан рассусоливал о политике в Афганистане, Сталин, оказывается, решил этот вопрос по своему два дня тому назад. Решил единолично. Ни Наркоминдел, ни ГПУ ничего не знали. В порядке личного приказа Сталина военному командованию, красные войска, правда переодетые в афганскую форму, перейдут границу и начнут войну на территории дружественного государства. Без всякого предупреждения. Да и зачем предупреждать? Выгоднее совершить внезапный налет. И где же происходит этот акт единоличия, единовластия? Не в царской России, а в СССР. В стране, где творит «коллективная воля». Где каждый мало-мальски видный вопрос должна обсуждать пролетарская партия. Рабочий класс. Сталин вопрос о войне решил один. Что еще нужно, чтобы быть диктатором?

ГЛАВА XXIII.

Англо-американский отдел ГПУ.

Положение на восточной границе СССР принимало все более угрожающий характер. В то время, как на границе с Китаем красные части, захватив пограничные станции В.-Китайской ж. д., успешно уничтожали китайцев, в Туркестане, наоборот, несколько бухарских отрядов, пробравшись в Туркестан, на советскую территорию, успешно оперировали против немногочисленных гарнизонов.

Решено было организовать при полномочном представительстве ГПУ в Ташкенте специальное Иностранное отделение, которое, будучи расположено ближе к границам, могло бы быстрее использовать получаемые от заграничной разведки сведения. Начальником этого отделения был назначен Борисовский-Мельцер, заведывавший Англо-Американским сектором ИНО ГПУ. Мельцер, побывавший резидентом ГПУ в Берлине, Константинополе и Тегеране, показал себя неспособным к работе и вместе с тем чрезвычайно способным к увеличению собственного благосостояния. О привезенных им в Москву десятках чемоданов, наби-

тых всем необходимым, знали все сотрудники ГПУ, и все-таки начальство не только не увольняло его, но, наоборот, ценило. Это объяснялось тем, что Мельцер был законченным типом подхалима-чиновника. Вечно лебезивший начальству, никогда не затруднявший свой мозг обдумыванием того или другого вопроса, а руководствовавшийся мнением начальства, всегда послушный и исполнительный, он был тем завершенным типом, в каковых превратились многие коммунисты в партии и в ГПУ. Мельцер был ярким экземпляром результата сталинской политики диктатуры и удушения мыслей, не зарегистрированных в канцеляриях центрального аппарата партии. Вот почему его и назначили в Ташкент.

Высокий, крупный мужчина с красным жирным лицом и редющей жиденькой прической, Мельцер ходил в военной форме с двумя ромбами на воротнике.

Трилиссер предложил мне принять от него дела до приезда из Америки Чацкого, который был там резидентом ГПУ при Армторге. Сдавая мне дела, Мельцер буквально через каждые пять минут звонил по телефону к себе на квартиру по какому-либо кухонному вопросу.

— Вот тут у меня. тов. Агабеков, две папки: по Англии и Америке, — начал Мельцер, приступив к сдаче дел. — В Англии, как ты знаешь, после разрыва дипломатических сношений, мы не имеем резидента. Вся наша агентура в Лондоне, законсервированная после разрыва, за эти два года окончательно распалась. Но основное в Англии, это Источник Б/3, которого мы сохранили. От него мы получаем копии докладов английских послов за границей. По этим докладам мы можем судить о внешней политике Англии и о внутрен-

нем положении тех стран, в которых находятся английские представители. Б/З — чрезвычайно важный и ценный источник, и поэтому мы очень осторожны с его материалами. Получаемые от него документы ты должен посылать только для сведения Сталину, Чичерину, Ворошилову и Молотову. В другие же адреса их рассылать не следует, ибо это может привести к провалу источника. О внутреннем положении самой Англии мы имеем сведения из Парижа от источника, передающего нам доклады бывшего царского посла в Лондоне Саблина, посылающего свои донесения Гирсу в Париж. Саблин, проживая в Лондоне, прекрасно ориентируется во внутреннем положении Англии. Между прочим, сейчас он пишет о предвыборной кампании в Англии. Этот вопрос чрезвычайно интересует Сталина и Молотова, и имеется распоряжение поступающие доклады Саблина немедленно пересылать им. На новых выборах ожидается победа рабочей партии, после чего, конечно, сейчас же последует признание СССР. Тогда мы опять сможем восстановить нашу резидентуру в Лондоне.

— А вот это агентурное дело «Цепочка», — продолжал Мельцер, передавая мне бумаги, — один из белоэмигрантов, работая осведомителем нашей резидентуры в Берлине, связался с представителем английской разведки в Риге и пытается влезть к нему в аппарат. Чтобы заслужить доверие англичан, он передал ему ряд фальшивых документов и докладов о положении в СССР, которые сфабриковало наше КРО. Мы в этом деле — лишь передаточная инстанция, а все дело ведет КРО, поэтому тебе нужно держать связь с начальником 5-го отделения КРО Петнюном, — рассказывал мне Мельцер.

— Ладно, а что это такое? — спросил я, показывая лист бумаги, написанный по-английски.

— Ах да, это заявление одного бывшего английского офицера разведки, предлагающего нам свои услуги. Он живет в Копенгагене и подал это заявление нашему послу. Мы пока дали задание выяснить его личность и проч. Когда придет ответ, ты увидишь, что нужно делать, — ответил Мельцер.

— Теперь перейдем к Америке, — сказал Мельцер, раскрывая новую папку. — Резидентом в Америке является тов. Чацкий, который официально состоит сотрудником Амторга. Основная наша задача в Америке — это подготовка общественного мнения к признанию СССР. Это задача огромной важности, так как в случае удачного исхода мы бы наплевали на всех. Если бы Америка была с нами, то во внешней политике мы меньше считались бы с Англией и, главное, с Японией на Дальнем Востоке. А в экономическом отношении это было бы спасением, ибо в конце концов все капиталы сконцентрированы в Америке, — рассказывал Мельцер.

— Все это можно найти в передовой «Правды», скажи лучше, каковы результаты нашей работы, — спросил я.

— О, результаты прекрасные. Амторг укрепил свое положение и развил большую торговую деятельность. Пользуясь торговыми связями, Чацкий ведет большую кампанию в пользу нашего признания. Доклады Чацкого сейчас находятся у Трилиссера. Он их взял для доклада в ЦК. Из них ты ознакомишься с подробностями.

— Второй задачей Чацкого является добыча американских паспортов. Ты знаешь, что значит амери-

канский паспорт за границей, в особенности на Востоке. Это все. С таким паспортом можно ехать куда угодно. Почти все работники Коминтерна разъезжают по паспортам присланным Чацким. Наш «Рид» тоже поехал с американским паспортом.

— Это все по Америке? — спросил я.

— По нашей линии все. Но Чацкий, кроме того, является представителем Коминтерна в Америке. Ему приходится поддерживать связь не только с коммунистами Соединенных Штатов, но он уполномочен и на Мексику. Все деньги и инструкции Коминтерн передает нам, и уже мы пересылаем их Чацкому в Амторг. Эта работа отнимает у него много времени и вместе с тем стесняет вести чисто разведывательную работу. Но зато в компенсацию за это мы получаем богатый материал об Америке из Коминтерна, агентура которого прекрасно работает, — закончил Мельцер.

Я складывал переданные мне папки и думал о том, что ГПУ правильно поступило, переводя свои резидентуры на нелегальное положение. Иначе в случае малейшего конфликта работа распадается. Примером является Англия, где вся трехлетняя работа ГПУ через короткое время после разрыва дипломатических сношений развалилась. В Америке Чацкий из Амторга не может вести работы, а зато агенты Коминтерна, будучи на нелегальном положении, ведут усиленную работу и не только в своем районе, а повсюду, куда их направит Коминтерн.

Нужно и в ГПУ окончательно перейти на нелегальный метод работы.

ГЛАВА XXIV

В центральной контрольной комиссии

Я был делегирован представителем ГПУ при Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б). Каждый раз, как там должны были разбираться дела провинившихся за границей коммунистов, меня заранее уведомляла следователь ЦКК пограничным делам Штальберг.

Это та самая Штальберг, которая девять лет тому назад работала членом коллегии Губчека в Екатеринбурге и самолично расправлялась с приговоренными к расстрелу. Тогда она была молодой, худощавой блондинкой. Сейчас она значительно пополнила и выглядела старше. Только выражение лица осталось прежнее: тупое, жесткое, упрямое. Вчера она мне позволила, что сегодня в 10 утра состоится очередное разбирательство дел, и, хотя еще не было 10-ти, я поднимался по лестницам здания ЦКК на Ильинке.

— А, здравствуй, Агабеков, вот просмотри список дел, которые сегодня будут разбираться, — встретила меня Штальберг, передавая список. — В старое время я бы их всех просто приговорила к расстрелу, а

сейчас приходится с ними цацкаться да разбираться, — добавила она со злобой.

Я знакомился с бумагами, а Штальберг что-то писала, подготавливая дела к заседанию. Но вот раздался телефонный звонок, и нас пригласили в комнату заседаний.

На этот раз председательствовал член ЦКК — Коротких. Он в самом деле короткого роста пожилой мужчина с давно небритым, болезненно-желтым лицом. Сегодня он был особенно не в духе и бросал вокруг себя недовольные взгляды. По правую сторону от него сидел один из секретарей ЦКК, горбатый, с лицом явного преступника, а по левую один, если так можно выразиться, из присяжных заседателей. Я со Штальберг заняли места на противоположном конце стола. Сейчас же вслед за нами вошла служанка с подносом, установленным стаканами с чаем и булочками. Это для заседающих.

— Ну, зови по очереди, — предложил Коротких секретарю.

Первым вошли председатель Русперсбанка в Тегеране Мерцц и его секретарь Аралов. Обвиняющим являлся Аралов, привлечший своего председателя к партийному суду за его беспричинное откомандирование из Тегерана. Сущность дела заключалась в следующем: Мерцц, будучи председателем советского банка, жил на широкую ногу. Имея в своем распоряжении деньги и власть, он пользовался ими для своего личного удовольствия. Служащих банка, в особенности женщин, он принимал по собственному выбору и заставлял последних сожительствовать с ним. Покорным девицам он увеличивал жалованье и выплачивал сверхурочные, а непокорные увольнялись. В распоряжение

своих сожительниц он передал автомобиль банка и из банковских же сумм оплачивал их квартиры.

Заподозрив своего секретаря Аралова в том, что тот состоит секретным агентом ГПУ (хотя Мерц и сам состоял секретным информатором ГПУ) и что, наблюдая за ним, Аралов доносит о его проделках в ГПУ, Мерц решил от него избавиться. Случай для этого скоро представился. В банке возник пожар, и при перевозке ценностей исчезли на миллион долларов уже аннулированные акции. Воспользовавшись этим случаем, Мерц обвинил в пропаже акций Аралова и, заручившись поддержкой полпреда Давтяна, откомандировал под благовидным предлогом Аралова в Москву. Так докладывала сущность дела следователь Штальберг.

Мерц, в обычное время высокомерный и гордый, слушая Штальберг, сидел весь съежившись, с покрасневшим лицом.

— Скажите, тов. Мерц, каково ваше социальное происхождение? — спросил Коротких, хотя он об этом мог прочитать в лежавшей перед ним анкете.

— Я из дворян, — ответил Мерц, еще больше потупившись.

— А в других партиях не состояли? — продолжал допрашивать Коротких, Мерц ответил отрицательно.

— Он в родственных отношениях с Бухариным и часто хвастался, что ему никто не страшен, ибо в Кремле его поддержат, — вставил Аралов.

— Товарищ, не вмешивайтесь, когда вас не спрашивают, — оборвал его Коротких. (Это было еще в то время, когда партия не имела приказа Сталина травить Бухарина).

— Ну что же, вы можете идти, — отпустил обоих председатель.

— Товарищи, — начал Коротких, после того как дверь за Мерцом и Араловым закрылась. — Конечно, Мерц дворянин и что-то такое там напутал, но по моему тут нужно дело отложить и запросить Николая Ивановича (Бухарина). Посмотрим, каково его мнение о Мерце. Возражений нет? — спросил он.

Все наклонили головы в знак согласия. Иначе не могло и быть. Мерц являлся родственником одного из вождей и идеолога партии — Бухарина, значит, его пребывание в партии должно зависеть от Бухарина. Мне вспомнился случай, когда я сам, подравшись с послом в Кабуле Старком, попал в качестве обвиняемого в ЦКК. Тогда председательствовал на заседании сам Сольц. Рассматривая мое дело, он вынес мне оправдание. Но не потому, что я был прав, а потому, что в ЦКК был дан хороший отзыв обо мне заместителем председателя ГПУ Трилиссером.

Секретарь позвал следующего обвиняемого. Это был представитель Текстильсиндиката в Ревеле. Среднего роста и средних лет, он спокойно, как могут быть спокойны люди с чистой совестью, вошел в комнату и занял предложенное место. Его обвиняли в том, что он закупил на полмиллиона рублей мануфактуры, которая при экспертизе в Москве оказалась гнилой и разваливалась при первом прикосновении.

— Так это вы, товарищ, купили гнилье и прислали в Москву. Это так вы бережете заграницей советские трудовые рубли? Всадили полмиллиона рублей на дрянь, да еще перевозили ее. Где же были ваши глаза? — ругал его Коротких.

— Мои глаза были на месте и я, покупая, знал, что товар гнилой, тов. Коротких, — спокойным голосом ответил синдикатчик.

— Знали, а зачем же тогда покупали? — уже удивленно спросил Коротких.

— Потому что мне приказали купить наши Полпредство и Торгпредство. Они мотивировали свой приказ какими-то политическими соображениями. Вот, пожалуйста, их письменное распоряжение, — сказал он, кладя на стол бумаги.

— Ну, вы эти бумажки приберегите для оправдания в вашем синдикате, а здесь они ни к чему. Рабочий, который покупал в кооперативе присланное вами гнилье, ругает советскую власть на чем свет стоит. Там, перед ними вы со своими бумажками не оправдаетесь. Они определенно будут считать ваш поступок контр-революционным. Идите: — сердито закончил Коротких.

Синдикатчик, ошарашенный и недоумевающий, встал и покинул комнату.

— Строгий выговор с предупреждением: — приказал Коротких секретарю.

Позвольте, тов. Коротких, ведь парень то не при чем. Ему приказало высшее начальство купить гнилье из-за каких-то соображений, он и купил. А если бы он не исполнил приказа, то опять виноватым был бы он. По моему, уж если привлекать к партийному суду, то во всяком случае не его, а тех, кто приказывал покупать, — вмешался я.

— А ты помалкивай, тов. Агабеков! Ты еще молод! От выговора он не умрет, а наоборот подтянется и будет работать осторожнее. Что касается приказа свыше, то на то он и коммунист, чтобы не исполнить

вслепую приказы, а подумать над ними и, если они ему кажутся преступными, то донести куда следует, — оборвал меня Коротких. — Давай, зови следующего, — обратился он уже к секретарю.

Вошли опять работники в Персии, уполторгпреда Туманов и заведующий банком в Тавризе Ганелин. Эти ответственные работники, которые по своему положению должны были защищать экономические интересы СССР, как видно было из доклада следователя, сами же закупали продававшиеся за бесценнок червонцы за границей и всяческими путями отправляли их для реализации в СССР.

— С какого года вы член партии и какую партийную работу несли за последнее время, — спросил Коротких заведующего Банком.

— Я член партии с 1917 года. В Тавризе последние месяцы был секретарем партийной ячейки, — ответил Ганелин.

— Так, так. Значит, вы как секретарь ячейки агитировали на партийных собраниях за поднятие курса червонца. Призывали к жертвам для стабилизации стоимости рубля, уговаривали подписаться на внутренние займы, а сами в это время втихомолку скупали на базаре по дешевке червонцы и контрабандным путем отсылали их в СССР. Так что ли? — обратился председатель к Ганелину, который сидел, опустив голову. — Ну ладно, вы свободны, можете уходить. — Ганелин вышел.

— А вы товарищ, с какого года в партии? — спросил председатель у уполторгпреда.

— С 1907 года, — ответил равнодушным голосом Туманов.

— Что же вы товарищ, 22 года в партии работаете? наконец, вы сами уполторгпред, который должен наблюдать за интересами нашего хозяйства, нашей валюты, а вот сами же нарушаете постановление советской власти.

— Я не нарушал никаких постановлений, ибо когда я посылал червонцы, еще не было постановления Совнаркома о запрещении ввоза их в СССР, — ответил уполторгпред.

— Значит вам, старому большевику, нужны были постановления, циркуляры... Вы уже не можете жить без циркуляров. Так ведь у нас еще нет циркуляра, запрещающего красть и может-быть вы в ожидании такового и крадете? — уже кричал Коротких. — Можете итти, нам больше не о чем говорить.

Заведывающего банком исключили из партии, уполторгпред, как старый большевик, отделался строгим выговором.

Следующим вошел молодой латыш (фамилию забыл), приехавший из Берлина, где он работал в каком-то хозяйственном учреждении. О нем резидент ГПУ в Берлине прислал сведения, как о человеке, который будучи за границей беспробудно пьянствовал и проводил время с женщинами.

— Что же вы думаете, товарищ, партия послала вас работать или же развратничать? Каким примером стойкого борца и коммуниста могли вы быть в глазах западного пролетариата? — набросился на него Коротких.

— А кто вам сказал, что я пьянствовал и развратничал? — спокойно в свою очередь спросил латыш. — Я правда немного пью, но не больше чем другие наши партийцы и не могу считать себя пьяницей. А насчет

женщин, извините, я женат и ни с какими другими женщинами не знался. Откуда у вас такие сведения обо мне?

Коротких молчал. Сведения были получены из ГПУ в секретном порядке и он не мог, не имел права выдать источник информации.

— Так, так. Значит, вы не пьянствовали. А что же вы там в Берлине делали? — растерянно спросил Коротких.

— Работал как и все другие сотрудники. Если вас интересует моя работа, можете навести справки у моего начальства.

— Ну мы без вас знаем, где наводить справки. Можете уходить! — уже рассердившись сказал Коротких.

Зубастый парень, чорт его подери, — сказал Коротких, когда латыш вышел.

— А вы там в ГПУ, уж если даете материал, так давайте и факты. А то, что это такое? Вызвали человека из Берлина, а его и спросить не о чем. Зря деньги бросаем на разъезды, — обратился он в мою сторону.

Заседание ЦКК продолжалось в том же духе до 5-ти часов дня. Суд и расправа тут короткая, как убедился читатель. Несколько вопросов выжившего из ума старика-председателя и человек мог потерять партийный билет. А потеря партийного билета в СССР значит потерять все — работу, квартиру, продовольственную карточку и благонадежность. Кодексом законов в ЦКК служат последние директивы партийного аппарата. ЦК постановило на съезде сократить членов партии непролетарского происхождения или выходцев из других политических партий и ЦКК, придираясь к

каждому пустяку, выбрасывает из партии таковых. Только личные связи могут спасти от исключения. Имея за собой сильную руку, как например Мерц имел Бухарина, можно безнаказанно делать все, что угодно.

ЦКК — это прекрасно выдрессированный аппарат Сталина, посредством которого он морально уничтожает своих врагов и нивелирует партийный состав в нужном ему направлении.

Физически же добивает Сталинское ГПУ.

ГЛАВА XXV

Сталинская авантюра войны

Организация экспедиции переодетых советских войск в Афганистан, как известно, состоялась. 800 отборных красноармейцев-коммунистов, переодетых в афганскую форму и вооруженных большим количеством пулеметов и артиллерии, были сконцентрированы на берегу Аму-Дарьи под городом Термез и готовились к переправе через реку. Все баржи, каюки, моторные лодки со всей реки были пригнаны туда же для переправы войск. Ранним утром эскадрилья из 6-ти аэропланов, нагруженных бомбами и с установленными пулеметами, поднялась с Термезского аэродрома. Взяв высоту, аэропланы направились к противоположному берегу реки, где находился афганский пограничный пост Патта-Гиссар, охраняемый полсотней афганских солдат. Услышав шум моторов, афганские солдаты выбежали из своих шалашей поглазеть на аэропланы, которые, как они думали, направлялись в Кабул. Но они ошиблись. Аэропланы, сделав развернутым фронтом два круга, снизились над постом и внезапно пулеметный сильный дождь стал поливать несчастных солдат. Несколько брошенных бомб на

глиняное здание поста частью убили, частью похоронили под развалинами остальных. Только двое оставшихся в живых добежали до соседнего рабата Сня-Герт (в 20 верстах от границы) и передали ужасную весть. Все было сделано в течение десяти минут.

В это же время красноармейский отряд, спокойно погрузившись на лодки и баржи, переправлялся на афганский берег. Гарнизон Сня-Герта в 100 сабель быстро бросился к Патта-Гисару для выяснения положения, но в пяти верстах от берега был встречен пулеметным огнем отряда и уничтожен. На следующее утро красная армия была уже под стенами города Мазари-Шерифа. Дальше предоставляю читателю слушать очевидцев этой авантюры:

Пришел ко мне в ГПУ приехавший в Москву советский генеральный консул в Мазари-Шерифе. Он был сотрудником Ташкентского ГПУ, и по нашему настоянию был назначен наркоминделом в консулы.

— Ну расскажи, как вы там дрались с Бача-Саккау? — спросил я его.

— Ах, не напоминай мне про это грязное дело. Я никогда в жизни не был в таком безвыходном положении, как в Мазари-Шерифе. Представь себе, меня никто не подумал предупредить, и я абсолютно ничего не знал о готовящейся интервенции. И вдруг однажды ночью меня разбудил слуга и сказал, что пришли люди от губернатора, который просит меня немедленно притти к нему. Я был удивлен этим ночным приглашением, но все таки оделся и поехал. По дороге я увидел, что на улицах повсюду бежали солдаты с винтовками; кое где стояли конные туркменские отряды. Во дворе у губернатора я нашел целый военный лагерь. Я никак не мог понять, в чем де-

ло, и делал в уме десятки предположений. Меня встретил взволнованный губернатор Мирза Касым-Хан, с которым у меня наладились хорошие отношения.

— Что же вы, господин консул, все время уверяли меня в ваших дружественных отношениях к Афганистану, а на самом деле ваши аэропланы и войска нападают на наши посты, — сказал раздраженно губернатор.

— Это наверно случайность, недоразумение какое-нибудь, если на нашей границе что-нибудь произошло, ответил я, думая, что дело идет об обычном пограничном инциденте, — вы мне пришлете завтра ноту, и я напишу в Ташкент, чтобы там разобрались, — ответил я.

— Какое там случайное недоразумение, когда ваши войска заняли уже Сия-Герт и наступают на Мазари-Шерифе, — кричал губернатор. — Двести наших солдат перебиты, а вы говорите недоразумение.

Я слушал его обалдевший и не знал, что ответить. Наши начали войну с афганцами, а меня не предупредив, оставили здесь среди этих диких туркмен. Чорт знает что со мной они теперь сделают, — думал я про себя.

— Я сейчас же командирую курьера к границе узнать, в чем дело. Я уверен, что тут очевидно недоразумение, — сказал я и поспешил покинуть губернаторский дом. На обратном пути в консульство меня сопровождали откуда-то взявшиеся шесть джигитов, что еще больше убедило меня в том, что они меня будут держать в качестве заложника.

Вернувшись в консульство, я сейчас же сел составлять доклад о моей беседе с губернатором. Было уже часа четыре утра. Начинало рассветать. Вдруг ночную

тишину огласил артиллерийский залп и вслед за тем пошла пулеметная трескотня. Я приказал запереть ворота консульства и вывесить наш флаг. Стрельба продолжалась часа два, все более приближаясь к городу. Изредка бухали орудийные выстрелы. Наконец раздался еще один орудийный залп и вслед за ним раздалось громкое «ура». Как я узнал потом, наши выдвинули орудия в упор городским воротам и одним залпом разбили их вдребезги. Пехота бросившаяся в город, забыла, что ей нужно было играть роль афганцев и пошла в атаку с традиционным русским «ура». К восьми часам утра все было кончено. Город был занят отрядом, а афганцы частью бежали в сторону Таш-Кургана, а частью укрылись в ближайшей крепости Балх. После обеда я пошел в штаб отряда к афганскому послу в Москве Гулам Наби-Хану. Там же я встретил военного аташе Примакова, который пригласил меня пройтись по городу. Вместе с ним мы также посетили городские стены, которые по старинному образцу имели бойницы. Все они были изрешетены пулеметным огнем. Повсюду еще валялись неубранные трупы афганцев, в особенности у разбитых городских ворот, где кучами лежали изуродованные артиллерийским огнем защитники города. По приблизительному подсчету при взятии Мазари-Шерифе число убитых афганцев насчитывалось около 3000 человек. Число потерь красной армии составляло единицы.

Вот что рассказал мне советский генеральный консул.

Другим очевидцем этой бойни был нелегальный представитель Разведупра в Мазари-Шерифе, некто Матвеев.

— Да, операция была проведена чрезвычайно грубо, — рассказывал Матвеев, — несмотря на то, что по отряду было отдано распоряжение по-русски не разговаривать, после занятия Мазари-Шерифе на улицах сплошь и рядом раздавалась русская брань. Наши аэропланы самым бесцеремонным образом, даже не закрасив звезд на крыльях, ежедневно совершали полеты в районе противника и бросали бомбы. Не исключена возможность, что кто-нибудь из иностранцев сумел сфотографировать эти картины и тогда нам трудно будет отговориться.

— Особенно ужасные картины наблюдались после взятия Мазари-Шерифе, когда отряд двинулся на Таш-Курган и дальше. Мне, как военному представителю, пришлось также присоединиться к отряду. Из Мазари мы выступили на следующее утро после его взятия и уже через два дня заняли Таш-Курган без всякого боя. Всех попадавших по пути отряда жителей тут же пристреливали, чтобы они не могли предупредить о нашем движении. Благодаря этой тактике о нашем наступлении в Кабуле стало известно лишь на седьмой день после взятия Мазари-Шерифе. Оттуда срочно был выслан против нас 3000-ный отряд во главе с военным министром Сеид-Гусейном. Мы их встретили уже за Таш-Курганом, недалеко от Гейбака. Подпустив афганцев на дистанцию пулеметного огня, мы сразу открыли ураганный огонь. Прицелы были взяты заранее. Люди валились, как скошенные. Через полчаса отряд Сеид-Гусейна бросился вспять и забегал в горное ущелье. Тут мы их стали крошить артиллерийским огнем. Из 3000 спаслись не больше тысячи. Мы без остановки продолжали двигаться дальше. Трупы убитых никто не убирал. Когда мы через

десять дней возвращались той же дорогой, трупы еще лежали полуразложившимися. Да, нужно сказать, наши ребята умеют стрелять, и мы бы в неделю добрались до Кабула, если бы Аманулла продержался в Кандагаре, — закончил Матвеев, с сожалением в голосе.

Это рассказывал военный, побывавший не раз на фронтах. Даже его поразила жестокость расправы с ним в чем неповинными афганцами. А вот что рассказал о настроениях афганцев в тот период мой старый знакомый по Кабулу Фридгут, бывший в то время советским консулом в Маймене.

— Я выехал из Керков к месту назначения в Маймене. Ехали мы верхом девять дней, останавливаясь в редко попадавших в пути кишлаках. Население отзывалось о новом эмире Бача-Саккау доброжелательно. В особенности за отмену налогов на землю его расхваливали крестьяне. Муллы также являлись его ярыми сторонниками и отзывались о Бача-Саккау, как о восстановителе подлинной мусульманской религии, которую чуть не уничтожил своими реформами Аманулла. Вместе с тем никто, даже правительственные чиновники, не верили в прочность новой власти и ожидали каких-то перемен.

Однажды пришел ко мне наш повар консульства и говорит: — Саиб, я покидаю службу у вас, так как меня назначили начальником местного гарнизона. Только пожалуйста, не принимайте пока на мое место друго́во повара. Может быть все опять переменится, и я с удовольствием опять приду работать для вас. Я ему обещал, что место повара в консульстве будет числиться за ним еще месяц.

Однако, постепенно новые правительственные чи-

новники, набранные из мелких лавочников и ремесленников, начинали привыкать к власти и входить во вкус. Они начали подражать в своих привычках старым чиновникам и сводить личные счета со своими врагами.

Лавочник, назначенный уполномоченным министерства Иностранных Дел, однажды встретив консульского слугу на базаре, кричит ему.

— Эй, Вали Мамед, передай консулу, чтобы он приготовил сегодня чай, так как я приду с визитом. — Он где-то слышал, что на приемах у консула угощают чаем и печеньем.

Население к русским относилось очень хорошо, но когда до Маймене дошла весть, что советские войска проникли в Афганистан, то все, как один, решили идти на помощь правительству, чтобы изгнать неверных из родной страны. Начались спешные приготовления отрядов... но выступить не пришлось. Красные войска дошли только до Гейбака. В Москве Сталин, получив известие, что Аманулла, оставив Кандагар, ушел в Индию, распорядился немедленно вернуть назад отряд. Возвращаясь через Мазари Шерифе, красные войска не забыли захватить с собой весь каракуль, имевшийся в наличии в складах этого города. Это была компенсация за расходы, понесенные советской властью по организации экспедиции. За время похода было 120 человек убитых и раненых в отряде и перебито до восьми тысяч афганцев.

Эта авантюра была предпринята Сталиным весной 1929 года, т. е. в середине второго года пятилетки, долженствующей привести СССР к социализму, к экономическому благосостоянию рабочих и крестьян.

Пусть каждый рабочий, каждый крестьянин спросит Сталина, зачем ему нужно было втайне от народа и правительства поддерживать короля Аманулли — представителя помещиков и капиталистов, против носителя крестьянских чаяний — Бача-Саккау. Пусть спросят, на каких условиях Сталин согласился восстановить Аманулли на троне? Зачем он скрыл эту авантюру от советской власти. Не говорит ли это, что Сталин может готовить или уже готовить еще какую-нибудь авантюру за спиной трудящихся Советской России.

ГЛАВА XXVI

Вожди чистят ГПУ.

Уже больше месяца, как московская «Правда» начала вести подготовительную кампанию к предстоящей проверке и чистке Всесоюзной Коммунистической Партии. Ежедневно усердные хранители чистоты партии помещали в газетах статьи с рецептами, как чистить партию, чтобы вычистить всех, кто ей не угоден. На всех собраниях и заседаниях также дискутировался вопрос о методах чистки. Почти все ГПУ было занято подбором и подготовкой материалов компрометирующих того или иного члена партии. Сотрудники, встречаясь, говорили только о предстоящей чистке. Каждый только и думал о ней.

Иностранный Отдел ГПУ также не являлся исключенным и был взбудоражен предстоящим событием. Сотрудники нервничали, не зная как, с какого конца начнется чистка. Нормальная работа отдела нарушилась. Однажды утром, придя на службу, я застал Кеворкяна, сидящим над кучей книг по политике, экономике и истории партии, из которой он старательно делал выписки.

— Чем это ты занят, Коля? У тебя доклад что-ли? — спросил я.

— Какой там доклад! Он готовится к чистке, как к экзамену в институте. Боятся, что его срежут, — насмешливо ответил за него Макарьян.

— Да, конечно, боюсь! Читал ты вчерашний номер «Правды»? Пишут, что нужно во время чистки обратить особенное внимание на непролетарский элемент и на выходцев из других партий, — обратился Кеворкян к Макарьяну. — А ты не боишься, что ли? Небось, каждый вечер зубришь дома политграмоту.

— Я думаю, что главное внимание во время чистки будет обращаться не на знания, а на то, насколько активен и полезен, как коммунист. Ну, конечно, и социальное происхождение будет играть роль, — сказал я.

— Какой там! Вчера мне ребята рассказывали, как идет чистка в Комакадемии. Задают самые заковыристые вопросы по всем отраслям марксистской литературы, ответил Кеворкян.

— Ну, то в Академии, на то они и учатся, чтобы знать. А по моему, там их просто прощупывают, чтобы выяснить, нет-ли у члена партии какого-либо уклона, — заметил Макарьян.

— Как все-таки странно, — сказал после некоторого раздумья Кеворкян, — сегодня ты член коммунистической партии, авангард мировой революции, борец, ответственный работник ГПУ, а завтра тебя за какую-нибудь ерунду исключат из партии, выгонят со службы и ты попадешь в ряды обывателей, а то и в ряды контр-революционеров.

— Будь спокоен, без серьезного повода не исключат, — сказал я.

— Что значит, не исключат! Все в руках ЦКК. Не даром говорят, что самый знаменитый химик в СССР — это Сталин. Он может из человека сделать г..., как он сделал с Троцким, и из г... человека, как он сделал из Микояна, — ответил Кеворкян.

День чистки в ГПУ приближался. Откуда-то сотрудники уже знали, что членами комиссии по чистке ГПУ будут члены ЦКК Сольц, Трилиссер и Филер. Узнали, что эта комиссия уже два раза заседала в кабинете Трилссера и просматривала личные дела сотрудников. Что они уже выписали список лиц, подозрительных в партийном отношении. Настроение работников ГПУ становилось все напряженнее. Каждый про себя перебирал свои прошлые грехи и думал о своей судьбе. В конце концов вопрос партийности помимо всего был вопросом хлеба, вопросом работы, ибо будучи исключенным из партии, сотрудник должен был потерять и службу. Кто был опасен и вреден для партии, тот естественно был опаснее и вреднее в ГПУ, этом органе диктатуры ЦК партии, где сконцентрированы все секреты государственной жизни. Характерно отметить, что уволенных из ГПУ работников ни в какие другие учреждения не принимают. И вот почему. Во-первых, руководители разных учреждений думают, что раз человек служил в ГПУ, то у него остались там связи, которых он будет информировать о недочетах учреждения. В результате аресты, неприятности. Затем, может быть, ГПУ нарочно демонстрировало увольнение, чтобы сильнее законспирировать работника, что часто практиковалось. Наконец, если ГПУ уволило своего работника, то оно же само препятствует поступлению его на другую службу. Чекиста в результате все избегают иметь на службе.

Наконец был объявлен день проверки и чистки ГПУ. Комиссии должны были заседать сразу в нескольких отделах. В Иностранном отдела комиссия состояла из члена ЦКК — Филера, начальника Транспортного отдела — Благоднарова и какого-то красного профессора (фамилии не помню). Заседание устроили после занятий в одной из больших комнат Иностранного отдела. За столом расположился Филер, седой высохший и разлагающийся старик лет 65-ти. Оде-тый подчеркнута в грязные рубища, он с самого нача-ла заседания недоброжелательно поглядывал на со-трудников ИНО, в большинстве побывавших заграни-цей и сносно одетых. Благоднаров и профессор сиде-ли по сторонам Филера. Напротив комиссии сели мы, сотрудники, на скамьях и стульях, собранных со всех комнат отдела.

Заседание открыл Филер, прошамкав маленький спич о значении и задачах чистки партии. В первую очередь должны были проверяться сотрудники, наме-ченные к срочной отправке за границу. Началась чи-стка просто и без перебоев. Вызванный рассказывал свою автобиографию, в то же время комиссия следила по его личному делу за правильностью рассказа. За-тем, председатель обращался к остальной аудитории, спрашивая, нет-ли у них вопросов к проверяемому. Причем характерно, что первое время все хором отка-зывались ставить вопросы. Каждый думал о своем, о себе. Он боялся, что если он будет расспрашивать, то когда придет его очередь, остальные также могут засыпать вопросами. Получалась какая-то, с молча-ливого согласия, круговая порука. Но картина начала меняться, как только первые два десятка прошли про-верку. Им уже нечего было стесняться задавать во-

просы и чем дальше, тем вопросы становились чаще.

Чистился помощнич нач. ИНО — Горб. Из его рассказа видно, что он был до 1919 года левым эсером на Украине и, сражаясь в рядах Красной Армии, тогда еще был захвачен в плен гетманом Скоропадским.

— Странно, как ты остался жив, когда в то время гетманцы расстреливали всех большевиков, а евреев в особенности, — задал вопрос кто-то из публики.

Горб стал путанно рассказывать о женщине, которая якобы его спасла в то время от расстрела. После еще нескольких дополнительных вопросов его объяснения с натяжкой признают удовлетворительными и он проходит чистым.

Вызвали личного секретаря Трилессера Лебединского. Крепкий здоровый латыш, больше занимающийся спортом, чем партийными вопросами. Биография его безупречна. Рабочий, с 1917 года член партии и красногвардеец. Затем ЧК и ныне ГПУ. Но к его несчастью он был членом тройки шефства над деревней и профессор в связи с этим задал ему вопрос, как часто он посещал колхозы.

— Я раза три был в совхозе под Москвой, — ответил Лебединский.

— Тов. Лебединский, я спросил вас о колхозе, а не о совхозе, — повторил профессор.

— Так ведь это одно и то же, — ответил Лебединский.

— Как одно и то же? Вы не знаете разницы между колхозом и совхозом? — И начался форменный экзамен политзнаний Лебединского. Результат оказался плачевный. Полная безграмотность.

— Товарищи, что я могу сделать, если я занят у Трилиссера с утра до 12-ти часов ночи? Когда же мне готовиться? — чуть на плача оправдывался Лебединский, боясь, что его исключать из партии. Но его не исключили... Трилиссер поддержал.

Стал рассказывать свою автобиографию заместитель Трилиссера Логинов. Член партии большевиков с 1905 года. В 1907 г. был избран от военных организаций на съезд партии, но при переходе границы царское правительство его арестовало. С тех пор и до революции, т. е. 9 с лишним лет просидел в каторжной тюрьме. Освобожденный после революции Логинов поселился в Архангельске и был избран председателем совета. Но вот белая армия, во главе с генералом Миллером, заняла Архангельск. Большевики, оставив Архангельск, отступили, а Логинов остался. Белые знали, кто он такой, но не тронули его. Он даже умудрился издавать газету.

— Не находите-ли вы странным, что белые даже не арестовали вас, — задал вопрос Филер.

— Ничего странного не нахожу, — пробурчал в свою рыжую бороду Логинов, пришедший на чистку, видимо для храбрости, несколько выпивший.

— Странно, странно, — перешептывалась между собой комиссия. У всех возникло сомнение. Неужели провокатор? Пробыл девять лет на каторге за большевистскую идею и когда она осуществилась, перейти на сторону лютых врагов своей идеи — белых генералов. И наконец, теперь снова занимать пост заместителя нач. ИНО и руководить разведкой против тех же вчерашних хозяев, белых генералов. Какой хаос должен быть в душе этого человека. Может ли быть такое смешение идей. Кто ответит на этот

вопрос? Все смущены и стараются не смотреть в сторону Логинова.

— Ладно, мы поговорим с вами особо, — наконец сказал Филер, откладывая дело Логинова.

Вызвали следующего. Капитан разведывательной службы австрийской армии в войну 1914—1917 г. Затем после революции, присоединившись к украинцам, воевал против большевиков и попал к нам в плен. Теперь же неизвестными путями оказался членом ВКП и на работе в Иностранном отделе ГПУ. Его как раз собирались через несколько дней послать на нелегальную работу в Австрию... Не поехал, его исключили из партии и уволили из ГПУ.

Следующий тоже должен был ехать на нелегальную работу в Париж. Прекрасный парень, хороший товарищ. Все его любили. С 18-тилетнего возраста он был в рядах Красной Армии, откуда перешел в ГПУ. При проверке оказалось, что его отец был чиновником департамента царской полиции. Напрасно он старался доказать, что его отец был всего лишь мелким чиновником, что в конце концов дети не отвечают за грехи отцов. Он умолял комиссию, просил поддержки товарищей. Напрасно. Комиссия дело его отложила в сторону. Товарищи старались не встретиться с его умоляющим взглядом. Через несколько дней он был исключен из партии и в ту же ночь вместе с женой застрелился...

Вызвали некоего Штейнберга. Молодой парень, еврей из Бессарабии. Он только недавно появился в Иностранном отделе и заведывал разведкой в Румынии.

— Где вы были в 1926 году, — задал вопрос председатель, заглядывая в его личное дело.

— В Румынии, — коротко ответил Штейнберг.

— Затем?

— Затем поехал в Бельгию и работал там шесть месяцев на заводе и оттуда поехал во Францию.

— Для чего вы раскатывались по этим странам. Ведь вы в ГПУ работаете всего с прошлого года? — недоумевающе спросил Филер.

Штейнберг, опустив голову, молчал.

— Что же вы не желаете отвечать комиссии? — упорствовал Филер.

— Да, не желаю, — ответил Штейнберг.

— Можешь говорить, теперь уже дело прошлое, — подбодрил его с места Горб. — Он был в этих странах по нашему поручению секретным агентом, — ответил Горб комиссии.

И так по очереди длинной вереницей прошли перед комиссией около двухсот сотрудников ГПУ. Большинство из них — недоучившиеся интеллигенты, много выходцев из других партий: левых эс-эров, бундовцев. У многих темные, подозрительные провалы в биографии. Но что особенно поражало, так это то, что большинство оказалось политически безграмотными или в лучшем случае полуграмотными. И невольно, слушая их автобиографии, я задавался мыслью, неужели это работники ВЧК-ГПУ, который нагоняет ужас своим делам, методами, своей хитростью на весь СССР? То ГПУ, которого так остерегаются иностранные правительства? Ведь тут собрана не железная когорта партии, как когда-то называл ГПУ в погоне за трескучей фразой Троцкий, а гниль, отбросы, невыясненные личности партии. Тут, если в прошлом не провокатор или авантюрист, то минимум простой чиновник-обыватель, ничего общего с коммуниз-

мом не имеющий. А ведь в иностранный отдел набирали работников с особым подбором, с особой подготовкой. Это отряд ГПУ, призванный бороться на передовых позициях, среди вражеского стана, в капиталистических странах, в тылу. В этом отделе должны были быть наиболее подготовленные и стойкие, и если вместо этого оказались на самом деле помимо всего даже неграмотные, то что же могли представлять сотрудники других отделов ГПУ? Наконец, каков уровень коммунистов в других советских учреждениях, на которых чекисты смотрят свысока?

Отсюда возникал логически другой вопрос. Если такой неудовлетворительный состав человеческого материала, то на чем и на ком держится советская власть и в частности ГПУ? И почему такие прекрасные результаты в работе последнего учреждения? Вот вопросы, которые стали занимать меня, да наверно и не одного меня, после результатов чистки партии.

И я думал, думал долго и молча, ибо делиться мыслями, сомнениями в СССР при моем положении значило спуститься несколькими этажами ниже, т. е. в подвал, во внутреннюю тюрьму ГПУ. Даже и эту роскошь едва ли бы мне позволили. Я слишком много знал, чтобы мне дали жить хотя-бы в тюрьме. Едва-ли мне позволили бы сидеть в тюрьме и, как выражается Сталинское ЦК, разводить оппозиционную демагогию. Со мной поступили бы по чекистской формуле:

— Чекист должен умереть или от руки врага или от руки ГПУ. Естественная смерть для чекиста исключена.

ГЛАВА XXVII

«Живой» помер.

Хотя по поступавшим в ГПУ сведениям было видно, что на новых выборах в Англии победит рабочая партия, которая будет относиться к СССР лояльнее, чем консерваторы, но в конце концов вопрос был ясен, что рабочая партия также будет защищать интересы английской империи, как и всякая другая партия, только возможно с бóльшим успехом. Задача же ГПУ заключалась в разрушении этой империи, ибо только с выполнением этой задачи могли быть освобождены от политического и экономического рабства сотни миллионов народов Востока. Первейшей же задачей для этого считался удар по наиболее уязвимому для Англии месту — по Индии. Для подготовки и нанесения этого удара нужно было во что бы то ни стало послать в Индию своего представителя. Выбор пал на меня, и Трилиссер предложил мне готовиться ехать нелегальным резидентом ГПУ в Индию.

План поездки был выработан следующий: я должен был под видом персидского армянина-купца ехать в Египет, завязать отношения с тамошними армянскими купцами и с их помощью поехать в Бомбей. Пер-

сидский паспорт по моему заказу уже был приготовлен контр-разведывательным отделом, и оставалось только получить нужные визы. Деньги на поездку — 10000 долларов в 500-долларовых билетах также были получены и лежали у меня в кармане.

День 15 октября 1929 года остался у меня в памяти. В это утро я пришел в ГПУ для продолжения сдачи дел новому заведующему восточным сектором ГПУ. Я пришел несколько поздно. Уже сойдя с лифта и направляясь по коридору в свою комнату, я почувствовал что-то неладное. Слишком безлюден был коридор, по которому обычно сновали сотрудники. Войдя в кабинет, я застал Минского, сидевшего за столом. Опустив голову на руки, он о чем-то думал.

— Здравствуй, Яша! Что у тебя, голова болит? — спросил я.

— Нет, ничего. А где ты был вчера вечером? Тебя повсюду искали и не могли найти, — спросил Минский.

— Я был в синема. А что, случилось что-нибудь? — задал я вопрос.

Минский ничего не ответил. Лишь спустя несколько минут он обратился ко мне.

— Идем, Гриша, позавтракаем и заодно поговорим, — предложил он нерешительным голосом. Мы вышли в коридор. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что кругом никого нет, Минский наклонился к моему уху и зашептал:

— Знаешь что? Блюмкин арестован.

— Что ты говоришь? За что? — изумленно спросил я.

— Оказывается, он в Константинополе был связан с Троцким и использовывал наш аппарат для

связи троцкистов в СССР. Он хотел завербовать для своей группы и Лизу Горскую, но она его выдала, и вчера ночью Блюмкина арестовали. Только никому не говори. Это секрет. Трилиссер распорядился, чтобы никто в аппарате ИНО об этом не узнал.

Я ничего не ответил. У меня от изумления отнялся язык. Арестован Блюмкин, любимец самого Феликса Дзержинского. Убийца германского посла в Москве графа Мирбаха. Ведь еще два месяца тому назад, когда Блюмкин вернулся из своей нелегальной поездки по Ближнему Востоку, он был приглашен на обед самим Менжинским. А теперь он сидит в подвале ГПУ. Еще недавно его имя было помещено в новой советской Энциклопедии, — да что там, всего пару дней тому назад во время чистки партии сам Трилиссер его рекомендовал, как преданного и лучшего чекиста. Его мнением о положении на Востоке интересовались Молотов, тогда бывший главой Коминтерна, и Мануильский. Он бывал частым гостем у Радека. Наконец, он жил на квартире у министра в отставке Луначарского в Денежном переулке. А теперь он в тюрьме... Казалось невероятным...

Мы вернулись с Минским обратно в кабинет. Он опять уселся за стол. Задумчивый, маленький. До того маленький, что тот же Блюмкин прозвал его «Гейшей».

— Кто же его арестовывал?—спросил я Минского.

— Дело было ночью, часа в два. Искали кого-нибудь из начальников секторов для назначения на операцию, но никого не нашли за исключением Вани Ключарева. Его и послали с несколькими комиссарами. Да! теперь только я понимаю, откуда сын Троцкого всегда знал, когда мы отправляем из Константинополя

секретного курьера. Ясно, что его информировал Блюмкин, — продолжал Минский.

Мне не сиделось на месте. Я хотел узнать все подробности о Блюмкине, поэтому я направился к кассиру ИНО Ключареву, с которым я был в приятельских отношениях. Застал я его хмуро сидевшим в своей крохотной комнате, уставленной несгораемыми кассами, и что-то вяло заносившего в ведомость размером с хорошую московскую жилплощадь.

— Здорово Ваня, что ты сегодня такой бледный? — спросил я, стараясь подойти к интересующему меня вопросу издалека.

— Да так, чувствую себя немного усталым, — уклончиво ответил он.

— Еще бы не устать, всю ночь небось не спал, — заметил я.

— С чего это ты взял? — подозрительно взглянув на меня, спросил Ключарев.

— Да брось, все уже знают, что Блюмкин арестован. Расскажи лучше, как дело было, — сразу перешел я на откровенность.

— Ну, и работа была, скажу тебе, — начал Ключарев после некоторого раздумья. — Мы подъехали к квартире Блюмкина в час ночи. Я поднялся наверх один, но его не оказалось дома. Только я спустился вниз и вышел на улицу, смотрю — подъезжает такси, в котором сидели Блюмкин и Лиза Горская. Увидев нас, Блюмкин сразу догадался, в чем дело, ибо не успели мы подойти к его машине, как она уже повернула и умчалась. Мы вскочили в нашу машину и за ними. Такси несло по пустынным улицам, как дьявол, но ты же знаешь наши машины. У Петровского парка мы их нагнали. Видя, что им не уйти, Блюмкин

остановил машину, вышел и кричит нам: «Товарищи, не стреляйте, сдаюсь. Ваня, отвези меня к Трилиссеру. Я ужасно устал», — обратился он ко мне. Потом Блюмкин повернулся к такси, где продолжала сидеть Горская, и сказал: «Ну прощай, Лиза, я ведь знаю, что это ты меня предала». Это все, что сказал он. Потом всю дорогу до ГПУ он молча курил. Да, хороший был парень Яша, а пропал ни за что, — заключил Ключарев.

Мы молча продолжали сидеть и думали каждый свою думу. Из размышлений нас вывел телефонный звонок. Ключарев взял трубку и сейчас же передал ее мне. Это звонил Минский. Меня срочно вызывал к себе Трилиссер.

— Вот что, тов. Агабеков, — встретил меня Трилиссер, который на этот раз был в явно удрученном состоянии. — Вам придется отказаться от поездки в Индию. Вы, наверно, знаете уже, что случилось с Блюмкиным. Созданная им на Ближнем Востоке организация осталась теперь без руководства. Вам нужно немедленно выехать в Константинополь и принять нелегальную резидентуру. Посмотрите, кого из тамошних работников нужно снять и кого оставить. На помощь вам мы пришлем Аксельрода. Он хотя неопытный в нашем деле работник, но очень осторожный и знает языки. Пусть он займется Египтом. В Сирии и Палестине мы имеем людей, так что надеюсь, через пару месяцев по приезду вы сможете наладить правильную работу.

— О задачах ваших я много говорить не буду, — продолжал он, — вы их должны знать, руководя сектором. В данный момент нас очень интересуют палестинские события. Столкновения между евреями и

арабами должны дать интересные для нас результаты, ибо английское правительство должно будет принять чью-либо сторону, благодаря чему будет иметься в наличии обиженная сторона, которую легко будет нам использовать против Англии. Палестина же важна, как стратегический пункт, так как в случае столкновения с Англией дезорганизация морского движения через Красное море значительно поможет нам. Но в своей работе помните, что основная задача вашей работы должна заключаться в таком ее построении, чтобы аппарат мог действовать во время войны. Ну вот, я думаю, что это все. А с Индией подождем, пока не наладится работа в этих странах. Это со временем облегчит проникновение в Индию. Наконец, помните, что я возлагаю на вас большие надежды и будьте осторожны в работе.

В это время вошел в кабинет секретарь Трилиссера и доложил, что из внутренней тюрьмы передают о просьбе Блюмкина, желающего поговорить с ним.

— О чем мы еще можем говорить? Передайте, что мне сейчас некогда, — ответил Трилиссер.

— Да, кстати, вот записка Блюмкина о положении нашей агентуры. Ознакомьтесь и верните мне, — обратился опять ко мне Трилиссер. — Итак, постарайтесь на будущей неделе выехать, — поротянул он мне руку, и я оставил кабинет.

Переданная мне докладная записка начиналась с 27-ой страницы. Она начиналась так: «Теперь, закончив с политической стороной дела, перехожу к работе ГПУ, которую я, несмотря на мои сомнения, выполнял честно и добросовестно. (Ах, если бы мое партийное лицо было так же чсито, как моя работа по линии ГПУ)». Дата на записке была проставлена

8-ое октября, т. е. за неделю до ареста Блюмкина. Меня, так же как и всех остальных товарищей очень интересовало, что писал Блюмкин в первых 27 страницах. Мы видели из остального текста, что там было признание, раскаяние, но в чем, в какой форме, мы так и не узнали, несмотря на то, что были пущены в ход все связи. Никто из нас в ГПУ не видел этих страниц. Они, вероятно, были сразу переданы в Политбюро Сталину, где в это время решалась судьба Блюмкина.

Только в декабре, уже будучи в Константинополе, я узнал от приехавшего ко мне Аксельрода о судьбе Блюмкина. По постановлению коллегии ОГПУ он был расстрелян. Еще несколько раньше я получил частное письмо из Москвы. В нем один мой приятель писал о Блюмкине, работавшем на Востоке под псевдонимом «Живой»:

«Итак, друг мой, «Живой» помер, но дело его живет, поскольку оно находится в твоих руках», — писал он, переиначивая лозунг, выкинутый ЦК партии после смерти Ленина. — «Он («Живой») ушел от жизни, вопреки ожиданию, спокойно, как мужчина. Отбросив повязку с глаз, он сам скомандовал красноармейцам: «По революции пли!»

ГЛАВА XXVIII

Москва — Константинополь.

Для поездки в Константинополь мне нужно было взять турецкую визу на мой персидский паспорт. Мы попробовали получить визу через персидскую миссию в Москве, но безрезультатно. Требовалась моя личная явка в турецкое консульство.

Нарядившись в свой лучший костюм и одев вместо обычной кепки шляпу, я пошел в ГПУ. Дежурный комендант, хорошо знавший меня в лицо и пропускавший раньше без требования предъявления пропуска, на этот раз, увидев меня в шляпе, удивленно остановил и на всякий случай проверил мой пропуск. Поднявшись наверх, я направился прямо к Ключареву, у которого в кассе хранились разные золотые вещи, оставшиеся со времен реквизиций. Из них я выбрал себе золотые часы с толстой цепочкой, портсигар и пару бриллиантовых колец и, напялив все это на себя, принял вид богатого персидского коммерсанта. Затем взяв такси, я поехал в турецкое консульство. Посетителей в консульстве не было, так что меня без всяких задержек пропустили к консулу.

— Для какой надобности вы хотите ехать в Стамбул? — спросил консул, перелистывая лежавший перед ним мой паспорт.

— По торговым делам. Я отправил из Персии в Стамбул партию ковров, которые не продаются, поэтому я хочу поехать лично и закончить это дело лично, — ответил я по-турецки, вставляя в свою речь персидские слова, чтобы у него не было сомнений в моем персидском происхождении.

— Бывали-ли вы раньше в Турции? — последовал вопрос консула.

— Нет, много раз собирался съездить, но как-то не приходилось, — ответил я.

— Кого вы знаете в Турции? — продолжал допрашивать консул.

Я назвал ему несколько имен известных персидских купцов в Стамбуле.

— Есть-ли у вас еще какие-нибудь документы кроме паспорта? — спросил консул.

— Конечно, конечно: только не с собой, — без запинки ответил я, хотя контр-разведывательный отдел ОГПУ не приготовил для меня никаких бумаг кроме паспорта.

— Так вот принесите ваши остальные документы также, и тогда я решу вопрос о визе,—ответил консул.

— Хорошо, прикажете принести только письма или всю переписку, показывающую мою деловую связь с Турцией? — спросил я, делая вид, что я не понял требований консула.

— Да нет же. Мне нужны не письма, а документы. Например, метрическое свидетельство и вообще документы, удостоверяющие вашу личность, — стал объяснять консул.

— Т. е. позвольте, вы что-же, сомневаетесь в моей личности? — обиженным тоном спросил я. — Меня здесь хорошо знают в персидском посольстве (КРО устроило так, что их агент в персидском посольстве послал обо мне ноту туркам), наконец, десяток богатых персидских купцов могут рекомендовать меня. Если вы разрешите, я вызову сейчас двоих из моих знакомых сюда, — предложил я, протягивая руку к стоявшему на консульском столе телефону.

Говоря это, я в тоже время думал: а вдруг консул согласится на мое предложение? Что я буду делать? Куда я позвоню? Разве в ГПУ! Но нет, я рассчитал правильно. Консул попался на удочку. Подумав немного, он, наконец, предложил мне внести деньги за визу, и через десять минут я возвращался в ГПУ с готовым паспортом в кармане.

На следующий же день, 22-го октября 1929 года, я выехал с Брянского вокзала на Одессу. Одетый так же, как и при посещении консульства, с 10000 долларов, выданных мне из ГПУ на работу, я уже с приезда на вокзал начал играть роль персидского коммерсанта, чтобы к приезду в Константинополь привыкнуть к ней. Мерно покачиваясь в купе второго класса и перебирая янтарные четки, я думал не о предстоящей работе, а о моей прошлой жизни в Москве. Я был рад, что, наконец, вырвался оттуда, что мне не придется участвовать на ближайшем казенном параде 7-го ноября, как и на многих других. Что, наконец, я избавился от чтений докладов по передовицам «Правды», ругать левых и правых уклонистов и божиться, что только центральный комитет партии является хранителем заветов Ильича. Клясться, что еще пять лет голодовки, — и мы перегоним Америку.

В купэ кроме меня ехали два пассажира. Какой-то украинец с инженером немцем. Они ехали до Киева и, видимо, работали на одном из сахарных заводов, так как всю дорогу говорили об урожае свеклы и о сахарной политике СССР. Но я их почти не слушал. Забравшись на верхнюю полку, я углубился в чтение только что переведенной на русский язык книги Ремарка «На западном фронте без перемен».

Рано утром я приехал в Одессу и, узнав, что паром в Константинополь отправится лишь на следующий день, поехал в гостиницу «Гранд Отель». Швейцар, узнав из заполненной анкеты, что я иностранец, потребовал мой паспорт и спустя несколько минут я с улыбкой наблюдал из моего номера, как он мчался по направлению местного ГПУ. Я знал, что таковы правила. Швейцар каждой гостиницы должен немедленно доносить в ГПУ об остановившихся у них иностранцах.

Несмотря на позднюю осень, Одесса была еще залита южным солнцем. От нечего делать я решил пройтись по городу. В последний раз я был в Одессе в 1917 году, когда началась февральская революция. Помню, что, несмотря на трехлетнюю войну, Одесса была шумным, веселым и людным городом. Теперь я не узнавал старых мест. Город почти опустел. Кое-где попадались унылые прохожие. Магазины почти все были закрыты. Кое-где лишь краснели вывески кооперативов на украинском языке. Я зашел в бывшее кафе «Фанкони», где теперь помещалась кооперативная столовая, пообедать. Все дешево, грязно и несъедобно. Проведенный в Одессе день показался мне бесконечным. На меня напало какое-то тоскливое чувство. Я знал, что покидаю родную страну, и вместе

с тем все здесь казалось мне чужим. Может-быть, потому, что вокруг красовались украинские надписи, которых я не понимал. Мне хотелось скорей покинуть этот город, но меня тянуло не в море, а обратно в Москву. Мне хотелось вернуться в ГПУ и сказать, что я не могу ехать на работу ГПУ, что я уже не верю в это дело. Но я думал, что мне на это скажут, что я испугался ехать на нелегальную работу, что я трус... Чтобы избавиться от этих дум, я раньше времени поехал на пристань. После сложных манипуляций с паспортом и багажом, меня, наконец, пропустили на борт советского парохода «Чичерин». Я прошел все этапы мытарства, как и каждый иностранец, ибо местное ГПУ не знало, кто я такой. В 5 часов вечера раздался последний гудок, и мы медленно отчалили от пристани.

Неожиданно для меня, оказавшись в своей каюте, я встретился с одним из своих старых друзей по Ташкенту. Мы не подали вида, что знаем друг друга до тех пор, пока не уединились. Он рассказал мне, что теперь он работает в Коминтерне и командирован в Палестину, где в это время происходили кровавые столкновения между арабами и евреями.

— Ты что же, один едешь? — спросил я.

— Нет, я еду, как высланный из СССР сионист с женой, которая на самом деле тоже работает в Коминтерне. Кроме того, едет еще один из наших в Турцию, но он без всяких документов и поэтому скрывается в числе экипажа парохода. По прибытии в Константинополь он нелегально спустится на берег, — рассказал мой приятель.

27-го октября, в 4 часа утра, показались холмы Босфора. Пароход остановился у карантина, и толь-

ко к полудню мы вошли в Босфор. С одного борта к нам пристал лодман, а с другого полицейский катер. Началась проверка документов пассажиров, сходящих в Константинополе. На просмотренных паспортах полицейский офицер ставил штамп и возвращал владельцам. Мой же паспорт был им задержан без объяснения причин. Пассажиры спешно выгружались на окружившие пароход ялики, а я стоял на палубе и ждал своего паспорта, который был отправлен офицером на берег для проверки. Прошло около часа. С берега подошли к пароходу несколько лодок с людьми. То были сотрудники и дипкурьеры из советского консульства. Они прошли мимо меня в каюту капитана. Среди них был также помощник резидента ГПУ Кикодзе, которого я всего два месяца тому назад снарядил в Константинополь. Многие из прибывших знали меня в лицо и, увидев, издали улыбались, думая, что я приехал официально. Но видя, что я отвертываюсь и принимаю вид, что никого из них не знаю, они также прошли мимо меня, как чужие, поняв, что тут что-то неладно. •

Время шло, а моего паспорта все не было. На пароходе почти никого не осталось, и я все больше беспокоился о своей участи. Я не боялся того, что турки могут меня задержать, но они могли отказать в высадке на берег и вернуть в СССР, откуда я с таким трудом выбрался. Наконец, полицейский офицер передал, что я могу сойти на берег. Паспорт же мой доставят в гостиницу. С внутренним беспокойством, но внешне возмущаясь турецкими порядками, я поехал в город и взял номер в отеле «Лондон».

Так я попал в Константинополь. Но в каком положении? Полиция отобрала мой паспорт и явно в

чем-то подозревает. В самом городе, совершенно мне незнакомом, у меня не было друзей, которые могли бы меня поддержать. Требовать помощи от легальной резидентуры воспрещалось, ибо это могло бы привести к провалу. Как быть? А вдруг турецкая полиция запросит обо мне сведения в турецком консульстве в Москве. Что если завтра вызовут меня в полицию и спросят, где мой товар, мои знакомые купцы? Да, положение было не из приятных. Было уже часов шесть вечера. Я решил привести себя в порядок, а там видно будет. Когда я, пообедав, вышел из отеля, было уже темно. Мне нужно было сейчас же сделать кой-какие покупки. В особенности требовалось сменить мои ботинки, имевшие марку «Скороход» и могущие выдать их московское происхождение. Наконец, нужно купить часы, я не имел часов. По традиции, перед отъездом из Москвы, я подарил свои часы одному из товарищей в ГПУ. Таков обычай, перед отъездом за границу раздаривать вещи. Ведь за границей легко можно все купить, а в СССР где же!

Спускаясь из Пера по линии трамвая, я незаметно для себя добрался до Галаты. Повсюду сверкали ярко освещенные витрины магазинов. Я остановился у витрины часового магазина и разглядывал выставленные часы, как услышал в магазине армянскую речь. Это хозяин магазина говорил с приказчицей. Значит, тут армяне, а я ведь тоже армянин. Я вошел в магазин и на армянском языке попросил показать мне часы. Я выбирал часы в течение двух часов, уплатил за них в два раза дороже их стоимости, но зато в процессе покупки я настолько сдружился с хозяином магазина, что он пригласил меня к себе на следующий

день. Так я завел первое знакомство в Константинополе. На следующий день мы уже обедали вместе в соседнем ресторане. Угощал я и, нужно сказать, довольно щедро. К концу обеда после обильного вина я ему рассказал о затруднениях с паспортом.

— О, это пустяковое дело. У меня в полиции масса друзей клиентов. Завтра же с утра пойдем, и я все дело обделаю, — успокоил меня мой новый знакомый.

На утро мы, взяв машину, поехали в 1-ый отдел политической полиции, куда оказался переданным мой паспорт. Начальник отдела оказался приятелем моего купца. Отозвав его в сторону, он рассказал ему о цели нашего прихода, прибавив, что он меня давно знает, как крупного и честного купца. Тут же он меня представил полицейскому, который оказался довольно сговорчивым.

— Извините, что мы задержали ваш паспорт. Видите-ли, сейчас много большевиков приезжают к нам в Турцию из России, а так как и вы проехали через Москву, то поэтому попали под подозрение. Теперь, конечно, раз вас рекомендует Ф-эффенди (мой приятель), то я распоряжусь, чтобы немедленно вам вернули паспорт, — обратился ко мне начальник полиции. В виде благодарности полицейскому я передал моему купцу две двадцатидолларовые бумажки. Сколько он из этой суммы передал по назначению, не знаю, но, видимо, это еще более убедило полицейского в моей солидности.

— Эффендим, вы можете больше не приходить сюда. Через час я пришлю вам паспорт в отель, — сказал он, пожимая мне руку.

И, действительно, не успел я вернуться в отель, как полицейский принес мне паспорт с соответствующими визами. С получением документа я почувствовал уверенность. Теперь уже меня не арестуют и не выселят,—подумал я. Нужно и можно начать работать.

ГЛАВА XXIX

Фридрих Кейль.

Прошло месяца полтора со дня моего приезда в Константинополь. За это время я успел много сделать. Я уже являлся владельцем экспортно-импортной конторы в центре Галаты. Стены моего бюро украшали портреты турецкого президента Кемаль-Паши и персидского шаха Риза-Хана. Правда, я ничем пока не торговал, но это только поднимало мой авторитет, как способного купца, ибо все торговые операции ввиду рыночного застоя вели к убыткам. Я же ничего не терял. В моем бюро машинистка бойко стучала на машинке, составляя письма торговым фирмам Англии, Германии и Франции, адреса которых я выписывал из газетных объявлений. Мой конторщик целые дни бегал по городу, собирая справки о рыночных ценах на предполагаемые к продаже товары. Появились и знакомые купцы, которые, привлекаемые радушным приемом и частыми угощениями, заходили ко мне все чаще и чаще.

Так было положено начало организации нелегальной резидентуры ГПУ.

За это же время мне удалось установить связь с местным легальным резидентом ГПУ, работавшим в советском консульстве на должности аташе под фамилией Наумов. Через него стала поступать почта из Москвы. В одном из писем ГПУ прислало мне следующую инструкцию:

«За последнее время наблюдается крен турецкой политики в сторону западной ориентации. В связи с этим встречается надобность организации разведывательной работы в Ангоре и наблюдения за развитием турецкой политики в дальнейшем. Вместе с тем с отъездом резидента Молотковского из Греции, тамошняя агентура осталась без руководства, поэтому вам предлагается принять руководство работой в Греции. Аксельрод выехал через Европу в Египет. Проездом он будет в Константинополе и встретится с вами. Ввиду увеличения вашего района мы считаем необходимым, чтобы вы задержали Аксельрода в Константинополе и использовали по работе в Турции или Греции в качестве вашего помощника.»

Наконец, приехал и Аксельрод. Встретились мы с ним на станции туннеля, соединяющего Галату с Пера. Маленького роста, с лоснящимся красным лицом, в роговых очках, одетый во все новое, он издали, увидев меня, улыбался. Я тоже был искренне рад его приезду. Ведь уже около двух месяцев я разыгрывая роль перса, не говорил на русском языке. Теперь есть с кем поговорить и поделиться впечатлениями. Наконец, у Аксельрода должны быть свежие новости из Москвы.

— Здравствуй, во-первых, скажи, под какой фамилией ты сейчас путешествуешь, — спросил я подходя к нему.

— Фридрих Кейль, австрийский подданный, представитель Тимбер-Экспорт-Компании на Ближнем Востоке, — смеясь представился он мне, передавая свою визитную карточку.

— А я Нерсес Овсепьян, персидский подданный, коммерсант, — ответил я ему в тон, обмениваясь карточками.

— Пойдем куда-нибудь посидим и потолкуем, — предложил я. Через полчаса мы сидели за бутылкой красного вина в одном из ресторанов на Пера.

— Ну, расскажи сперва ты все по порядку, а потом буду говорить я, — обратился я к Аксельроду. — Во первых, как ты ехал?

— Ехал я прекрасно. Выехали из Москвы в Ригу с австрийским паспортом на имя Фридриха Кейля. Другой такой же документ лежал у меня в запасе. По приезде в Ригу я взял запасной и таким образом уничтожил все следы пребывания в СССР. В Риге меня прекрасно принял мой дядя лесопромышленник Тейтельбаум, который в дальнейшем оказал мне большие услуги.

— А он знал, кто ты на самом деле и зачем ты едешь? — задал в вопрос.

— Как тебе сказать? Я ему объяснил, что мне нужно ехать в Египет с научными целями и что по некоторым соображениям мне пришлось переменить фамилию и подданство. Он как будто бы поверил, но ты знаешь, — это старый, толковый еврей. Он, видимо, кое о чем догадывался, но особенно расспрашивал. Так вот, в Риге я провел еврейские праздники, — продолжал Аксельрод, — родственников у меня оказалось больше, чем я ожидал, и все они старались помочь, чем могут. По моей просьбе дядя дал мне пред-

ставительство своей фирмы на весь Ближний Восток и вместе со мной пошел в местное английское консульство зарегистрировать мой мандат. При его же помощи я получил визы в Турцию, Сирию и Палестину. Оставалось получить египетскую визу, для чего нужно было ехать в Берлин, где имеется египетское посольство. Таким образом все шло прекрасно. За всеми этими хлопотами я прожил в Риге две недели. Между прочим, дядя меня познакомил с норвежским консулом в Риге, с которым я настолько сдружился, что он пригласил меня в гости. Будучи в его кабинете, я заметил на столе пачку чистых норвежских паспортов и, представь себе, не мог удержаться от соблазна и один из них сунул себе в карман. Я привез этот паспорт сюда. Может-быть, пригодится.

— Ладно, а как с Египтом? Получил-ли ты туда визу? — спросил я.

— О, с египетской визой у меня была большая буза. Приехав в Берлин, я пошел в египетское консульство за визой, а там мне заявляют, что они предварительно должны запросить Каир. Пришлось уплатить за телеграмму, чтобы ускорить ответ. Но это еще полбеды. Секретарем консульства оказался немец, бывавший в тех местах, откуда я по паспорту родом. Начались всякие расспросы. Еле-еле отвертелся от его вопросов. Получив египетскую визу, я очень соблазнился поехать через Париж-Марсель. Ведь подумай, я же ни разу не был в Париже. Но затем решил поехать через Стамбул и повидаться с тобой, — кончил рассказывать о своем путешествии Аксельрод.

— Ну, и хорошо, что ты приехал сюда, а то пришлось бы возвратиться из Египта, — сказал я.

— Почему? что случилось? — недоумевающе спросил Аксельрод.

— Я сам, признаться, не знаю, в чем дело. Москва распорядилась принять руководство работой в Греции и в Ангоре и в связи с этим предписывает задержать тебя здесь моим помощником, — ответил я.

— Да, странные дела вообще творятся у нас, — задумчиво сказал Аксельрод. — Перед моим отъездом ходили слухи, что Трилиссера снимают якобы за правый уклон и что вообще решили реорганизовать аппарат Иностранного отдела. В партийных кругах говорили, что вся коллегия ГПУ стоит за Бухарина и Томского и якобы Политбюро ЦК вызвало Менжинского, Ягоду и Трилиссера для объяснения, но наши оправдались. Главный козырь коллегии ГПУ был тот, что ведь агентура ГПУ выяснила переговоры между Бухариным и Каменевым, и ими же был выкраден дневник Каменева, благодаря которому, Сталин поставил на колени и Бухарина, и Каменева, — рассказывал Аксельрод. — Да, забыл тебе сказать, Блюмкина то ведь расстреляли. Мне передал эту новость Самсонов в Берлине, — добавил он.

— Я об этом уже знаю. Мне написали из Москвы. Итак, ты не возражаешь против оставления тебя для работы со мной? — спросил я Аксельрода.

— Да что же, я очень рад. Только напрасно я потратил столько усилий и средств для подготовки поездки в Египет. А так для меня еще лучше. Вместе веселей и безопасней, — уже более весело ответил Аксельрод, он же Фридрих Кейль.

ГЛАВА XXX

Под флагом германской разведки

Прошло около месяца со дня приезда Аксельрода. Благодаря уже протоптанным мною дорожкам и имевшимся связям, сравнительно быстро удалось легализировать его пребывание в Константинополе. Повсюду я рекомендовал его, как моего компаньона. Таким образом мы достигли прочности укрепления нашей позиции. Нужно было начинать работать. Я нашел отдельную квартиру в районе Шишли и оборудовал сносную фото-лабораторию. В ближайшем будущем мы собирались установить и радиоаппарат для непосредственной связи с Москвой. Оставалось приступить к вербовке агентуры. Обсудив положение и перебрав всех имевшихся у нас знакомых, мы решили остановить наше внимание на некоем Элмаяне. Это был один из наших знакомых купцов.

Шестидесятилетний старик с седой головой и большим животом доброго буржуа, Элмаян очень импонировал окружающей среде. Работая 30 с лишним лет в Константинополе комиссионером, он имел обширное знакомство во всех слоях общества. Имея добродушный вид толстяка, Элмаян был хитер хитростью ар-

мянина, сохранившего после всех перипетий в Турции не только жизнь, но и нажившего состояние. Коммерческая репутация его была ниже всякой критики. Из предварительного его изучения мы вынесли впечатление, что у Элмаяна один стимул — это деньги. За них он готов продать все и всех. Все эти его «качества» и остановили наш выбор на нем.

Я поддерживал с ним приятельские отношения и поэтому задачу вербовки взял на себя. Пригласив его как-то в один из ресторанов пообедать, я после долгих подходов перешел к интересовавшей меня теме.

— Я хотел вам сказать, господин Элмаян, что мой друг Фридрих Кейль вместе с коммерческой деятельностью также занимается журналистикой. Он состоит корреспондентом одной крупной немецкой газеты в Берлине и вот, приехав сюда, ищет хорошо знающего местные дела человека, который помогал бы ему собирать информационный материал для газеты. Не знаете ли вы подходящего для этого занятия человека? — спросил я.

— Почему же нет. Можно найти такого человека, но за эту работу придется кое-что платить, — ответил Элмаян.

— О да, конечно, Кейль будет платить. Вы знаете, как немцы аккуратны. Насколько я помню, он, кажется, ассигновал на это дело что-то от 100 до 150 долларов, — сказал я.

Глаза Элмаяна заблестели. Он почувствовал своим старым нюхом добычу и, видимо, обдумывал, как бы лично сорвать такой лакомый кусок, как 150 долларов ежемесячно. Я решил ему помочь.

— А что если вам самим взяться за это дело, Элмаян эфенди? Кто может лучше вас знать о турецких

делах и иметь столько связей, сколько имеете вы? Я лично был бы очень рад рекомендовать вас Кейлю и дать возможность вам заработать. Не говоря о том, что вы много помогли в моих торговых делах, я хотел бы, чтобы эти деньги шли к вам, как армянину, — сказал я.

— Что же, я с удовольствием возьмусь за эту работу и надеюсь выполнить ее лучше всякого другого, — ответил Элмаян.

— Ну, и прекрасно. Я с своей стороны приложу все усилия, чтобы Кейль передал вам работу. Только скажите вкратце, на какие связи вы можете рассчитывать, чтобы я мог уговорить Кейля, — спросил я.

— Во первых, у меня хорошие связи с турецкой полицией. Один из начальников отделений политической полиции — весь в моих руках и сделает все, что бы я ни попросил. Затем я имею знакомства почти во всех иностранных посольствах в Константинополе и могу у них получать нужные сведения.

— Что вы говорите? Даже у большевиков? — спросил я.

— Да, даже у большевиков. Я могу получить информацию везде, за исключением англичан. Наконец, может-быть, Кейля будет интересовать армянская деятельность в Турции, то я имею своим другом армянского епископа Г. Одним словом, я найду людей, где это будет нужно, — ответил Элмаян.

— Да, я тоже думаю, что вы имеете достаточно связей и лучше всех справитесь с работой. В особенности то, что вы можете получить сведения о большевиках, очень важно. Насколько я понял Кейля, немцы очень интересуются работой большевиков, — сказал я,

давая ему понять, что Кейль в конце концов работает для немцев.

На этом мы остановились, условившись встретиться через пару дней у него на квартире, когда я передам ему результат моего разговора с Кейлем.

В ближайшую пятницу я пришел к Элмаяну на квартиру. Он жил недалеко от меня в том же районе Шишли. Элмаян, видимо, с нетерпением ожидал моего прихода, ибо, войдя в гостиную, я заметил приготовленное угощение. Быстро нам подали кофе, и мы остались в комнате одни.

— Ну, все идет прекрасно. Я говорил с Кейлем и так расхвалил вас, что он сразу согласился, чтобы вы работали для него. Жалованья я добился для вас 150 долларов в месяц. Кроме того, он обещал, что если работа пойдет хорошо, он будет платить и больше. Важно, чтобы в Берлине остались довольны, сказал я.

— Очень рад. Как раз вчера был у меня мой приятель из полиции, и я уже его подготовил к тому, чтобы получить нужные Кейлю сведения, — ответил Элмаян.

— Вот и хорошо. Начните с полиции. Неплохо на всякий случай иметь там своего человека. А пока что пусть он передает вам на несколько часов почитать доклады, которые он посылает в министерство внутренних дел Ангоры. Там, вероятно, найдутся интересные для Кейля сведения, — предложил я. — Кстати, я вам принес и деньги за первый месяц работы, — продолжал я, вынимая бумажник, только мы должны предварительно проделать некоторые формальности. Вы должны выбрать себе псевдоним, которым будете подписывать все ваши рапорты и денежные расписки, и, кроме того, Кейль просил две фотографические карточки.

— Я как раз имею карточки, — сказал Элмаян и, поднявшись, достал две карточки из стола, — что касается псевдонима, то это вы придумали хорошо, а то я затруднился бы подписывать бумаги своей фамилией. Я возьму псевдоним «Малоян», — ответил он.

— Хорошо, подпишите денежную расписку и ваши фотокарточки псевдонимом, — предложил я.

Передав мне нужные бумаги, Элмаян пересчитал переданные мною ему деньги и аккуратно вложил их в свой объемистый бумажник. При этом он так на меня смотрел, точно подозревая, что я, вероятно, получил от Кейля для него денег в два раза больше, но половину утаил для себя в виде комиссионного вознаграждения. Я понимал этот взгляд и внутренне усмехался. Пусть думает — так то лучше. Пусть думает, что я в этом деле только посредник, так же, как он думает, что работает на немцев... Меньше риску, больше дела.

Нужно отдать справедливость, Элмаян работал не за страх, а за деньги. Он полностью заслужил полученное им жалованье. Но прибавки так и не дождался. Кейль вскоре уехал с докладом в Москву, а я... а я в Париж. Но об этом ниже.

ГЛАВА XXXI

Между двух огней

Поздно ночью собрались на моей квартире я, местный резидент ГПУ Этингон-Наумов и приехавший из Москвы бывший резидент ГПУ в Греции Молотковский. Мы собрались на совещание. Этингон, элегантно одетый молодой парень, больше интересовался граммофоном, который время от времени заводил. Молотковский, наоборот, очень озабочен своей миссией и задумчив.

— Так вот, Агабеков, ты не раз был резидентом, и ты поймешь меня лучше других. Я положил столько сил для организации агентуры в Греции, и вдруг мне предложили все бросить и ехать в Москву. Еле-еле добился в Москве, чтобы разрешили передать агентуру тебе, а то ведь хотели просто бросить на произвол судьбы. Сейчас в Москве сидят новички, ни черта не смыслящие в работе. Это — чиновники, а не чекисты. Ну, подумай, разве можно отпустить таких Источников, как 3/33 или 3/21? А всю агентуру в военном Министерстве? Попробовали бы сперва сами завербовать хоть одного источника, тогда бы знали им цену, — рассказывал возмущенно Молотковский.

— Ладно, а как ты мыслишь передачу мне твоей агентуры в Греции? — спросил я.

— По моему, ты сам лично должен поехать в Афины с паролями и явками, которые я тебе передам, и связаться с агентурой. А в дальнейшем установишь с ними регулярную связь, — предложил Молотковский.

— Все это хорошо, но не забудь, что я здесь в Турции без году неделя и недостаточно укрепился, чтобы разъезжать. Кроме того, у меня нет подходящего мотива для поездки в Грецию, поэтому моя поездка может вызвать подозрение, — возразил я, не имея никакого желания глубже влезать в работу.

— А что ты предлагаешь? — спросил Молотковский.

— Я думаю, было бы лучше, если поедет принимать сеть Наумов. Он бы одновременно поддерживал с ними сношения, пока я окончательно не укреплюсь, и затем передал бы их мне для руководства, — ответил я.

— Что ты на это скажешь, Этингон? — спросил его Молотковский.

— А мне все равно, если хотите — поеду в Грецию и приму сеть. Провала я не боюсь. Скорей тогда поеду в Москву. Признаться, надоела мне вся эта работа. А теперь после ухода Трилссера в особенности. Как только вернусь в Москву, не останусь работать в ГПУ, уйду куда-нибудь, — равнодушно ответил Этингон-Наумов.

— А как, есть у тебя возможность поехать в Афины? — спросил его Молотковский.

— Это пустяки. Послезавтра я поеду в Ангору и

попрошу Сурица послать за визой. Скажу, что еду в отпуск, — ответил тот.

— Итак, решено. Наумов примет агентуру в Греции и передаст затем тебе, — заключил Молотковский.

Через неделю Этингон получив визу, выехал в Грецию, а Молотковский вернулся в Москву.

Это было в то время, когда я все больше приходил к выводу, что я не могу работать для ГПУ. Получаемые из СССР письма были полны жалоб на методы, применяемые центральным комитетом партии по проведению пятилетки. В одном из писем из моих партийных товарищей писал: «Методы нашей работы и темп жизни для нас сейчас не новый. Это — копия эпохи военного коммунизма минус революционный энтузиазм». Я решил порвать с ГПУ. Но как. Я по опыту знал, что ГПУ постарается меня немедленно уничтожить в случае малейшего подозрения. Нужно было все основательно обдумать, подготовить. И я стал готовиться. В первую голову я стал вести записки деяний ГПУ и ее агентуры, известной мне, на случай, если я погибну раньше, чем сумею сказать свое слово. Затем я стал осторожно выяснять, в какую страну я могу выехать, где бы мне не могли угрожать большевистские агенты. А пока я подготавливался, мне стала грозить беда с другого конца.

Был конец апреля 1930 года. Я завтракал в доме хорошего знакомого купца, где меня принимали, как родного. Вопреки обыкновению, на этот раз все члены семьи за столом были угрюмы, а сам купец изредка бросал в мою сторону жалостливые взгляды. Я зная их отношение ко мне, ничего не понимал. Наконец, завтрак был закончен, и глава семьи, встав, обратился ко мне:

— Нерсес, мне нужно поговорить с вами по делу. Перейдем в гостиную, нам подадут туда кофе.

Когда мы остались одни, он долго мялся и не знал, как начать, но, наконец, видимо, решился и сказал:

— Вы знаете, как я и моя семья относимся к вам и поэтому я решился сказать вам то, чего не должен был бы говорить. Дело в том, что за вами следит турецкая полиция. Вчера об этом передал мне один мой старый знакомый, у которого тайная полиция наводила справки о вас, — сказав это, бедный старик смотрел на меня и ждал впечатления, произведенного на меня его словами. Сам он буквально дрожал.

Я слушал его наружно спокойно и изредка похлебывал кофе.

— Что же вы мне советуете делать в связи с этим? — спросил я.

— Я думаю, что вам нужно немедленно уехать отсюда, — ответил он. Видимо, он уже заранее обдумывал этот вопрос, ибо ответил, не задумываясь.

— Да, но в конце концов, зачем я должен бежать? Я в турецкие дела не вмешиваюсь и за собой никаких грехов не знаю. Занимаюсь здесь своей торговлей и не знаю, почему мне может угрожать полиция. Наконец, я персидско-подданный, и турки не посмеют без причины тронуть меня, — сказал я, стараясь успокоить моего доброжелателя.

— Конечно, если вы за собой ничего не чувствуете, то особенно бояться нечего, но мало ли что может случиться? Не забудьте, что вы армянин по национальности и живете не где-нибудь, а в Турции. По моему, все-таки вам лучше уехать куда-нибудь, — настаивал он.

— Нет, я сейчас никуда не поеду, — сказал я после

некоторого раздумья, — у меня не ликвидированы дела и, наконец, лежит большая партия непроданного товара. Но вот что, большое вам спасибо за предупреждение. Что со мной случится, это в конце концов неважно, но я не хочу, чтобы в случае чего-нибудь со мной, вы могли иметь неприятности, поэтому пока это дело не выяснится, я прошу разрешения не бывать в вашем доме. — Я попрощался и ушел, чтобы больше не приходило к людям, которые были так искренни и бескорыстны ко мне в самый критический для меня момент.

Прошло дня два после этого знаменательного для меня разговора, после которого я понял, что отныне я нахожусь между двух огней. С одной стороны, большевики могли узнать, что я решил их покинуть и принять меры, а с другой — меня начала преследовать турецкая полиция.

Я, сидя в своем бюро, обдумывал создавшееся положение, как вдруг раздался короткий стук в дверь. Не успел я ответить, как дверь открылась и вошли два полицейских в сопровождении управляющего домом.

— Ну, это пришли за мной, — подумал я, встав с места и запустив руку в карман, где я хранил браунинг. Еще при найме своего бюро я предвидел возможность моего ареста в конторе. В случае такой попытки я решил не сдаваться, а, пользуясь расположением конторы под самой крышей, бежать через крыши соседних домов и скрыться в одной из наших конспиративных квартир, откуда уже легко было бы сесть на советский пароход. Встав из-за стола и подойдя к смежной двери, через которую я мог бы в случае необходимости скрыться, я спросил полицейских, в чем дело,

— Мы пришли проверить контракты всех жильцов этого дома, — любезно ответил один из полицейских.

Я сразу успокоился и, достав контракт, передал им. Проверив документ, полицейские ушли, а я из окна продолжал наблюдать за ними. Меня интересовал вопрос, проверяют-ли они документы у всех или только у меня. И я окончательно успокоился, увидев, что они обходят всех моих соседей.

Вечером, выйдя из конторы на улицу, я, однако, заметил, что за мной следят. Два субъекта неотступно следовали за мной, то забегая вперед и затем дожидаясь у витрин, пока я пройду вперед, то отставая и прячась за углами. Я также следил за ними, останавливаясь у магазинов и разглядывая в зеркала витрин их лица на противоположном троттуаре. Невольно я сравнивал их работу с работой наших секретных агентов в Москве. Да, не мешало бы турецкой полиции взять несколько уроков по слежке у агенты ГПУ.

Помню, будучи в Москве, я дал задание нашей агентуре установить наружное наблюдение за турецкой миссией в Москве. Желая убедиться, насколько добросовестно выполняется задание, я к вечеру сам пошел проверить посты. Но к моему удивлению, после получасовых поисков у здания турецкой миссии я никого из наших не нашел. Еще больше было мое удивление, когда я на следующее утро пришел на службу с решением дать нагоняй агентуре и нашел у себя на столе сводку лиц, посетивших турецкую миссию. В этой же сводке фигурировал и я, как пробывший полчаса у здания миссии. Оказалось, что я агентов не видел, но они меня зато прекрасно видели. А турки? они просто бегали за мной, и, чтобы избавиться от них, я просто взял проезжавшее такси и уехал, предоставив

им догонять меня, если у них хорошо тренированы ноги.

Итак, эти наблюдения меня не беспокоили. Наоборот, они показывали, что турки меня в чем то подозревают, но, не имея конкретных данных, хотят их получить. Я же прекратил всякую работу и знал, что нужного козыря против меня им не найти.

Но вместе с тем я видел, что атмосфера накаляется, и решил готовиться к отъезду. Я обратился за визой в одно из иностранных консульств, но получил отказ. Я искал повод для обращения в другое консульство.

Прошел еще месяц. Наружного наблюдения за собой в последние дни я уже не замечал и решил, что туркам надоело следить за мной. Между тем мне понадобилось по личному делу пойти в персидское консульство. Войдя в здание, я был встречен служителем консульства.

— Я — персидско-поданный, коммерсант Нерсес Овсепьян, хочу видеть консула для получения удостоверения, — обратился я к служителю.

— Так это вы Нерсес Овсепьян? — с любопытством спросил служитель, разглядывая меня.

— Да, а в чем дело? — спросил я, поняв, что тут что-то неладно.

— Дели в том, что вчера приходил агент тайной полиции и наводил справки о вас, — ответил он.

У меня захватило дыхание. Значит, дело приняло серьезный оборот, раз полиция решилась обратиться в консульство.

— Так, так, а что вы им ответили? — задал я вопрос.

— Ничего особенного. Мы ответили, что консуль-

ство вас не знает. А у вас паспорт с собой? — спросил служитель.

— Да, пожалуйста, — ответил я, подавая ему мой фальшивый паспорт.

— Подождите здесь, я доложу консулу, — сказал он и скрылся с паспортом за дверьми, неплотно закрыв их. Прошло минут пять. Закурив папиросу, я, прогуливаясь, по коридору, заглянул в щель двери, в которую ушел служитель, и увидел, что кто-то, сидя за столом, разглядывает листы моего паспорта на свет.

— Хорошее положение, нечего сказать, — подумал я, отходя от двери, — а вдруг он обнаружит, что паспорт фальшивый: Что тогда делать? Может-быть, не дожидаясь паспорта, мне бежать сейчас? Но тогда они сразу поймут, в чем дело, и позвонят в турецкую полицию. Нет, лучше подождать, а там видно будет. Бежать никогда не поздно, решил я, нащупывая неразлучный револьвер. Прошло еще минут десять. Наконец, служитель вышел с паспортом и, передавая мне, сказал:

— Сегодня уже поздно, зайдите за удостоверением завтра. — В это же время у двери стоял человек, разглядывавший мой паспорт и внимательно в упор смотрел на меня, точно сравнивая меня с фотографией на паспорте.

Я поблагодарили и, повернувшись, направился к выходу. Я чувствовал, что глаза служащих устремлены мне в спину, и мне хотелось бежать из всех сил. Но напряжением воли я заставил себя идти спокойно, не спеша, пока я не вышел за ворота консульства.

На следующий день у меня не хватило больше смелости вновь пойти в консульство. Но не пойти тоже могло вызвать подозрения, — подумал я и решил по-

звонит по телефону. Быстро разыскав в телефонной книжке номер консульского телефона, я позвонил. На мое счастье у телефона был вчерашний служитель.

— Это говорит Нерсес Овеспьян. Я, к сожалению, очень занят, так как должен продать партию товара. Не будете-ли так любезны притти ко мне в контору с моим удостоверением? Заодно увидите мою контору, — пригласил я его.

— Хорошо, я буду к пяти часам в вашем районе и зайду к вам, — ответил служитель.

В пять часов он пришел. Старый служащий, с мизерным жалованьем, обремененный большой семьей. Таким оказался он после часовой беседы со мной, в течение которой мы основательно подружились. Получив перед уходом от меня пятьдесят лир за услуги, он усиленно жал мне руку и сказал:

— Будьте спокойны, господин Овеспьян, я вижу, что вы — богатый купец, и скажу консулу все, что полагается. Насчет полиции также не беспокойтесь. Отныне консульство за вас будет ручаться. Всегда я буду рад помочь вам, чем могу.

Я его также благодарил и пригласил заходить почаще.

Прошла еще неделя. Однажды пришел ко мне один из моих секретных агентов.

— Господин Овеспьян, я вас очень уважаю, но, признаться, у меня семья, и я больше не могу рисковать работать для вас. Я узнал из достоверных источников, что секретная полиция усиленно интересуется вашей личностью, и предупреждаю вас.

— Ну, что же, спасибо за предупреждение. Давайте расстанемся друзьями, — прощался я с ним.

Итак, нужно действовать, Дальше с огнем играть опасно, — решил я. Нужно во что бы то ни стало выехать из Турции. Но куда? Конечно, туда, где больше всего гарантий от большевиков. Где больше русских, где сейчас нашел приют Беседовский, порвавший с парижским полпредством. В Париж, откуда я смело и открыто могу сказать все, что накопилось в душе.

Я вызвал по телефону служителя персидского консульства, который уже был со мной на положении друга.

— Я хочу поехать на один месяц по торговым делам в Париж, не сможешь ли ты получить мне визу? — спросил я его.

— С удовольствием. Французы никому в визе не отказывают. Давайте поедem во французское консульство хоть сейчас, — предложил он.

Взяв машину, мы поехали на Таксим. Несмотря на толпу посетителей, мы быстро попали к консулу и через четверть часа вышли из консульства с готовой визой.

Еще два дня на сборы, и в четверг 19 июня я погрузился на пароход «Тадла», шедший в Марсель. Еще вчера я имел свидание с Этингоном-Наумовым, который передал мне, что Москва удивляется моему длительному молчанию и требует присылки материалов. Я обещался встретиться с ним в субботу и передать почту для Москвы. Сегодня я уже на пароходе. Еще несколько минут — и прощай Стамбул с твоими прекрасными берегами и всем пережитым мною здесь за эти девять месяцев. В субботу вечером, когда Наумов будет меня ждать на мосту Галаты с почтой для Москвы, я уже буду у Неаполя.

Пароход тронулся и медленно отошел из Галаты, с того места, куда я прошлой осенью причалил, как резидент ГПУ, как защитник диктатуры Сталина. Теперь я отъезжал, как эмигрант, как враг этой диктатуры. Мы вышли в Мраморное море. Всю ночь я не спал. Я все еще боялся погони, пока пароход был в турецких водах. Но вот начало рассветать. Вдали показались контуры Пирея. Мы были уже в Греции. Я стоял на борту и смотрел на приближавшийся берег. Нет больше непосредственной опасности. Я вынул из кармана револьвер, с которым я не расставался со дня революции в России. Посмотрел в последний раз на своего верного долголетнего спутника и медленно, с сожалением, разжал пальцы. Он отвесно по борту нырнул в темносинее зеркальное море.

Прощай, ты мне больше ненужен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда я уже сидел в редакции «Последних Новостей» в Париже и разговаривал с журналистами, то один из них спросил меня: — не боюсь ли я, что ГПУ расправится со мной? — На это я, помню, ответил, что непосредственная опасность грозит мне до тех пор, пока я не опубликовал своей книги, а потом мне будут мстить лишь при удобном случае.

Зная великолепно нравы и обычаи ГПУ, я сделал такой вывод и не ошибся.

Спустя три месяца после разрыва с ГПУ, уже проживая в Бельгии, я получил из Парижа одно за другим два письма от некоего Измаила Гаджиани, в которых он просил встречи со мной по важному делу.

С Гаджиани я еще в родном городе учился в одной гимназии. Затем, уже в годы революции, когда я был резидентом ГПУ в Мешед, один из его братьев работал секретно для меня. Наконец, с самим Измаилом я в период пребывания в Москве, где он имел коммерческую контору, не раз встречался и знал, что он является секретным агентом Контр-Разведывательного отдела ГПУ.

Итак, получив его письма, я предположил, что его приезд в Париж был связан с делами ГПУ, и, приняв

соответствующие предосторожности, согласился встретиться с ним в Брюсселе.

Встретились мы на одной из главных улиц, как два брата, и тут-же зашли в одно из бесчисленных кафе поговорить по душам.

— У меня имеются для тебя два письма, — начал Гаджиани — но прежде, чем передать их тебе, я хочу спросить тебя, что значит твои статьи в «Последних Новостях»?

— Как что? Это началось печататься моя книга о работе ГПУ, — ответил я.

— Да что ты, в самом деле, порвал с ГПУ, что-ли? — недоумевающе спросил Гаджиани.

— Давай лучше мои письма. Почитаем, а потом поговорим на эту тему, — сказал я, почувствовав что-то неладное и желая из писем предварительно узнать, в чем дело, дабы знать, какой тон взять с Гаджиани.

Гаджиани передал мне письма. Одно из них было написано по-армянски, а другое на персидском языке.

В первом письме, датированном 25 июля, было буквально следующее:

«Дорогой Стон (мой псевдоним в Константинополе)!

Давно ничего не пишешь. Наверное, еще не имеешь связи. Из Константинополя также много не писал. Теперь ты, наверное, еще меньше времени будешь иметь, чтобы писать мне. Ты теперь находишься в таком месте, куда очень стремился попасть.

Моего посланца ты должен знать. Он хороший и преданный парень. «С» с ним отправил мне письмо, в котором пишет, что заместитель «Старика» очень рад, что мы стоим на нашем посту, и довольны нашей работой. Ты помнишь,

что ты говорил, что только армяне могут хорошо работать. Если «Старик» на тебя очень полагался, то теперь вновь назначенным нужно доказать, что мы можем делать еще более крупные дела.

Наша «торговля» идет хорошо. «Короткого» отправили обратно; «Красивый» останется несколько месяцев, затем уедет. Ожидаем новых.

Скоро я приговляюсь ехать туда, о чем мы с тобой много думали, и, как я говорил, я буду там первым. Почти все готово. Еду один. От «Бороды» отошел. Увидимся — расскажу почему.

Мой посланец, как видно, назначен для связи между такими, как мы. С ним ты можешь написать несколько слов. У тебя очень интересная работа, и ты о ней мечтал. И если сумеешь провести... Последнего время «Заря» хорошего мнения о тебе и верит, что эту работу ты сделаешь лучше, чем все другие.

Мне кажется, что «Заря» устал и хочет вернуться. «С» пишет, что есть новости о партийной жизни. Мы тоже, как ты, очень поздно узнаем об этом. Не знаю, как ты, но мы кое-когда читаем наши газеты. Нам дает «М», с которым мы встречаемся в неделю раз.

Скоро, вероятно, с тобой систематически свяжутся, и мы надеемся переписываться с тобой.

Я очень бы хотел также попасть в «П», конечно, сейчас не пустят. Поеду, приеду, посмотрим.

Привет, пожелания здоровья и удачи. К.»

Подписано письмо было К. Кеворкяном, если читатель помнит, одним из моих помощников в Москве.

Прочитав письма, я сразу понял игру ГПУ. Узнав через агентуру в Париже о том, с каким недоверием я был встречен в Париже, что было естественно после моей десятилетней работы в ЧК, ГПУ решило этими письмами окончательно внушить недоверие ко мне, а отсюда и к тем разоблачениям, которые я сделал бы.

— Теперь расскажи по порядку о твоей поездке, — обратился я к Гаджиани, после чтения писем.

— Два месяца тому назад меня вызвал к себе Заместитель НачИНО Артузов. Когда я пришел к нему в кабинет, там сидел Триандафилов и Кеворкян. Артузов мне сказал, что «мы поручили товарищу Агабекову очень крупную работу в Париже, куда он поехал нелегально. Но мы потеряли с ним связь, которую необходимо установить. Вам необходимо поехать в Париж и, увидевшись с ним, передать ему наше письмо». Я согласился на предложение Артузова и получив 1000 долларов на дорогу, выехал из Москвы. С визами у меня не было затруднений, ибо я имел персидский паспорт. Приехав в Париж, я по инструкции ГПУ остановился в гостинице «Англетер», где, по их сведениям, должен был проживать и ты. Но наведя справки, я выяснил, что ты оттуда давно переехал. Я продолжал поиски и, наконец, из газет узнал, что ты в Бельгии. Узнав об этом, я телеграфно сообщил в Москву, испрашивая дальнейших инструкций. На эту телеграмму я получил ответ, что «Агабеков не в Бельгии, а в окрестностях Тулона живет на одном из военных заводов», куда ГПУ предлагало мне ехать и найти тебя.

Чем дальше рассказывал Гаджиани, тем ярче я представлял себе дьявольский план провокации ГПУ. Мне было ясно, что Артузов решил пожертвовать Гаджиани, чтобы погубить меня. Он сознательно направил его с персидским паспортом, т. е. таким же, какой был у меня в Константинополе, в Париж и велел остановиться в той же гостинице «Англетер», где останавливался я. Рассчеты Артузова были основаны на том, что Гаджиани, двигаясь по пути Агабекова и разыскивая его, обратит на себя внимание полиции, которая при обыске найдет у него письма ГПУ, компрометирующие Агабекова. Меня заинтересовала роль Гаджиани. Знал-ли он, на что идет?

— Скажи пожалуйста, Измаил, ты знаешь, что мне написано в письме из ГПУ, — спросил я его.

— Нет, я не знаю армянского языка, но Коля мне сказал, что письмо зашифровано и даже в случае оно попадет в посторонние руки, не может вызвать подозрений, — ответил Гаджиани.

— Ну ладно, продолжай рассказывать дальше.

— Так вот получив приказ ГПУ, я поехал в Тулон и разыскивал там тебя в течение шести дней и, не найдя, возвратился в Париж. По приезде я решил обратиться за твоим адресом в «Последние Новости», где начали печататься твои статьи. Там мне отказались сообщить адрес, но согласились переслать тебе мои письма. Вот как я тебя нашел после полутора-месячных поисков, — закончил Гаджиани.

Из всего его рассказа и поведения я заключил, что он не знал подлинных намерений ГПУ. Я решил открыть ему глаза.

— Слушай, Измаил, я на самом деле порвал с

ГПУ. Это не трюк, как тебе объясняли в ГПУ. Доказательством тому написанная мною книга, которая сейчас публикуется в «Последних Новостях». Чтобы отомстить мне, ГПУ решило принести тебя в жертву, послав ко мне с этими письмами. Они нарочно посылали тебя в Париж и Тулон, надеясь, что полиция задержит тебя с ними, чего к моему с тобой счастьем не случилось.

— Нет, я не могу поверить тому, что они так играли моей жизнью, — ответил Гаджиани, — я сейчас пошлю телеграмму в Москву о том, что я тебя нашел и ты увидишь, что они дадут деловую инструкцию.

— А я уверен, что они, получив твою телеграмму, поймут, что их игра не удалась и не ответят тебе, — ответил я.

— Если они не ответят, то я тебе поверю, — сказал Гаджиани.

В тот же день он послал телеграмму в Москву. Через три дня еще одну. Но конечно ответа не было. Я был прав. Я слишком хорошо знал методы тех, с кем я работал десять лет, чтобы ошибаться.

Гаджиани, пробыв со мной неделю, уехал в Берлин. А книга моя к этому времени вся была опубликована. Я уже перестал ожидать непосредственного нападения со стороны ГПУ.

Они постараются расправиться со мной при удобном случае. Поживем — увидим.

К о н е ц.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Предисловие	5
Глава I. Коммунисты в ЧК	7
Глава II. Проверка чекистов	15
Глава III. Агентурное дело «Люся»	21
Глава IV. Суд и расправа в ЧК	30
Глава V. Сонька «Незолотая ручка»	39
Глава VI. Убийство Энвера Паши	52
Глава VII. ГПУ и контрабандисты	69
Глава VIII. Судебная комедия	79
Глава IX. Кража консульских шифров	89
Глава X. Троцкизм среди чекистов	101
Глава XI. ЧК у границ Индии	112
Глава XII. Как мы дружили с англичанами	125
Глава XIII. «Коммунистки» Ася и Нина	137
Глава XIV. Чекист... на страже правственности	149
Глава XV. Кусочек Коминтерна	167
Глава XVI. Будничный день чекиста	178
Глава XVII. Смерть предателям	200
Глава XVIII. Восточный сектор ОГПУ	218
Глава XIX. Чекисты наизнанку	227
Глава XX. Шестичасовой рабочий день	236
Глава XXI. Продолжение	246
Глава XXII. Карахан и ГПУ	254
Глава XXIII. Англо-американский отдел ГПУ	262
Глава XXIV. В центральной контрольной комиссии	267
Глава XXV. Сталинская авантюра войны	276
Глава XXVI. Вожди чистят ГПУ	284
Глава XXVII. «Живой» помер	293
Глава XXVIII. Москва—Константинополь	300
Глава XXIX. Фридрих Кейль	309
Глава XXX. Под флагом германской разведки	314
Глава XXXI. Между двух огней	319
Заключение	330

